ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

18+

Современный мастер ловушек и неожиданных поворотов сюжета.
Дэн Браун

ХАРЛАН КОБЕН

Я ТЕБЯ НАЙДУ

Впервые на русском!

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Я тебя найду
Харлан Кобен

Аннотация
Харлан Кобен. Я тебя найду
Часть 1
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
  Глава 6
  Глава 7
  Глава 8
  Глава 9
  Глава 10
  Глава 11
  Глава 12
  Глава 13
  Глава 14
  Глава 15
Часть 2. Двенадцать часов спустя
  Глава 16
  Глава 17
  Глава 18

Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Часть 3
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Восемь месяцев спустя
Благодарности

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ
ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ
ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Харлан Кобен – первый в списке десяти лучших детективных писателей Америки по версии «New York Times», лауреат премий «Шамус», «Энтони», «Эдгар», «Серебряная пуля». Его романы литературные критики называют гениальными, острыми и проницательными, неизменно увлекательными, превосходными и обязательными для чтения. «Я не напрасно причисляю Кобена к великим писателям – возьмите любой из его романов, и вы погрузитесь в историю столь же запутанную, сколь захватывающую и при этом живую». Так отозвалась о нем Гиллиан Флинн, автор международного бестселлера «Исчезнувшая».

У Дэвида и Шерил есть все, о чем только

можно мечтать: брак по любви, отличный дом в пригороде, ребенок. Но однажды ночью Дэвид просыпается и видит на себе кровь – не свою, а трехлетнего Мэттью. И хотя Дэвид твердо знает, что не убивал сына, улики против него неопровержимы.

Спустя пять лет Дэвида навещает в тюрьме сестра его жены – с ошеломляющей новостью и с фотографией, сделанной в парке развлечений. Мальчик на снимке выглядит так знакомо… Дэвид понимает, что это невозможно, но все же – это он, его Мэттью. Сын жив!

А значит, необходимо решиться на то, что кажется совершенно невыполнимым. Надо бежать из тюрьмы. Надо спасти сына. Надо очистить свое имя.

И узнать правду о случившемся в ту роковую ночь.

Впервые на русском!

Харлан Кобен
Я тебя найду

Посвящаю моим племянникам и племянницам:
Томасу, Катарине, Маккаллуму, Райлли, Дави, Алеку, Женевьеве, Майе, Аллану, Ане, Мэри, Мэй, Сэму, Калебу, Финну, Энни, Руби, Делии, Генри и Молли.
С любовью, дядя Харлан

Harlan Coben
I WILL FIND YOU

Copyright © 2023 by Harlan Coben
This edition is published by arrangement with Aaron M. Priest Literary Agency and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

© В. О. Михайлова, перевод, 2026
© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Часть 1

Глава 1

Вот уже пятый год я отбываю пожизненное за убийство собственного сына.

Спойлер: я этого не делал.

Моему Мэттью, смыслу всей моей жизни, было всего три, когда он стал жертвой жестокого убийцы, и с той самой минуты я навек приговорен. И это вовсе не фигура речи. Ладно, так и быть: не совсем фигура речи. Даже если бы не было ареста, суда присяжных и приговора, меня в любом случае ждало вечное самозаточение.

Но в моем случае — в очень конкретном случае — фразу «пожизненное заключение» стоит понимать и в прямом, и в переносном смысле.

«Как, — спросите вы, — ты и вправду этого не делал?»

Да, все так.

«Но разве ты не боролся, не отстаивал всеми силами свою невиновность?»

Нет, не то чтобы… Причина этого, как я полагаю, кроется в фигуральном прочтении слова «пожизненное». Проще говоря, мне было плевать на приговор. Да, звучит нелепо, но ведь все ясно как божий день.

Мой сын мертв.

Выделите предыдущий абзац. Продублируйте в голове заглавными буквами. Мой сын мертв, его больше нет, и от того, признала бы старшина присяжных виновным меня или нет, ничего бы не поменялось. В конечном счете, как ни посмотри, я подвел своего сына. Если бы присяжные докопались до истины и оставили меня на воле, живее Мэттью от этого бы не стал. Любой отец должен защищать своего ребенка, это самое главное. И пускай не я держал в руках орудие, пять лет назад превратившее мое прекрасное дитя в искромсанное месиво, которое я увидел в детской, — я не смог этого предотвратить. Я не выполнил долг отца. Не защитил сына.

Виновен я или нет с точки зрения закона, не имеет значения. Я сам себе выдвинул обвинение и вынес приговор.

Вот почему я едва отреагировал, когда старшина присяжных зачитала вердикт. Из этого люди в зале, конечно же, заключили, что я конченый психопат, или социопат, или невменяемый какой-то, или урод. СМИ писали, я не способен испытывать чувства. Не наделен «геном эмпатии», не терзаем угрызениями совести, гляжу на все мертвыми глазами, или как там еще определяют завзятых

убийц. Так вот, СМИ набрехали. Я просто ни в чем больше не видел смысла. В ту ночь, найдя мертвого Мэттью в его пижамке с супергероями «Марвел», я получил сокрушительный удар. Удар, поваливший на колени, парализовавший меня. Сил снова встать не нашлось тогда, нет сейчас и уже не найдется.

Вот так и превратилась моя жизнь в пожизненное заключение.

Ну а если вы думаете, что это история о том, как несправедливо меня судили и как я обязательно докажу свою непричастность, то лучше не надо. Это вовсе не главное, да и в принципе не важно. Ну, выйду я из этой вонючей дыры, но разве это означает искупление? Разве это вернет мне сына?

Да о каком искуплении тут можно говорить!

Или, по крайней мере, я так думал, как вдруг ко мне в камеру заявляется охранник по кличке Курчавый, с мозгами набекрень, да и говорит: к тебе, мол, посетитель.

Я и ухом не повел, потому что — ну не может же он иметь в виду меня. За все пять лет, что я здесь, меня никто не навещал. Отец пытался в первый год отсидки. С ним рвалась тетя Софи, плюс парочка близких друзей и родственников,

считавших меня невиновным или хотя бы не до конца виновным. Я же отказывался от любых свиданий. Шерил, мать Мэттью и моя тогдашняя жена (теперь уже бывшая, что не удивляет), тоже пыталась навещать меня, хоть и без энтузиазма, но и она осталась ни с чем. Я дал ясно понять, что не потерплю визитеров, поскольку не нуждаюсь в жалости, даже к самому себе. Подобные короткие встречи ничего не дают навещающим и навещаемым. Вот и какой в них смысл?

А через год-два люди и вовсе забыли обо мне. Да и кому охота гонять в тюрьму штата Мэн, кроме, может быть, Адама, но вы поняли. А теперь, впервые за столько лет, кто-то все-таки рискнул навестить меня в Бриггсе?

— Берроуз, шагай за мной! — рявкает Курчавый. — К тебе гости.

Я морщусь:

— А кто именно?

— Я похож на мальчика из твоей пресс-службы?

— Подходит.

— В смысле?

— Шутка про пресс-службу подходящая. Обхохочешься.

— Умничать вздумал?

— Мне не нужны посетители, — говорю я. — Будь добр, скажи им, чтобы убирались.

— Берроуз… — вздыхает Курчавый.

— Чего?

— Подними свою задницу. Ты анкету не заполнил.

— Какую еще анкету?

— Специальный письменный отказ от посетителей.

— Я думал, в противном случае с меня бы потребовали список гостей.

— Список гостей, — передразнивает Курчавый, качая головой. — Тебе тут что, отель?

— А в отелях есть списки гостей? — возражаю я. — Как бы там ни было, я же заполнял какую-то форму с отказом от посетителей.

— Это когда ты здесь оказался.

— Верно.

Тут Курчавый вновь вздыхает:

— Ну, так эту форму нужно каждый год заново заполнять.

— Что?

— Ты отмечался в этом году, что не хочешь посетителей?

— Нет…

— Ну вот, — разводит руками Курчавый. — А

теперь вставай.

— А нельзя просто передать посетителю, чтобы шел домой?

— Нет, Берроуз, нельзя, и я скажу тебе почему: это будет напряжнее, чем дотащить до него твой зад. Если я соглашусь, мне, видишь ли, придется объяснять, почему ты не вышел, твой гость забросает меня вопросами; мне, скорее всего, придется самому корячиться над анкетой, а я в гробу ее видал; затем анкету нужно отнести тебе, и весь этот бедлам, знаешь, весь этот геморрой мне не нужен. И тебе, поверь, не сдался. Значит, вот как все будет: сейчас ты встаешь и идешь со мной, на свидании можешь просто сидеть молчком — мне плевать, потом ты заполняешь нужную анкету, и мы раз и навсегда закрываем этот вопрос. Улавливаешь?

Я пробыл здесь достаточно для понимания, что слишком долгие препирательства не только бесполезны, но и вредны. Да и мне, по правде говоря, теперь любопытно, что там за визитер.

— Улавливаю, — отвечаю я.

— Супер. Идем.

Дальше — хорошо знакомое упражнение. Я позволяю Курчавому надеть наручники, а затем цепь на живот, чтобы приковать к талии мои

руки. Оковами на ногах он пренебрег — в основном потому, что с ними неудобно возиться. Нам предстоит долгая прогулка от БПЗ (блок предупредительного заключения, если вы не в курсе) тюрьмы Бриггс до гостевой зоны. Сейчас в БПЗ отбывают наказание восемнадцать человек, из них семеро растлителей малолетних, четверо насильников, двое серийных убийц-каннибалов, двое «просто» серийных убийц, двое убийц полицейских и, конечно же, один детоубийца (ваш покорный слуга). Элитная публика.

Курчавый бросает на меня тяжелый взгляд, и это странно. Большинство охранников — скучающие якобы-полицаи и/или качки, что смотрят на нас, заключенных, с бесконечной апатией. Хочется спросить Курчавого, в чем дело, но я знаю, когда лучше помалкивать. Здесь быстро этому учат. Я иду на дрожащих ногах. Почему-то так нервничаю. Я-то, честно говоря, пообвыкся здесь жить. А ведь в тюрьме несладко — намного хуже, чем вы можете себе представить, но я все равно приспособился. И тут — бац! — посетитель, кем бы он ни был, приперся после стольких лет, чтобы рассказать последние новости.

Мне уже тошно.

Вспоминается, сколько крови было той ночью.

Я то и дело вспоминаю кровь. И сны о ней вижу, хотя теперь и не так часто. Сначала кровь снилась мне каждую ночь. Сейчас я бы сказал — пару раз за неделю, но счет не веду. В тюрьме время течет не так, как на воле: оно то замирает, то снова бурлит, брызжет, виляет. Помню, как моргнул, проснувшись в ту самую ночь в супружеской постели. Тогда я не посмотрел на часы, но для тех, кто любит точность, поясню, что было четыре утра. В доме было совсем тихо, и все же я каким-то образом почувствовал: что-то не так. А может, это я сейчас себя так обманываю. Наша память частенько изобретательнее любого рассказчика. Словом, есть вероятность, что я вообще ничего не почуял. Не знаю. Вроде бы я не вскочил стрелой с кровати, а, напротив, просыпался не спеша. На несколько минут мой мозг завис в странном состоянии между сном и явью, потихоньку возвращаясь к действительности.

Но вот наконец я сел на постели. Встал, направился по коридору к комнате Мэттью.

И тогда я увидел кровь.

Она была краснее, чем я мог себе вообразить, — яркой и сочной, как восковой мелок, кричащего, издевательски-алого цвета, напоминающего клоунский грим на белой простыне.

Мною овладела паника. Я позвал Мэттью. Неуклюже, сильно ударившись о дверной косяк, ворвался в его комнату. Снова произнес имя — но Мэттью молчал. Я промчался по спальне и нашел… что-то неузнаваемое.

Мне сказали, что я кричал.

И когда вошли полицейские, я все еще кричал. Мои крики, как осколки стекла, терзали каждую частичку моего тела. Должно быть, в какой-то момент я умолк. Этого тоже не помню. Может, сорвал голосовые связки, не знаю, но эхо тех криков так и не оставило меня. Осколки по-прежнему режут, кромсают, калечат.

— Поторопись, Берроуз, — говорит Курчавый. — Она заждалась.

Она.

Он сказал «она». На мгновение я представляю, что это Шерил, и мое сердце начинает биться сильнее. Но нет, она не придет, да я этого и не хочу. Мы были женаты восемь лет. Большую часть из них — счастливо, как мне казалось. Под конец брак перестал быть таким уж крепким: все новые и новые стрессы порождали трещины, а трещины сливались в пропасть между нами. Сумели бы мы ее преодолеть? Не знаю. Иногда я думаю, что Мэттью помог бы нам в этом, что наличие общего

ребенка сплотило бы нас, но, возможно, я лишь принимаю желаемое за действительное.

Вскоре после суда я подписал бумаги — согласие на развод. С тех пор мы с Шерил и словом не обмолвились, но это был скорее мой выбор, чем ее. Так что мне ничего не известно о ее теперешней жизни. Я понятия не имею, где она живет, страдает ли по-прежнему, скорбит ли, а может, смогла все-таки перевернуть страницу. И я думаю, лучше мне всего этого не знать.

Ну почему в ту ночь я не мог уделить Мэттью больше внимания?

Я не говорю, что был плохим отцом. Нет, это не так. Однако в тот вечер у меня просто не было настроения, ведь с трехлетками бывает и трудно, и скучно. Это любой подтвердит. Все родители уверяют, будто каждое мгновение, проведенное с ребенком, им в кайф, хотя это неправда. Во всяком случае, такая мысль посетила меня в тот вечер. Я не прочел Мэттью сказку на ночь, потому что мне этого не хотелось. Ужас, правда? Я просто отправил своего ребенка спать, чтобы сполна отдаться собственным бесконечным тревогам и переживаниям. Идиот, сущий идиот. Вечно мы позволяем себе быть идиотами, пока в жизни все хорошо.

Шерил, которая на тот момент едва-едва закончила ординатуру по общей хирургии, работала в ночную смену в отделении трансплантации Бостонской клинической больницы. Дома были только я и Мэттью. Я выпивал. Вообще-то, я не завзятый пьяница, мой организм с трудом выдерживает крепкий алкоголь, но именно он принес мне если не утешение, то безразличие к тому, что в последние месяцы наш брак не оправдывал себя. Я принял на грудь, и выпивка, судя по всему, подействовала на меня сильно и без промедления. В общем, я набрался как следует и отрубился, а значит, вместо того, чтобы присматривать за своим сыном, и защищать его, и проверять, заперты ли двери (а они оказались не заперты), и прислушиваться к чужим шагам, и просто, черт возьми, услышать, как ребенок кричит от ужаса или в агонии, я был в состоянии, про которое прокурор насмешливо сказал: «Глядел в дно бутылки».

А больше я не помню ничего, кроме запаха, разумеется.

Я знаю, о чем вы думаете. «Может, он, — это вы про меня, — и вправду это сделал!» В конце концов, доказательства моей вины были неопровержимы. Я вас понимаю. Честно. Иногда я и сам

испытываю сомнения. Нужно быть поистине слепым или умалишенным, чтобы отбросить такой вариант, поэтому дайте-ка я расскажу вам короткую историю, которая, как мне кажется, имеет прямое отношение к делу. Однажды ночью я сильно ударил Шерил. Мне снился кошмар: в нем гигантский енот напал на нашу собачку Ласло, и я в панике пнул енота со всей дури — но попал по ноге жены. Сейчас я помню, как до странности нелепо Шерил изобразила невозмутимость, слушая оправдания («Ты бы хотела, чтобы я позволил еноту сожрать Ласло?»), вот только она, моя замечательная жена-хирург, обожавшая Ласло и всех собак на земле, кипела от злости.

«А может, — сказала мне Шерил, — в глубине души ты мечтал сделать мне больно».

Жена произнесла это, улыбнувшись; и мне даже в голову не пришло, что она это всерьез. Но возможно, она действительно так думала. Мы тут же забыли об этом инциденте и провели вместе отличный день. Но теперь я часто вспоминаю тот раз. Ведь в ночь убийства я тоже спал и видел сон. Ударить разок не значит убить, но кто знает, как могло повернуться? Орудием убийства была бейсбольная бита. Миссис Уинслоу, сорок лет жившая в доме за нашими деревьями, видела,

как я закапывал биту. Вот ведь парадокс, хоть я и задавал себе вопрос, какой еще тупица мог бы закопать орудие убийства в непосредственной близости от места убийства да еще и не стереть отпечатки пальцев. И это далеко не последняя странность. Например, пару раз я уже засыпал после одного-двух стаканов слишком крепкого пойла — а кому не приходилось? — но так крепко — никогда. Возможно, мне подсыпали наркотик, но к моменту, когда меня сочли главным подозреваемым, для анализа на вещества было слишком поздно. Местные полицейские, многие из которых уважали моего отца, поначалу поддерживали меня. Они проверили нескольких негодяев, которых он посадил, но даже я понимал, что для этого не было оснований. Да, много лет назад отец нажил себе врагов, — и вот кто-то из них ради сомнительной мести решил убить трехлетнего малыша? Что-то тут не складывалось. Признаки сексуального насилия отсутствовали, какой-либо другой мотив — тоже, так что на самом деле, если суммировать все факты, оставался только один возможный подозреваемый.

Я.

Могло случиться что-то наподобие сна про енота. Не так уж это и немыслимо. Мой адвокат Том

Флорио хотел представить эту догадку на суде. Моя семья или по крайней мере некоторые члены семьи предлагали мне одобрить эту линию защиты. Признать себя ограниченно дееспособным или как-то так. За мной замечали симптомы лунатизма и другие странности, которые можно было бы списать на проблемы психического здоровья, если вас интересует терминология. Это поможет оправдаться, советовали близкие.

Но — нет, я не хотел признавать за собой психических отклонений, потому что, несмотря на все доводы, я этого не делал. Я не убивал своего сына. Я знаю, что не делал этого, я просто уверен. И да, знаю-знаю: так говорят все преступники.

Курчавый и я проходим последний поворот. Тюрьму Бриггс закатали в бетон от «Ёрли Американ», и все кругом, включая дорогу, казалось размыто-серым, будто полинявшим после дождя. Вот куда я попал прямиком из своего дома в колониальном стиле, с тремя спальнями и двумя с половиной ванными, дома, где солнечный свет, пробиваясь сквозь зеленые ставни, заливал интерьер природных тонов и сосновый антиквариат; а расположение тот дом имел самое удобное — на участке в три четверти акра в самом конце улицы. Да что уж там. Здешнее окружение меня нисколь-

ко не напрягает. Рано или поздно понимаешь, что любая обстановка не вечна, она иллюзорна, и обращать на нее внимание бессмысленно.

Жужжит сигнальный звонок, и Курчавый открывает дверь. Во многих тюрьмах помещения для свиданий уже окультурили. Там менее опасным заключенным разрешают занять один стол с гостем или гостями — никаких тебе перегородок или заграждений. Но я-то в другой тюрьме. Здесь, в Бриггсе, по-прежнему красуется пуленепробиваемое оргстекло. И ждет меня металлический табурет, привинченный к полу. Мою цепочку на животе ослабили так, что я могу взяться за телефон. Только так и общаются посетители в тюрьмах максимального уровня безопасности — по телефону и через оргстекло.

Моя гостья — вовсе не экс-супруга, хотя сходство налицо. Это сестра Шерил, Рейчел.

Рейчел сидит по другую сторону стекла, и я вижу, как ее глаза округляются, оценивая меня. Ее реакция почти что забавляет. Я, когда-то ее любимый зять, человек с незаурядным чувством юмора и бесшабашной улыбкой, за пять лет, безусловно, изменился. Интересно, на что Рейчел обращает внимание в первую очередь? Похоже, на худобу. Или, куда вероятнее, на переломанное

лицо — кости-то неправильно срослись. А может, на мертвенно-бледный цвет лица или на опущенные плечи, что некогда были спортивными, или на истончившиеся и поседевшие волосы.

Я сажусь и смотрю на нее через оргстекло, беру телефонную трубку. Жестом показываю Рейчел, что она должна сделать то же самое. Когда та подносит трубку к уху, я говорю:

— Зачем ты здесь?

Рейчел почти удается улыбнуться. Мы с ней всегда были близки. Мне нравилось проводить время с ней, как и ей — со мной.

— Не очень-то вежливо, мне кажется.

— Ты пришла сюда для обмена любезностями, Рейчел?

Теперь на ее лице ни намека на улыбку. Рейчел качает головой:

— Нет.

Я жду. Рейчел выглядит очень уставшей, но красота все еще при ней. Ее волосы такие же пепельно-русые, как у Шерил, а глаза — темно-зеленые. Я ерзаю на стуле, глядя на нее исподлобья, ведь смотреть ей прямо в лицо невыносимо.

Рейчел моргает, сдерживая слезы, и снова трясет головой:

— Это чистое безумие.

Она опускает взгляд и на мгновение вновь становится похожа на восемнадцатилетнюю девушку, с которой я познакомился, впервые придя в гости к Шерил в Нью-Джерси; тогда я учился на первом курсе Амхерст-колледжа. Родители сестер не слишком одобряли выбор Шерил, они видели во мне какого-то синего воротничка (еще бы, с отцом-полицейским и детством, проведенным в таунхаусе). Рейчел, напротив, сразу же прониклась ко мне симпатией, и я полюбил ее самой нежной любовью, какую мог бы питать к младшей сестре. Я заботился о ней. Я стремился ее защищать. Год спустя я помог ей, свежеиспеченной студентке, перебраться поближе в Лемхоллскому университету, а позже — в Колумбийский университет, где Рейчел изучала журналистику.

— Столько воды утекло, — вздыхает Рейчел.

Я киваю. Хочется, чтобы она поскорее ушла. Слишком больно вот так видеть ее. Я жду, но она молчит, поэтому я все-таки открываю рот, тем самым бросая такой нужный ей спасательный круг.

— Как Сэм? — спрашиваю я.

— Хорошо, — отвечает Рейчел. — Сейчас работает в «Мертон фармасьютикалз». Занимается

продажами. Он дорос до менеджера, много путешествует. — Затем она пожимает плечами и добавляет: — Мы развелись.

— О, — говорю я. — Мне жаль.

На самом деле мне не жаль, что та избавилась от Сэма. Мне всегда казалось, что он недостоин Рейчел, и то же самое я думал в отношении других ее ухажеров.

— Все еще пишешь статьи для «Глобуса»? — спрашиваю я.

— Нет, — отвечает она тоном, который ясно дает понять: тема закрыта.

Мы сидим молча еще несколько секунд. Затем я делаю еще попытку:

— Это из-за Шерил?

— Нет. Не совсем.

Я сглатываю:

— Как она?

Теперь Рейчел сидит, ломая руки. Она смотрит куда угодно, только не на меня.

— Она снова замужем.

Эта новость ошеломляет меня, как удар под дых, однако я даже не вздрагиваю. «Вот поэтому, — думаю я, — вот поэтому я и не хотел никаких посетителей».

— Она никогда не считала тебя виновным, зна-

ешь? И мы тоже.

— Рейчел, послушай…

— Что?

— На кой черт ты сюда пожаловала?

И опять эта тишина. Позади Рейчел я вижу еще одного, незнакомого мне, охранника, который пялится на нас. В помещении сейчас находятся еще трое заключенных, никого из них я не знаю, потому что Бриггс — слишком большая тюрьма, а я стараюсь держаться особняком. Меня накрывает желание встать и уйти, но тут Рейчел прерывает молчание.

— У Сэма есть друг, — говорит она.

Я жду.

— Вернее, не совсем друг. Коллега. Из маркетингового отдела. Тоже менеджер в «Мертон фармасьютикалз». Его зовут Том Лонгли. У него жена и двое сыновей. Хорошая семья. Мы иногда встречались на корпоративных барбекю и все такое. Его жена Ирэн довольно забавная, она мне нравится. — Рейчел останавливается и качает головой: — Куда-то не туда я завернула.

— Нет-нет, — отвечаю я. — Пока что звучит очень захватывающе.

Рейчел веселит — и вправду веселит! — мой сарказм.

— Узнаю старину Дэвида, — кивает она.

Какое-то время мы снова проводим в молчании, но вот Рейчел снова заговаривает — уже медленнее, с расстановкой:

— Два месяца назад Лонгли были на корпоративном отдыхе в парке развлечений в Спрингфилде. Кажется, парк назывался «Шесть флагов». Они взяли с собой и сыновей. Мы с Ирэн по-прежнему дружим, так что на днях она пригласила меня на обед. И там она рассказывала о той поездке, заодно насплетничав, что Сэм вроде как прибыл с новой подружкой. Мне-то что! Но это не важно.

Я смотрю на нее, удерживаясь от сарказма. Рейчел отвечает прямым взглядом:

— А потом Ирэн показала мне кучу фотографий.

Тут Рейчел делает небольшую паузу. Не имея ни малейшего понятия, куда она клонит, я тем не менее будто слышу в своей голове зловещий саундтрек. Рейчел достает плотный конверт размером восемь на десять, наверное, и кладет на столешницу. Долго, слишком долго разглядывает его, будто решаясь на следующий шаг, а затем стремительно вскрывает конверт, достает изнутри и прижимает что-то к разделяющему нас

стеклу. Это фото, о котором она говорила.

Не понимаю. Снимок точно сделан в парке развлечений. Женщина на фотографии (это и есть «довольно забавная» Ирэн?) застенчиво улыбается в камеру. Она держит на коленях двух пацанов — по-видимому, сыновей, отвернувшихся от объектива. Справа от них стоит парень в костюме Багза Банни, слева — еще один, в костюме Бэтмена. Ирэн выглядит слегка раздраженной, но это даже забавно. Я прямо вижу, как старый добрый маркетолог Том активно уламывает «довольно забавную» Ирэн сфотографироваться, а та не хочет, но решает не противиться, в отличие от сыновей. Вечная история. На заднем плане видны гигантские алые американские горки. Семейству Лонгли солнце бьет в глаза, а поэтому они щурятся и слегка отворачивают лица.

Рейчел смотрит на меня.

Я поднимаю на нее глаза. Она продолжает вжимать фото в стекло.

— Взгляни внимательнее, Дэвид.

Я смотрю еще секунду-две на Рейчел, а затем перевожу взор обратно на фотку. И на этот раз сразу выделяю нужную деталь. Стальной коготь вонзается мне в грудь, сдавливает сердце. Не дает мне дышать.

Ведь на снимке еще один мальчик.

Он виднеется справа на фоне, едва показываясь в кадре. Его лицо повернуто полностью в профиль, как оттиск на монете. На вид мальчику около восьми лет. Кто-то держит его за руку — должно быть, взрослый мужчина, которому мальчик смотрит в спину и который, увы, находится вне кадра.

Я протягиваю к снимку дрожащие пальцы, чувствуя, как слезы застилают мне глаза. Глажу изображение мальчика сквозь стекло. Конечно же, этого не может быть. Любой отчаявшийся видит то, что хочет видеть, и будем честны — ни один умирающий от жажды и обезумевший от жары, изголодавшийся путник, которому грезился мираж в пустыне, не знал отчаяния, подобного моему. Мэттью на момент гибели не было и трех лет, и даже самые любящие родители не смогли бы представить, как бы он выглядел лет через пять. Разве что приблизительно. Я вижу сходство, вот и все. Мальчик из парка здорово похож на Мэттью. Просто похож. Обычное человеческое сходство. Ничего более.

Меня пронзает рыдание, и я закусываю собственный кулак. Только через несколько секунд ко мне возвращается дар речи, и я говорю три

простых слова:

— Это же Мэттью.

Глава 2

Рейчел все так же прижимает фотографию к стеклу.

— Ты ведь знаешь, что это невозможно, — произносит она.

Я молчу.

— Да, он похож на Мэттью, — монотонным тоном произносит Рейчел. — Признаю. Очень похож. Но Мэттью был малышом, когда… — Она останавливается, берет себя в руки, начинает снова: — Да и родимое пятно у него на щеке, даже если судить по нему, оно меньше, чем было у Мэттью.

— Так и должно быть, — говорю я.

«Врожденная гемангиома» — так звучал медицинский термин для огромной сосудистой родинки винного цвета. У Мэттью она покрывала всю правую сторону лица. У мальчика со снимка пятно тоже присутствует — поменьше, побледнее, но точно на том же месте.

— Врачи предупреждали, что оно начнет уменьшаться, — продолжаю я. — Со временем пятно исчезнет полностью.

— Дэвид, — качает головой Рейчел, — мы оба

знаем, что это не может быть Мэттью.

Я не отвечаю.

— Это всего лишь нелепое совпадение. Мальчики очень похожи, а мы склонны видеть лишь то, что нам хочется… в чем нуждаемся. И потом, есть результаты судебной экспертизы и ДНК-теста…

— Стоп! — говорю я.

— Что?

— Ты бы не принесла мне эту фотографию, если бы думала, что это совпадение.

Рейчел жмурится:

— Я заглянула к знакомому специалисту из бостонской полиции. Показала ему старую фотографию Мэттью.

— Какую именно?

— Ту, на которой он в толстовке Амхерст-колледжа.

Я киваю. Мы с Шерил уже на десятом свидании купили эту вещь для нашего будущего сына. И однажды сфотографировали Мэттью в ней для рождественской открытки.

— В общем, у этого парня есть программа для состаривания людей на снимках. Суперсовременная. В полиции с ее помощью ищут пропавших людей. Я попросила накрутить мальчику на фото пять лишних лет и…

— Их лица совпали, — заканчиваю я за нее.

— Они очень похожи. Но не настолько, чтобы исчезли все сомнения. Ты ведь понимаешь? Мой друг тоже так сказал — и нет, он не знает, зачем мне понадобилось воспользоваться программой. Просто имей в виду: я никому ничего не говорила.

Удивительно.

— Ты не показывала этот снимок Шерил?

— Нет.

— А почему?

Рейчел ерзает на неудобном стуле.

— Это же безумие, Дэвид.

— Что именно?

— Весь этот сыр-бор. Тот мальчик не мог быть Мэттью. Мы оба принимаем желаемое за действительное.

— Рейчел…

Она встречается со мной взглядом. И я решаю надавить:

— Почему ты не сообщила сестре?

Рейчел крутит кольца на своих пальцах. Зрительный контакт разорван, ее взгляд мечется по комнате испуганной птицей и вновь замирает.

— Ты должен меня понять, — говорит она. — Шерил пытается жить дальше. Оставить кошмар

позади.

«Бум-бум-бум», — чувствую я биение в груди.

— Сообщи я ей, это означало бы снова выбить почву у нее из-под ног. Ложная надежда опустошила бы ее.

— И при этом ты решила рассказать мне.

— Потому что ты всего лишен, Дэвид. Ну что можно было бы у тебя отнять? Ты ведь все равно что не живешь. Ты давным-давно прекратил бороться.

Ее слова могут казаться резкими, но в тоне, с которым Рейчел их произносит, нет ни ярости, ни угроз. Разумеется, она права и судит совершенно справедливо. Здесь, в колонии, мне нечего терять. Если мы не правы насчет фотографии — а когда я пытаюсь быть объективным, то понимаю, что риск ошибиться велик, — для меня ничего не поменяется. Я продолжу хиреть и гнить за решеткой, не желая для себя иного.

— Шерил вновь замужем, — произносит Рейчел.

— Ты говорила.

— И она беременна.

Это как джеб левой прямиком в подбородок и тут же мощный, неожиданный хук справа. Отшатнувшись, я отсчитываю восемь секунд до

нокдауна.

— Я не хотела тебе говорить…

— Все в порядке…

— …но если мы решим что-то предпринять…

— Я понял, — отвечаю я.

— Хорошо, потому что лично я не знаю, что тут можно предпринять, — продолжает Рейчел. — Одно фото — не настолько веское доказательство, чтобы в него поверил хоть сколько-нибудь разумный человек. Но, может быть, ты хочешь, чтобы я действовала. Пошла в адвокатскую контору, в полицию…

— И там и там все только посмеются и укажут тебе на дверь.

— Верно. Пожалуй, можно отнести это фото в прессу.

— Нет.

— Или… или Шерил. Если скажешь, что так нужно. Вероятно, нам удастся получить разрешение на эксгумацию тела. Повторное вскрытие или ДНК-тест, так или иначе, докажут твою невиновность. Помогут добиться пересмотра дела…

— Нет.

— Постой, как же так?

— Во всяком случае, пока нет, — качаю я головой. — Нельзя, чтобы кто-нибудь прознал об

этом.

— Я не понимаю… — Рейчел явно сбита с толку.

— Ты ведь журналистка.

— И что?

— Все ты понимаешь, — отвечаю я, слегка наклоняясь к стеклу. — Представь, какие громкие пойдут заголовки, если всплывет это дело. Пресса обложит нас со всех сторон.

— Нас? Или хочешь сказать — тебя?

Голос Рейчел дрожит впервые с ее прихода. Мгновение я выжидаю. Она ошибается, и я вот-вот объясню ей, в чем именно. В первые дни после смерти Мэттью СМИ освещали дело вполне сочувственно. Они рассматривали трагедию одной семьи со всевозможных ракурсов, подпитывая чужие страхи, — мол, убийца еще на свободе, дорогие читатели, будьте бдительны. Зато в соцсетях с сочувствием было не ахти. Сперва один парень в «Твиттере» заявил: «Убийца — это кто-то из родственников». «Да сто пудов это был папаша, отчаянный домохозяин, — уверял другой, собирая этим сотни лайков. — Видать, завидовал успешной жене». Ну и так далее.

Когда же полиция не стала никого арестовывать и история начала понемногу затухать,

разочарованные СМИ так и заерзали. Эксперты вдруг задались вопросом, как это я не проснулся во время резни. Одна крохотная утечка, другая — и тут хлынуло: неподалеку от нашего дома нашлось орудие убийства — бейсбольная бита, купленная мной четыре года назад. И свидетеля нашли: миссис Уинслоу, соседка, якобы своими глазами видела, как я закапывал биту в ночь убийства. А там и судебная экспертиза подтвердила, что на бите обнаружены мои, и только мои отпечатки пальцев.

СМИ такой поворот нашли очаровательным, во многом потому, что заплесневевшая было история получила второй виток популярности. И они налетели гудящим роем. Психиатр, которого я некогда посещал, рассказал о моих кошмарах и лунатизме. Мой брак с Шерил трещал по швам. Возможно, у нее был любовник. В общем, представляете себе картину? В редакционных колонках требовали моего ареста и суда. Отмечали, что мой отец был полицейским и, значит, полиция закроет на все глаза. Спрашивали, что еще я могу скрывать от общественности. И вообще, не будь я белым — меня бы мигом бросили за решетку. Расизм, привилегированность, двойные стандарты!..

Что ж, многое из этого вполне могло быть правдой.

— Думаешь, меня волнует, что СМИ по мне проедутся? — спрашиваю я.

— Нет, — мягко отвечает Рейчел. — Но я не понимаю. Что плохого в том, чтобы пойти в газеты?

— Они повсюду раструбят о снимке.

— Да, разумеется. И что? — Ее взгляд ищет мой.

— И все о нем узнают. Включая, — тыкаю я в человека, за чью руку держится Мэттью на снимке, — этого мужика.

Тишина.

Я жду, пока Рейчел произнесет хоть что-нибудь. Так и не дождавшись, поясняю:

— Разве ты не видишь? Едва он узнает, едва почует, что мы ищем его или как-то интересуемся, — кто знает, как он поступит. А вдруг сбежит? Заляжет так, что мы в жизни его не отыщем? Или, может, он решит не рисковать. Раньше он думал, что у него все схвачено, а теперь, когда за ним идут, самое время спрятать концы в воду.

— Ну а что же полиция? — спрашивает Рейчел. — Они же могут скрытно расследовать это дело.

— Да брось! Утечек не миновать. А потом, они

и так не воспримут нас всерьез. Их не убедит какое-то фото, и ты это знаешь.

Рейчел качает головой:

— Так что ты намерен делать?

— Это ты у нас именитый журналист-следователь, — говорю я.

— Больше нет.

— Как это? Что случилось?

— Долгая история, — по-прежнему качает головой она.

— Нам надо добыть больше информации.

— Нам?

— Я должен выбраться отсюда, — киваю я.

— Ты бредишь?

Рейчел смотрит со вполне понятным беспокойством. Я и сам слышу в собственном голосе прежние нотки. Смерть сына заставила меня скрючиться в позе эмбриона и ждать конца. Раз Мэттью погиб, жизнь больше не имела смысла.

Но теперь…

Звучит звонок. В зал возвращается охрана, и Курчавый кладет руку мне на плечо:

— Время вышло.

Рейчел быстро сует фотографию обратно в конверт. От этого меня пронзает тоской, желанием снова увидеть фото, страхом, что все

обернется миражом; не смотреть на снимок пусть даже несколько секунд — это как всеми силами пытаться не закурить. Я пытаюсь выжечь на подкорке образ моего мальчика, но лицо его тает понемногу, как последнее мгновение сна.

Рейчел встает:

— Я остановилась в мотеле дальше по шоссе.

Я киваю.

— Вернусь завтра, — говорит она.

Мне вновь удается кивнуть.

— И как бы это ни прозвучало, я тоже думаю, что это он.

Я открываю рот, чтобы поблагодарить ее, и не могу выдавить ни слова. Но это не важно. Рейчел разворачивается и уходит, а Курчавый сжимает мое плечо.

— О чем болтали? — спрашивает он.

— Сообщи надзирателю, что мне надо его видеть.

Курчавый скалит зубы, похожие на мятные пастилки.

— Заключенным не положены встречи с надзирателем.

Я встаю, встречаюсь с ним взглядом — и улыбаюсь впервые за много лет. Настоящей улыбкой. Курчавый невольно делает шаг назад.

— Со мной он захочет встретиться, — говорю я. — Ты только сообщи.

Глава 3

— Дэвид, чего ты хочешь?

Надзирателя Филиппа Маккензи мой визит явно не радует. Его офис выглядит по-спартански, как во всех таких учреждениях. В углу — портрет губернатора и шест с американским флагом. Стол — серый «металлик», чисто функциональный, как у моих учителей в начальной школе. Справа на столе латунный набор — часы-ручка-карандаш из подарочного отдела «Ти-Джей Макс». За спиной надзирателя высятся, как сторожевые башни, два высоких одинаковых шкафа для документов, также из серого металла.

— Ну?

Я тщательно репетировал свою будущую речь, но все же говорю не по сценарию. Стараюсь поддерживать ровный, четкий и монотонный, даже профессиональный тон. Так я придам своим, без сомнения, безумным словам хоть какую-то разумность. Надзиратель, к его чести, сидит и слушает — и приходит в изумление далеко не сразу. Когда я замолкаю, он откидывается на спинку стула и отводит взгляд, делая несколько глубоких вдохов. Филиппу Маккензи уже за

семьдесят, но выглядит он так, словно все еще способен голыми руками сломать железобетонную стену вокруг тюрьмы, — с его-то мощной грудью, с округлыми, словно шары для боулинга, плечами, между которыми зажата лысая голова, явно не нуждающаяся в наличии шеи. Огромные грубые ладони упираются в стол, как два тарана.

И вот он смотрит на меня выцветшими голубыми глазами из-под густых седых бровей.

— Ты же это не всерьез, — произносит он наконец.

Я сажусь ровно.

— Это Мэттью.

Он отмахивается от моих слов гигантской рукой:

— Да будет тебе, Дэвид. Ты что, лапши пытаешься мне навешать?

Я лишь смотрю на него в упор.

— Лазейку ищешь, стало быть. Как и любой заключенный.

— Думаешь, я тут комедию ломаю, только бы меня выпустили? — Я изо всех сил стараюсь не сорваться. — Думаешь, мне так уж охота выбраться из этой помойки?

Филипп Маккензи вздыхает и качает головой.

— Филипп, — говорю я, — где-то там мой сын.

— Твой сын мертв.

— Нет.

— Ты убил его.

— Нет. Я могу показать тебе снимок.

— Тот, который принесла твоя невестка?

— Да.

— Ага, ясно. И я должен поверить, что какой-то там мальчик на заднем плане — это твой сын, убитый в возрасте трех лет?

Я молчу.

— Но предположим… не знаю, допустим, я поверю. Хотя вряд ли. В смысле, это ведь невозможно, даже ты это признаешь. Однако представим, что тот пацан — действительно вылитый Мэттью. Говоришь, Рейчел пропустила фото через программу для состаривания лиц, верно?

— Верно.

— Так откуда ты знаешь, что она просто не прифотошопила его возрастное лицо на снимок?

— Что?

— Фотографии очень легко подделать, ты в курсе?

— Шутишь, да? — хмурюсь я. — Зачем ей это делать?

— Погоди-ка. — И Филипп Маккензи вдруг замирает. — Ну конечно.

— Что?

— Ты не знаешь, что стало с Рейчел.

— О чем ты говоришь?

— О ее карьере в СМИ. С ней покончено.

Я ничего не говорю.

— Ты и вправду не знал?

— Это не важно, — говорю я, хотя это, конечно же, не так.

Я наклоняюсь вперед и пронзаю взглядом человека, которого всю жизнь знал как дядю Филиппа.

— Я тут уже пять лет, — произношу я самым размеренным тоном, на какой способен. — Сколько раз за эти годы я просил тебя о помощи?

— Ни разу, — подтверждает он. — Но это не значит, что я тебе не помогал. Думаешь, то, что тебя поместили именно под мой надзор, просто совпадение? Или то, что ты до сих пор торчишь в изоляторе? А ведь те парни ждали твоего возвращения в общую камеру, даже после избиения.

Меня избили спустя три недели тюремного заключения. Я и впрямь содержался не здесь, а в общей камере, но однажды четверо мужчин (мощь их либидо не уступала телесной мощи) зажали меня в душе. В душе. Куда уж тривиальнее. Изнасилования не было. Никаких сексуальных

мотивов. Ребята просто искали, кого избить, примитивного кайфа ради, — а разве можно пройти мимо новой знаменитости, папаши-детоубийцы? Они сломали мне нос. Разбили скулу. Моя треснувшая челюсть хлопала, как дверь без петель. Четыре сломанных ребра. Сотрясение мозга. Внутреннее кровотечение. Плохо видящий правый глаз.

В изоляторе я провел два месяца.

Тогда я вытаскиваю туз из рукава:

— Ты должен мне, Филипп.

— Поправка: я должен твоему отцу.

— Теперь это одно и то же.

— По-твоему, эта привилегия переходит от отца к сыну?

— Как бы на это ответил папа?

Филипп Маккензи вдруг принимает огорченный и усталый вид.

— Я не убивал Мэттью, — говорю я.

— Заключенный, уверяющий, что невиновен. — Он с легкой улыбкой качает головой. — Это что-то новенькое.

И Филипп Маккензи встает со стула, поворачивается к окну. Смотрит на лес за тюремным забором.

— Когда твой отец узнал о смерти Мэттью… и

хуже того — о твоем аресте… — Его голос стихает. — Скажи мне, Дэвид. Почему ты не сослался на временное помешательство?

— Думаешь, мне так важно было найти юридическую лазейку?

— Да какая лазейка, — говорит Филипп, теперь с сочувствием в голосе, и оборачивается на меня. — Это было помутнение. В голове у тебя перемкнуло. Найдись хоть какое-то объяснение, мы бы тебя только поддержали.

У меня начинает стучать в висках — то ли избиение дает о себе знать, то ли так на меня действуют слова Филиппа. Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох:

— Выслушай меня, прошу. Это был не Мэттью. И как бы там ни было, я его не убивал.

— Выходит, тебя подставили?

— Не знаю.

— А чье тело ты тогда нашел?

— Не знаю.

— Как ты объяснишь свои отпечатки пальцев на орудии убийства?

— Мэттью убили моей битой. Из моего гаража.

— А что насчет старушенции, которая видела, как ты закапывал орудие?

— Да не знаю я. Но фотография точно не лжет.

И старик снова вздыхает:

— Ты вообще понимаешь, какой все это бред?

Я тоже поднимаюсь со стула. Филипп, к моему удивлению, делает шаг назад, будто бы от страха.

— Ты должен вытащить меня отсюда, — бормочу ему я. — Хотя бы на пару дней.

— С ума спятил?

— Разреши мне выезд в связи с утратой близкого или вроде того.

— Такие выезды запрещены для твоей категории заключенных. Сам знаешь.

— Так найди способ, как мне отсюда вырваться.

— О, конечно, да без проблем! — смеется Филипп. — Вообразим чисто гипотетически, что я его найду, — за тобой вышлют вооруженную погоню. Без компромиссов. Ты детоубийца, Дэвид, тебя пристрелят не задумываясь.

— Это будет не твоя проблема.

— Еще как моя, черт побери!

— А представь, что все это происходит с тобой, — продолжаю я.

— Что?

— Представь, что ты на моем месте. Что убитый мальчик — твой Адам. На что бы ты пошел, чтобы

найти его?

Филипп Маккензи падает обратно в кресло, качая головой, закрывает ладонями лицо и энергично трет его. Затем жмет на интеркоме кнопку вызова охраны.

— До свидания, Дэвид.

— Прошу тебя, Филипп.

— Мне жаль. Правда, очень жаль.

* * *

Филипп Маккензи отвел взгляд, чтобы не смотреть, как охранник уводит Дэвида. После Филипп долго сидел в кабинете один, и воздух вокруг казался ему свинцовым. Он надеялся, что просьба Дэвида о встрече — первая за почти что пять лет заключения — в каком-то смысле хороший знак. Может, Дэвид наконец отважится на поход к психиатру. Может, ему захочется глубже погрузиться в события той ужасной ночи или хоть попытаться выстроить планы на будущее. Пускай даже здесь и после содеянного.

Выдвинув ящик стола, Филипп достал из него фотографию, датированную 1973 годом. На ней запечатлели двух мужчин, а точнее, тупых подростков, одетых в военную форму времен осады Кхешани. Это и были Филипп Маккензи и отец

Дэвида Ленни Берроуз. До призыва оба посещали среднюю школу Ревира. Филипп вырос на последнем этаже многоквартирного дома по Сентенниал-авеню. Ленни жил в квартале от него, на Дехон-стрит. Лучшие друзья. Товарищи по оружию. Коллеги-патрульные с пляжа Ревир-Бич. Филипп стал крестным отцом Дэвида, а Ленни — Адама. Их сыновья вместе ходили в школу, а в старших классах их знали как лучших друзей. Все повторялось.

Филипп взглянул в лицо старого друга. Сейчас Ленни лежал при смерти, никто и ничем не мог ему помочь. Его уход из жизни был вопросом времени. На этой старой фотографии Ленни улыбался той самой берроузовской улыбкой, умевшей растопить любое сердце, но вот глаза его, казалось, приковывали взгляд Филиппа.

— Я ничего не могу сделать, Ленни, — сказал он вслух.

А его друг с фотографии просто улыбался и смотрел на него.

Филипп несколько раз глубоко вздохнул. Час был поздний. Скоро закрывать офис. Он протянул руку и снова нажал кнопку интеркома.

— Да, надзиратель? — ответила секретарша.

— Мне нужно быть в Бостоне первым же утрен-

ним рейсом.

Глава 4

В тюрьме не бывает тихо.

Я живу в круглом «экспериментальном» блоке, с восемнадцатью раздельными камерами по периметру. Вход в каждую из них до сих пор отгорожен старомодными решетками. Непонятнее всего, почему унитаз и раковина из нержавейки (и да, они приварены друг к другу) установлены возле решетки. В дальних углах наших камер, в отличие от жилищ простых уголовников, есть отдельные душевые. А у охранников под рукой вентили, перекрывающие воду, на случай если вы моетесь слишком долго. Спим мы на монолитных бетонных кроватях с тоненькими, едва не прозрачными матрасами. По углам кроватей приделаны крепежи для четырех фиксирующих ремней. (Лично меня пока что не привязывали.) В меблировку также входят монолитный бетонный стол и монолитный бетонный табурет. В камере есть телевизор и радио, настроенные только на религиозные и образовательные каналы. А единственное окно наружу — это узкая щель в наклонной стене, сквозь которую меня дразнит кусочек неба.

Я лежу на упомянутой бетонной кровати и гляжу в потолок. Мне известен каждый его дюйм. Закрыв глаза, я пытаюсь разобраться в фактах, заново пересматриваю тот день — ужаснейший день, — в поисках чего-то, что я мог упустить. Я сводил Мэттью на детскую площадку у пруда с утками, затем мы пошли в супермаркет на Оук-стрит. Может, там нам встретился кто-то подозрительный? Тогда мне незачем было кого-то подозревать, но сейчас я возвращаюсь в нужный фрагмент памяти и прочесываю его на предмет новых подробностей. Наверняка зря. Вы скажете: тот день должен был запомниться, а все его мгновения — ожить по щелчку пальцев, однако с каждым днем события становятся все более расплывчатыми.

Вот я сижу на скамейке у игровой площадки, рядом с молодой мамашей и ее нарочито современной детской коляской. Та женщина воспитывала дочку, ровесницу Мэттью. Может, она называла мне имя дочки? Наверное, но я его не помню. Женщина была одета для занятий йогой. О чем мы говорили? Не помню. Да и что в этом важного? Кто ж мне скажет? На снимке, который приносила Рейчел, был взрослый мужчина, который держал Мэттью за руку. Может, он наблюдал

за нами на детской площадке? Выслеживал нас?

Понятия не имею.

Шаг за шагом я прохожу остаток того дня. Вот я дома. Вот укладываю Мэттью спать. Затем пью. Щелкаю пультом от телевизора. В какой момент я отрубился? Тоже не могу сказать. Помню лишь, как меня разбудил запах крови. Как потом я шел по коридору…

С громким щелчком загораются тюремные лампы, и я вскакиваю с постели, мигом вспотев. Уже утро! Сердце так и ухает в груди. Мне нужно несколько вдохов, чтобы успокоиться.

То, что я видел… та страшная окровавленная куча мяса в пижамке от «Марвел»… Это был не Мэттью. Вот что самое главное. Это был не мой сын.

Разве не так?

В мой мозг потихоньку ввинчивается сомнение. Кто еще это мог быть? Но пока я не позволю сомнениям пробраться внутрь меня, они ничего не дадут. Если я не прав, то выясню это наверняка и в любом случае вернусь туда, где я сейчас. Кто не рискует, тот не выигрывает. Поэтому я говорю себе: прочь сомнения. Пусть останутся лишь вопросы о том, как все могло быть. Возможно, как я думаю, такая жестокость обуславливалась

желанием скрыть личность жертвы (да, вот так, думай о нем как о жертве, а не как о Мэттью). Без сомнений, жертва была мужского пола. Ростом с Мэттью, такого же телосложения и цвета кожи. Но ведь ДНК-тест и подобные ему не проводились. Почему? Потому что никто не сомневался в личности жертвы?

Так ведь?

Мои сокамерники уже заняты своими ежедневными ритуалами. Мы содержимся в камерах-одиночках размером двенадцать футов на семь, но почти каждая из них просматривается из других. Говорят, такая обстановка «оздоравливает», в отличие от старых камер, с их полной изоляцией, где недостаточно социального взаимодействия. Я бы предложил тюремным начальникам так не запариваться, взаимодействие не очень-то и нужно. Эрл Клеммонс, например, серийный насильник, он начинает каждый день с того, что превращает наши утренние посиделки на унитазах в настоящее представление. Со звуковыми эффектами — вот тебе рукоплещущая толпа и спортивные комментаторы, один из которых освещает все с места событий, пока другой вставляет красочные примечания. А вон Рики Краузе, серийный убийца, который отнимал секатором

большие пальцы жертв, и он любит распевать пародийные песенки по утрам. Причем берет старую классику и искажает текст с тем, чтобы придать ему извращенный оттенок. Прямо сейчас он шумит: «Кто там на кухне долбит вагину?» — и ржет без устали, пока соседи в голос просят его заткнуться.

Время выстраиваться в очередь и идти завтракать. Это раньше в наш блок доставляли еду, словно курьеры «ДурДаш» были у нас на быстром наборе. А теперь нет. Один из соседей-заключенных выступал против того, чтобы люди жрали по камерам в одиночестве вопреки своим конституционным правам. Выступал-выступал — да и подал в суд. Заключенные вообще любят судиться, однако за этот иск служба исполнения наказаний ухватилась с радостью. Потому что обслуживание заключенных в камерах — дело недешевое и трудоемкое.

К полу маленького кафетерия привинчены четыре стола с металлическими табуретками. Я люблю помешкать в ожидании, пока все рассядутся, чтобы занять табурет подальше от более общительных заключенных. Не то чтобы общение не бодрило. На днях вот несколько парней спорили до хрипа, кто из них изнасиловал

самую старую женщину. Эрл «переиграл» своих оппонентов, спев об изнасиловании одной восьмидесятилетней дамы, в квартиру которой пришлось прорываться по пожарной лестнице. А когда другие усомнились в этом заявлении — думали, Эрл преувеличил возраст дамы, чтобы произвести впечатление, — так он на следующий же день принес хранимые им газетные вырезки.

Сегодня утром мне здорово везло: за одним из столов не было никого, кроме меня. Зачерпнув себе омлет из яичного порошка, взяв бекон и тосты, — не будем останавливаться на очевидном факте, что кормят в тюрьме ужасно, — я занял табурет в дальнем углу и принялся завтракать. Впервые за пять лет в тюрьме у меня проснулся аппетит, и похоже, я перестал думать о той ночи и даже о снимке Рейчел, а начал обмозговывать нечто смехотворное и фантастическое.

План побега из Бриггса.

Находясь здесь, я давно разобрался в местном распорядке дня, системе охраны, планировке, штатном расписании, найме персонала и так далее. И вот что я понял: сбежать нереально. Без шансов. Разве что попробовать мыслить нестандартно.

Звук упавшего на стол подноса заставил меня

вздрогнуть. Напротив моего лица возникает чья-то ладонь — явно для рукопожатия. Я поднимаю голову, чтобы взглянуть нахалу в лицо.

Если правду говорят, мол, глаза — зеркало души, то во взгляде этого парня мигает вывеска: «Душа не обнаружена».

— Дэвид Берроуз, я прав?

А это вроде как Росс Самнер. Его перевели к нам на той неделе, якобы дожидаться апелляции (которую все равно отклонят); странно, что его вообще выпустили из камеры. Дело Самнера светилось в таблоидах и даже легло в основу криминальных документалок от всяческих стриминг-сервисов и подкастеров. Богатей, убежденный «выживальщик» — даже состоявший в движении препперов, если такое слово еще в ходу, — а позже — психопат и преступник Росс, смазливый, как сам Ральф Лорен, зато убивший не менее семнадцати человек: мужчин, женщин, детей самого разного возраста, чтобы сожрать их кишки. Да-да. Только кишки. Остальные части тела полиция нашла в морозилке новейшей модели «Саб-зиро», стоявшей в подвале его семейного поместья. Дело строилось на железных уликах. Однако Самнер собирается обжаловать заключение присяжных, что он вменяем.

С улыбкой на лице Росс Самнер по-прежнему тыкает свою ладонь мне в лицо и ждет, когда я пожму ее. Лично я лучше поцелую взасос живую крысу, чем подам ему руку, однако в тюрьме приходится идти и на такие жертвы. Я стараюсь, чтобы неприятное рукопожатие было коротким. У Самнера на удивление маленькая и изящная ладонь. Не могу не думать о том, чего она касалась. Вероятно, он вскрывал своих жертв, пока те еще дышали, и этой вот рукой разрывал надрез, забирался в брюшину и вытаскивал кишки наружу.

В общем, приятного аппетита.

Росс Самнер улыбается так, словно прочел мои мысли. На вид ему около тридцати, у него угольно-черные волосы и тонкие черты лица. Он выбирает табурет напротив меня. Какой же я везунчик.

— Я Росс Самнер, — говорит он.

— Я в курсе.

— Надеюсь, ты не против, что я подсел?

Я не отвечаю.

— Просто все остальные… — Росс качает головой. — Сплошные грубияны, как мне кажется. Можно сказать, невежи. Ты знал, что здесь только мы с тобой окончили колледж?

— Вот как? — Я киваю, не сводя глаз со своей

тарелки.

— Ты из Амхерст-колледжа, верно?

Ишь ты, название знает.

— Прекрасное заведение, — продолжает он. — Мне больше нравилось, когда его атлеты звали себя в честь лорда Джеффри Амхерста — «Лорды Джеффы»! Величественно. Но разбуженному рою не угодишь. Ведь, по всеобщему мнению, нужно ненавидеть человека, умершего в восемнадцатом веке. Смешно это, тебе не кажется?

Я ковыряю ложкой в своем омлете.

— Вообрази, теперь они зовут себя «Амхерстскими мамонтами». Мамонтами! Ну в самом деле. Такая убогая политкорректность, не правда ли? Но тебе наверняка будет любопытно знать, что я из колледжа Уильямса. Наша команда называется «Эфы», в честь Эфраима Уильямса. Выходит, мы с тобой соперники. Забавно, да? — Самнер по-мальчишески ухмыляется мне.

— Ага, — киваю я. — Просто уморительно.

Тогда он произносит:

— Я слышал, к тебе вчера пустили посетителя.

Я напрягаюсь, и Росс Самнер это сразу замечает:

— О, не стоит так удивляться, Дэвид.

Он все так же ухмыляется. Вероятно, друже-

любие позволяло ему добиваться многого. Такая улыбка чисто физически располагала к доверию, очаровывала, помогала распахивать двери и обходить любые запреты. Должно быть, именно ее видели жертвы Самнера в последний миг жизни.

— Тюрьма-то небольшая, а слухи ходят.

И то верно. Например, слух, что родные Самнера не боятся сорить деньгами, чтобы контролировать его лечение. Звучит правдоподобно.

— Я стараюсь держать ушки на макушке.

— Угу, — говорю я, не сводя глаз с порошкового омлета.

— Так как все прошло?

— Прошло — что?

— Свидание. С твоей… свояченицей, так?

Я помалкиваю.

— Вижу, тебя обескуражила первая встреча с кем-то новым, после всех этих лет? Ты выглядел таким рассеянным, пока я к тебе не подошел.

— Послушай, Росс, — поднимаю я взгляд, — я тут, вообще-то, пытаюсь поесть.

— О, пардон, Дэвид. — Росс вскидывает руки, притворяется, что сдается. — Не хотелось лезть в душу. Просто пытаюсь подружиться. Я изголодался по разного рода интеллектуальным

разминкам, да и ты, вероятно, тоже. Я-то думал, принадлежность к Малым Плющам нас объединяет. Обеспечивает понимание, так сказать. Но теперь я вижу, что момент для общения выбран неудачно. Прости меня, пожалуйста.

— Все нормально, — бормочу я и вгрызаюсь в еду.

Глаза Самнера по-прежнему прикованы ко мне.

И вот он шепчет:

— Ты думаешь о своем сыне?

Я чувствую, как холод зарождается в основании черепа и стекает по позвоночнику.

— Что?

— Как это было, Дэвид? — Его глаза возбужденно сверкают. — Как это было с точки зрения чистого интеллекта? Поговорим откровенно, как образованные люди. Я изучаю проблематику человеческой ситуации, вот и интересуюсь. Ты можешь ответить, как подсказывают тебе эмоции или разум, не стесняйся. Но все же, когда ты воздел бейсбольную биту над головой собственного сына и раздробил ему череп, какие мысли у тебя были? Ты думал об освобождении? В смысле, ты чувствовал, что должен это сделать и тем самым освободиться? А может, ты хотел заглушить голо-

са в голове, или пережить миг эйфории, или…

— Проваливай, Росс.

Самнер хмурится:

— Проваливать? В самом деле? Это твой лучший ответ? Право, Дэвид, я разочарован. Я пришел к тебе для серьезной философской беседы, ведь мы с тобой знаем что-то, другим неведомое. Мне необходимо понять, что может подвигнуть человека на неописуемое варварство. Убийство собственного сына. Плоть от плоти своей. Понимаю, что кажусь тебе лицемером…

— Или психом, — поправляю я.

— …но дело в том, что я-то убивал незнакомцев. А они — всего лишь декорации, не правда ли? Украшения сцены. Темный фон для нас и наших миров — или еще один созданный нами мир. Наша собственная жизнь важнее чужих, разве нет? Ты только подумай. Мы сильнее горюем по любимому питомцу, чем по сотням тысяч жертв далекого цунами. Ты понимаешь, куда я клоню?

Мне явно лучше помалкивать: мои ответы его только раззадорят.

Росс Самнер наклоняется ко мне:

— Я убивал незнакомых людей. Реквизит. Декорации. Манекены с витрин. Но убить свое дитя, свою плоть и кровь…

Словно бы озадаченный, он качает головой. Во мне все клокочет, но я молчу. Какой смысл спорить? Мне все равно, что этот помешанный думает обо мне. Глазами я ищу другое свободное место в столовой, хотя не факт, что мой следующий сосед будет спокойнее этого.

Росс Самнер тем временем изящным жестом расправляет бумажную салфетку и укладывает себе на колени. Откусывает крошечный кусочек омлета, морщится:

— Еда просто ужасная. Безвкусная, как картон.

И я не выдерживаю:

— В отличие от человечьей требухи, к примеру?

Самнер какое-то время смотрит на меня, я тоже пялюсь на него. В тюрьме нельзя показывать страх. Ни перед кем. Даже на мгновение. Отчасти поэтому я не мог не сострить в ответ, ведь желание побыть в тишине не означает, что нужно терпеть чужие выходки. Иначе тебя начнут задирать все чаще и чаще.

Секунду-другую Росс Самнер поддерживает наш зрительный контакт, а затем разражается смехом, запрокинув голову, и вся столовая оборачивается на нас.

— Вот это было уморительно! — восклицает он,

отдышавшись. — Нет, правда, Дэвид, об этом я и говорил. Потому я к тебе и подсел. Ради такой реакции, ради интеллектуальных острот! Спасибо. Спасибо тебе, Дэвид.

Я не отвечаю.

Все так же посмеиваясь, Росс встает и предлагает:

— Я возьму тост. Захватить тебе чего-нибудь?

— Не надо.

Я на миг закрываю глаза и потираю виски: приступ мигрени раздавил меня, как товарный поезд. Это следствие того, первого, избиения, симптом сотрясения мозга и трещины в черепе. Так называемая кластерная головная боль, по словам тюремного врача. Я все еще массирую виски, тупо ослабив бдительность, как вдруг чья-то рука обвивается вокруг шеи. И, прежде чем я успеваю что-то сделать, она резко тянет назад, сдавливая горло, словно вот-вот вырвет его наружу. С глазами, вылезшими из орбит, я бессильно царапаю чужое предплечье.

Росс Самнер сжимает горло крепче, сдавливает сильнее. Мои ноги подгибаются, и я бьюсь коленями о стол, отчего дребезжит посуда. Когда я начинаю заваливаться назад, Самнер ослабляет стальную хватку и позволяет мне приложиться

затылком об пол.

Звезды вспыхивают…

Моргнув, я смотрю на Росса Самнера снизу вверх, а тот высоко подпрыгивает. Его детская ухмылка ничуть не напоминает маниакальный оскал. Я пытаюсь откатиться в сторону, поднять руки, чтобы защититься, — но поздно. Росс обрушивается на меня всем своим весом, вминаясь коленями в грудную клетку.

Как же много звезд…

Я хочу позвать на помощь, как-то вырваться, но Самнер седлает меня, и кажется, что он вот-вот начнет наносить удары; в моей голове мечутся мысли, как его остановить. Но он не хочет драться. Вместо этого он с широко открытым ртом наклоняется к моей груди.

Его зубы разрывают кожу, несмотря на слой тюремной робы.

И я вою. Росс вонзает зубы глубже в мясистую область прямо под соском. Боль кошмарная. Нас в мгновение ока обступают другие заключенные и встают в сцепку — во многих тюрьмах таким образом мешают охранникам приблизиться и разнять драчунов. Но я в глубине души осознаю, что охрана и так не станет вмешиваться. Во всяком случае, пока я или Росс не потеряем сознание.

Так безопаснее для самих же охранников, которые не любят рисковать собственной шкурой.

А значит, нужно справляться самому.

Все еще лежа на спине и истекая кровью от укуса, я собираюсь с чудом найденными силами, вздеваю ладони, обращенные друг к другу, и еле-еле, как могу, хлопаю ими по ушам Росса Самнера. Промахиваюсь, однако Самнер все-таки разжимает зубы, на что я и надеялся; так, я резко перекатываюсь, стараясь сбросить его с себя. И Самнер поддается. Едва его ноги касаются земли, он набрасываются на мою спину, снова душит меня рукой.

Все сильнее и сильнее.

Мне не хватает воздуха.

Я раскачиваюсь из стороны в сторону, но Росс держится. Я брыкаюсь, верчусь — хватка не ослабевает. В моей голове нарастает давление, а легкие требуют воздуха. Вот и звезды вернулись, кружатся калейдоскопом, но сейчас их так мало — вместо них в основном чернота. Я борюсь за каждый вздох, хотя бы за один глоток воздуха, но проигрываю.

Не могу дышать.

Мои глаза понемногу закрываются. Аплодисменты заключенных сливаются в один неразбор-

чивый шум. Росс Самнер наклоняется ко мне:

— Какое аппетитное у тебя ухо.

Он хочет укусить меня снова, но мне все равно. Как бы я ни пытался бороться, я делаю это безвольно, думая только о воздухе. Всего глоток… Остальное не важно. Губы Самнера совсем рядом с ухом, пока я бьюсь, словно гибнущая рыбешка на крючке.

Куда, черт возьми, подевалась охрана?

Они уже должны были вмешаться! Ни им, ни кому другому не нужна смерть заключенного. Но потом я вспоминаю, что Росс Самнер — богатенький мальчик, а его семья привыкла раздавать взятки, и мне вновь становится ясно, что меня будет некому спасти.

Если я потеряю сознание — а это вот-вот случится, — мне конец.

И когда я умру, что же будет с Мэттью?

За несколько секунд до отключки я опускаю голову и позволяю себе обмякнуть, чувствуя жжение в глазах из-за лопнувших капилляров. Притвориться вопреки всем инстинктам — это непросто. Но я выдержу. Мне остается только одно: бить врага его же оружием.

И я распахиваю рот, вгрызаюсь в руку Росса Самнера.

Со всей дури.

В жизни не слышал ничего приятнее, чем его крики, полные боли. Его захват немедленно ослабевает — так Росс пытается отвести руку. Я жадно втягиваю воздух сквозь опухшие губы, но кусать не прекращаю. И Росс снова кричит. Чем сильнее я стискиваю челюсти, словно бульдог, тем больше он трясет рукой. Я даже чувствую лицом волосы, растущие на его предплечье.

И мне плевать, что его кровь хлещет мне в рот.

Кое-как Росс встает. Я и так уже на коленях. Он бьет меня, скорее всего, по голове, однако я ничего не чувствую. Всеми силами он пытается высвободить руку, только я ему не даю. И теперь толпа заключенных болеет за меня. Наконец я бью Росса в пах локтем, и тот падает, согнувшись пополам, как складной стул. Сила тяжести высвобождает его руку, но кусок плоти остается у меня в зубах.

Я выплевываю это мясо.

Я прыгаю на Росса, сажусь ему на грудь и начинаю наносить удары. Его нос расплющивается под моим кулаком, хрящи дробятся под костяшками. Затем я тяну Росса на себя, ухватившись за воротник, вновь, уже не торопясь, сжимаю пальцы в кулак и с силой направляю ему в лицо.

Удар. Еще удар. Еще и еще удар. Голова Самнера болтается, как на пружинке. Мир кружится перед моими распахнутыми глазами, и я уже отклоняюсь, чтобы снова ударить Самнера, но тут кто-то ухитряется сцапать меня за руку. Еще кто-то хватает меня сзади.

И вот уже охранники коленями вдавливают меня в пол, а я и не сопротивляюсь. Я лежу, не сводя глаз с кровавого ошметка человека возле меня. И целое мгновение на моем лице — улыбка.

Глава 5

Самолет тюремного надзирателя Филиппа Маккензи штатно приземлился в международном аэропорту Логан. Сам Филипп вырос в соседнем городе Ревире, в нескольких милях от посадочного терминала. Во времена его детства над его домом частенько пролетал самый шумный реактивный лайнер, заходя на посадку в аэропорту. Маленькому мальчику, каким был Филипп, те звуки казались оглушительными, сотрясающими землю. Оба старших брата Филиппа почему-то мирно спали под этот шум в той же детской, пока крошка Филипп цеплялся за бортики своей трясущейся верхней койки, боясь свалиться. Бывали ночи, когда ему казалось, будто самолеты пролетают над домом так низко, что вот-вот сорвут его крышу.

В те времена пляж Ревир-Бич был пристанищем для рабочего класса за пределами Бостона. Да и теперь мало что изменилось. Отец Филиппа был маляром, мать — домохозяйкой, присматривавшей за шестью отпрысками рода Маккензи, — замужним женщинам тогда не полагалось работать, а незамужние могли рассчитывать на

место учительницы, медсестры или секретарши. Трое братьев жили в одной спальне, три сестренки — в другой, тогда как ванная была одна на всех.

Такси Филиппа остановилось перед знакомым ему четырехквартирным домом на Дехон-стрит. Кирпичное здание давно обветшало, зеленая краска на входной двери выцвела и осыпалась. Большое крыльцо, то самое, на котором Филипп просиживал все детство с приятелями и в первую очередь — с Ленни Берроузом, было отлито из щербатого ныне бетона. Целых тридцать лет огромному семейству Берроуз принадлежали все четыре квартиры. Семья Ленни занимала правую на первом этаже.

Кузина Ленни, Сельма, рано овдовевшая, жила вместе с дочерью Деборой на втором этаже в квартире справа. Левая квартира на первом этаже была за тетушкой Сэди и дядюшкой Хайми, а последнее жилище над ними то и дело меняло хозяев из числа прочих родственников, всех этих тетушек, дядюшек, двоюродных братьев и еще бог знает кого. В прежние дни такое соседство не было редким для Ревира, ведь семьи иммигрантов стекались из-за Атлантического океана в течение трех десятилетий. Так, Филипп был

ирландцем, а Ленни — евреем. Успевшие обжиться родственники с готовностью принимали все новых и новых. Без исключений. Новичкам помогали искать работу, выделяли им места на диванах или на полу, где они проводили недели, месяцы и даже годы. Уединиться было негде, но это считалось нормальным. Сами дома казались живыми, не способными утихнуть даже на секунду. Друзья и родственники сновали по коридорам и лестничным клеткам, как кровь течет по венам. И двери никогда не запирались, но не потому, что жить здесь было безопасно, — вовсе нет, — а потому, что нигде не было принято стучать или захлопывать дверь перед носом. Слова «приватность» вообще не существовало. Всем было дело до всех. Все победы становились общими, как и поражения. Весь район жил как целый организм.

Как одна семья.

Но пришел так называемый прогресс, и тот мир сгинул. Многие из Берроузов и Маккензи переехали в пригороды побогаче, вроде Бруклина и Ньютона, в большие дома в стиле квазиклассицизма с их кустарниками и заборами, модными ванными, отделанными мрамором, и бассейнами, и отбросили саму мысль о ничтожной ячейке

общества как кошмарную и непостижимую. Прочие члены семейств перебрались в закрытые поселения, туда, где теплее (Флорида, Аризона), чтобы хвастать бронзовым загаром и золотыми цепями. Старые дома заняли семьи новых иммигрантов из Камбоджи, Вьетнама и прочих уголков мира, и эти семьи также усердно вкалывали и пополнялись, запустив новый цикл.

Расплатившись с таксистом, Филипп ступил на потрескавшийся тротуар. Здесь по-прежнему чувствовался, хоть и слабо, запах соленой Атлантики, раскинувшейся в двух кварталах от улицы. Ревир-Бич никогда не слыл популярным местом отдыха. Все эти проржавевшие американские горки и запущенная площадка для мини-гольфа, ветхие автоматы для скибола и разнообразных аркад на набережной еще при юном Филиппе дышали на ладан. Но для него и Ленни, а также для их друзей это было лучшее место, чтобы без толку болтаться за углом «Пиццерии Сэла», курить, пить самый дешевый лагер «Олд Милуоки» и играть в кости. Ребята из их компании — Карл, Рики, Хэшши, Митч — выучились на докторов и юристов и разбрелись по свету. А Ленни с Филиппом стали ревирскими копами. Сейчас Филипп подумал о том, не прогуляться ли до Ширли-аве-

ню, к дому, в котором он и Рут вырастили пятерых детишек, однако в конечном счете оставил эту мысль. Приятно было отдаться воспоминаниям, но отвлекаться все равно не стоило.

Память всегда причиняет боль, разве не так? Особенно добрая.

Бетонные ступеньки крыльца показались чертовски высокими, хотя ребенком, а позже подростком Филипп мог перепрыгивать сразу через две — прыг-скок с разбегу! Теперь же у Филиппа скрипели колени. Из четырех квартир теперь лишь одну занимал член семьи Берроуз — и это был Ленни, его самый давний друг и бывший напарник из полицейского департамента Ревира. Ленни вернулся в свою старую квартиру в правом крыле первого этажа, которая была домом для его семьи целых семьдесят лет назад. С ним здесь жила его сестра Софи, которая почему-то отказывалась уехать и бросить без присмотра старое семейное гнездышко.

Филипп подумал о сыне Ленни, отбывающем пожизненное заключение в Бриггсе. Вся эта история была поистине душераздирающей. Дэвид болен, это ясно. Филипп приходился ему крестным отцом, но эту информацию пришлось скрыть, чтобы выполнить уговор и доставить

Дэвида именно в Бриггс. Он был единственным ребенком четы Берроуз (вроде бы из-за «проблем со здоровьем» Мэдди, жены Ленни, хотя в те дни о таком обычно помалкивали), но Адам, старший сын Филиппа, был для Дэвида почти что братом и лучшим другом, прямо как Филипп для Ленни. И Адам точно так же пропадал в четырехквартирном доме Берроузов, который еще в его детстве, не говоря уже о детстве Филиппа, выглядел причудливым и необычным, полным красок, тепла и узоров. Берроузы не умолкали ни на мгновение, точно радио, включенное на полную громкость; они фонтанировали эмоциями; они спорили (и, признаться, очень часто) со всей своей страстью.

Но потом Мэдди, мать Дэвида, умерла, и все изменилось.

Их дом стоял безмолвным, лишенным радости и жизни, как привидение. Филипп с минуту не мог заставить себя пошевелиться, стоя на крыльце и глядя на дверь. Когда же он решился постучать, эта выцветшая зеленая дверь открылась сама, и он замер. И до этого-то растерянный, теперь он чувствовал себя вконец запутавшимся. Приезд в старый район вызывал приятную ностальгию, но стоило Филиппу вновь увидеть лицо Софи, прекрасное и по сей день, несмотря

на возраст, как ему стало не по себе. Софи тоже подкатывало к семидесяти, однако он видел перед собой все ту же хриплую девочку-подростка, распахнувшую перед ним эту самую дверь перед выпускным вечером. Целую жизнь назад они были парой. И даже влюбленной парой, как он предполагал. Но все это было по-детски, несерьезно. И закрутились события — кто их упомнит? Армия, полицейская академия? В общем, не важно. Дело было пятьдесят лет назад. Софи вышла за Фрэнка, военного из Лоуэлла, а тот возьми да умри в ходе тренировки на авиабазе Рамштайн. Так Софи и стала вдовой, не прожив еще и четверти века. Она переехала к Ленни после смерти его жены, чтобы помочь ему с воспитанием Дэвида, а замуж больше так и не вышла. Филипп же прожил со своей Рут сорок с лишним лет, но бывали ночи, когда в его голове бродили мысли о Софи, и мыслей этих было больше, чем он хотел бы признать.

Судьбоносный момент был упущен. Он выбрал другую дорогу, оставив позади огромное «что, если…». Он упустил свое счастье.

Но разве это преступление?

А теперь он глядел на Софи и вновь странствовал в своих мыслях по неназванной альтернатив-

ной вселенной, где он, Филипп, так и не позволил ей уйти.

Софи уперла руки в боки:

— Филипп, у меня что-то застряло в зубах?

Он покачал головой.

— Тогда почему ты пялишься?

— Да просто так, — ответил он и сразу же добавил: — Прекрасно выглядишь, Софи.

Она только закатила глаза:

— Заходи, комплиментщик. Не то сведешь меня с ума своим обаянием.

Филипп шагнул в дом. Внутри мало что изменилось. Повсюду, казалось, были призраки прежних лет.

— Он отдыхает, — сказала Софи, шествуя по коридору; Филипп следовал за ней. — Скоро должен проснуться. Хочешь кофе?

— Хочу.

Они устроились на обновленной кухне. Здесь у Софи стояла новенькая кофемашина, одна из тех, которую теперь можно видеть в каждом доме. Софи протянула ему большущую кружку, не спрашивая, сколько кофе он привык пить. Ведь она и так знала сколько.

— Ну и зачем ты приехал, Филипп?

— А что, — показалась его улыбка над краем

кружки, — мужчина не может просто так навестить старого друга и его красавицу-сестру?

— Помнишь, я сказала, что твое обаяние сводит меня с ума?

— Помню.

— Так вот я пошутила.

— Да, я так и понял. — Он поставил кружку. — Мне нужно поговорить с ним, Софи.

— Это насчет Дэвида?

— Верно.

— Он болен, ты же понимаешь. Я про Ленни.

— Да, понимаю.

— Почти полностью парализован. И говорить уже не может. Я даже не уверена, узнаёт ли он меня.

— Сочувствую тебе, Софи.

— Ты хочешь сообщить ему что-то нехорошее?

Филипп задумался:

— Да сам не знаю…

— Тогда не уверена, что тебе стоит с ним разговаривать.

— Возможно, что и не стоит.

— Но когда это мешало вам двоим, — добавила Софи.

— Вот именно.

Она повернула голову к окну.

— Ленни не хотел бы, чтобы ты его щадил. Ну что ж, иди. Дорогу ты помнишь.

Филипп поставил кружку и встал. Он хотел сказать ей что-то еще, но не нашел слов. Софи не стала смотреть, как он покидает кухню. Затем Филипп повернул вправо и направился к дальней спальне. В коридоре до сих пор стояли напольные часы, купленные Мэдди на распродаже в «Эверетт» лет сто, наверное, назад. Когда друзья вывозили покупку из магазина в старом пикапе Филиппа, тот чуть не надорвался: часы весили более двухсот фунтов. Разборка и перевозка заняли целую вечность: пока обернешь все эти тросы, цепи, маятник, главную пружину, гири, стержни плотными одеялами и пузырчатой пленкой; пока оклеишь картоном и скотчем скошенную стеклянную дверцу; а там еще и какая-то деталь от фасада отвалилась… Но Мэдди обожала эти часы, а для нее Ленни сделал бы что угодно, да и Филипп, если разобрать все «за» и «против», зарекомендовал себя, вне всяких сомнений, как лучший друг в мире. Хотя не то чтобы он с кем-то конкурировал.

У порога спальни Филипп замер, глубоко вздохнул и натянул на лицо улыбку. Эту улыбку он всеми силами старался сохранить, войдя и пона-

деявшись, что в глазах его нет ни шока, ни грусти. Он помедлил мгновение, просто взирая от двери на то, что осталось от его лучшего друга. Филипп помнил Ленни как полного сил, мускулистого человека, походившего на боксера в легком весе. Его друг помешался на своем здоровье еще до того, как это стало модным, и поэтому был очень осторожен в еде. Вдобавок Ленни отжимался по сто раз каждое утро. Вот именно. Каждое утро, без перерывов. Его предплечья, нет, стальные канаты были увиты толстыми и узловатыми венами. А теперь руки Ленни походили на мертвенно-бледный тростник. Затуманенными глазами больной смотрел в никуда, отрешенно, словно солдат, переживший ужасы войны во Вьетнаме. Довершали картину бесцветные, как пергамент, губы и кожа.

— Ленни, — произнес Филипп.

Реакции не последовало. Тогда Филипп заставил себя шагнуть к кровати.

— Как думаешь, что за чертовщину творят «Бостон селтикс»? А? Были же нормальные баскетболисты.

И снова тишина.

— Да и «Пэтсы» чудят. Хотя они-то как раз уделывали всех довольно долго, так что нам грех

жаловаться… Но все же! — Филипп с улыбкой подошел еще ближе. — Эй, а помнишь, мы встретили Ястремски после той игры с «Балтимор ориолс»? Да как такое забудешь? Он был парень что надо. Но, как ты тогда и предвидел, появление свободных агентств потихоньку убивало сильные клубы…

Ленни молчал.

— Ты сядь возле него, за руку подержи. Он будет иногда сжимать твою, — посоветовала Софи, выглянув из-за двери, и тут же ушла.

Филипп подсел, но не стал брать друга за руку. Они ведь не сопляки какие-то, чувства не к лицу настоящим мужчинам. Возможно, Дэвид и Адам что-то в этом понимали, но не их отцы. Филипп никогда не говорил Ленни, что любит его по-братски, и Ленни тоже не видел в этом нужды. Они оба не видели. И что бы там ни говорил Дэвид, Ленни никогда не называл Филиппа своим должником. Их дружба прекрасно обходилась без этого.

— Ленни, нам с тобой нужно поговорить.

И Филипп погрузился в рассказ о визите Дэвида в его офис. Он передал все до последнего сказанного слова, какое мог вспомнить. Ленни, конечно же, не отвечал, и его глаза сохраняли прежнее выражение. Вот только лицо будто бы помрачнело,

но Филипп списал это на проделки собственного воображения. Он будто бы разговаривал со спинкой кровати. И в какой-то момент, когда история уже подходила к концу, он действительно коснулся ладонью руки своего старого друга. Рука тоже не походила на человеческую, скорее на что-то неодушевленное и хрупкое, будто лапка мертвого птенца.

— Я не знаю, что делать, — произнес Филипп в финале своего рассказа. — Потому и пришел к тебе. Мы оба видели, как разная шваль убеждает всех в собственной невиновности либо пытается всеми способами оправдать свои преступления. Черт, да мы с тобой только и делали, что слушали их нытье. Но тут дело иное. Я правда в это верю. Твой сын не стал бы оправдывать себя без причины. Дэвид верит в то, что говорит, хотя он точно ошибается. Я сам хотел бы, чтобы его слова были правдой, — Господь мне свидетель! — но Мэттью мертв. Как я думаю, Дэвид просто не осознавал, что делает. Мы с тобой уже обсуждали это: он ничего не помнит, а я, черт бы меня побрал, не знаю, стоит ли его винить. Мы с тобой не большие любители защищать невменяемых, но мы оба ведь знаем, что Дэвид хороший парень и всегда им был.

Он взглянул на Ленни. Все без толку. Только то, что грудь Ленни вздымалась и опускалась, напоминало Филиппу, что он говорит не с мертвецом.

— А дело-то вот в чем. — Тут Филипп наклонился чуть ближе и почему-то понизил голос: — Дэвид хочет, чтобы я помог ему сбежать. Он, верно, спятил. Ты это знаешь так же, как и я. И помочь ему не в моей власти. А помоги я ему даже — далеко бы он ушел? За ним повсюду будет охота. Скорее всего, его расстреляют, а этого никто из нас не хочет. До сих пор жалею, что он опустил руки и не пытался добиться, скажем, пересмотра дела. Это его единственный шанс, ты же знаешь.

Тут из трубы радиатора донесся стук, заставив Филиппа с улыбкой покачать головой. Вот ведь чертова труба. Сколько она уже стучит — сорок лет, пятьдесят? Ему вспомнилось, как они с Ленни попытались выкачать воду из радиаторов, но что там стучит, так и осталось непонятно. Может, воздух в переборке, может, что-то еще. Они спускались, чинили трубы, затем несколько недель все было в норме, а потом — бэм! бэм! — стук возвращался.

— Мы уже немолоды, Ленни. Да что там, мы слишком старые для всего этого дерьма. Я через

год увольняюсь. Мне обещают двойную пенсию. Я потеряю все, если напортачу. Ты ведь понимаешь, о чем я? Мне нельзя так рисковать. Да и Рут этого не заслуживает. Она спит и видит, как мы переезжаем в какое-нибудь огороженное поселение в Южной Каролине. Туда, где круглый год солнечно. Но ты же знаешь, я и оттуда буду присматривать за Дэвидом, несмотря ни на что. Как и обещал. Он ведь твой сын, я это помню. Поэтому хочу, чтобы ты знал: я его не оставлю…

Филипп замолчал, тяжело дыша. Вдруг ему подумалось: должно быть, в эту самую минуту он видит Ленни в последний раз. Эта мысль, пришедшая ниоткуда, стала неожиданной, как удар исподтишка. Филипп чувствовал подступающие к глазам слезы, но силился сдержать их, сильно моргая и отворачиваясь. Затем он встал и коснулся плеча друга, не ощутив ни плоти, ни мускулов, а будто бы потрогал обглоданную кость.

— Ленни, я лучше пойду. Ты держись, ладно? До скорой встречи.

Он направился к двери. Софи ждала его на пороге.

— Филипп, ты в порядке?

Он только кивнул — голос мог бы его подвести.

Софи встретилась с ним взглядом, и для него

это уже было чересчур. Тогда она взглянула на прикованного к постели брата и вдруг жестом попросила Филиппа сделать то же самое. Он медленно проследил за ее рукой. Ленни не двигался. Его лицо по-прежнему напоминало гипсовую посмертную маску, глаза смотрели безжизненно, а рот оставался распахнут в каком-то ужасном немом крике. Но Филипп сразу понял, на что показывала Софи.

На одну-единственную слезинку, блестевшую на пепельно-бледной щеке.

— Я должен идти, — снова обернулся он к Софи.

Та повела его обратно по коридору, мимо напольных часов и фортепиано. Софи распахнула дверь, и Филипп вышел на крыльцо. Как хорошо было на свежем воздухе, под слепящим солнцем. На мгновение Филипп прикрыл глаза и слабо улыбнулся:

— Был рад повидать тебя, Софи.

Но ее улыбка оставалась натянутой.

— Что такое? — спросил он.

— Ленни всегда говорил: ты был сильнее любого, кого он знал.

— Был сильнее, — повторил он. — Когда-то.

— А сейчас?

— А сейчас я просто старик.

Софи покачала головой:

— Ты еще совсем не стар, Филипп. Ты просто напуган.

— Наверное, это одно и то же. — Он отвернулся.

Спускаясь по бетонным ступенькам, он не оглядывался, но чувствовал на себе взор Софи — тяжелый и неумолимый даже после всех этих лет.

Глава 6

Волнение не дает мне спать.

Так что я хожу взад-вперед по крошечной камере: шаг-другой — разворот, шаг-другой — разворот. После драки с Россом Самнером в крови бурлит адреналин. Я не смог уснуть прошлой ночью и не знаю, смогу ли теперь спать вообще.

— К тебе посетитель.

Это снова пришел Курчавый. Я удивлен.

— Мне что, не запретили свидания?

— Нет, пока не запретили.

Все тело болит, но это даже приятно. После того как охранники все же изволили подоспеть, нас с Россом сопроводили в лазарет. Причем я шел своими ногами, а вот Росса пришлось положить на носилки. Такие дела. Медсестра обработала мои царапины и укусы перекисью и отослала меня обратно в камеру. Россу Самнеру, увы и ах, не повезло: насколько я знаю, он до сих пор в лазарете. Злорадствовать, конечно, нехорошо, и вообще пора признать, что это чувство, перемешанное с ликованием, выдает во мне примитивного подонка, взращенного жесткими тюремными порядками, но…

Но нет, не могу не думать об увечьях Росса без дикого наслаждения.

Курчавый в абсолютной тишине ведет меня прежней дорогой к помещению для свиданий. Сегодня я иду туда чуть ли не гордо.

— Посетитель тот же? — спрашиваю я, чтобы просто взглянуть на его реакцию.

А реакции-то как раз и нет.

И вот я сажусь на ту же табуретку, и на этот раз Рейчел не скрывает ужаса:

— Боже правый, что с тобой приключилось?!

Я улыбаюсь и говорю ей то, что и не мечтал когда-нибудь сказать:

— Видела бы ты другого парня.

Несколько долгих секунд Рейчел осматривает мое лицо. Вчера она старательно скрывала эмоции, но теперь — конец притворству. Она указывает на меня подбородком:

— Откуда у тебя все эти шрамы?

— А ты как думаешь?

— И твой глаз…

— Почти ничего не видит. Но это ничего. У нас есть заботы поважнее.

Но она продолжает пялиться на меня.

— Ну же, Рейчел. Сосредоточься, пожалуйста. Не волнуйся о моем лице, хорошо?

Ее взгляд скользит вдоль моих шрамов еще пару мгновений; я сижу смирно, не мешая ей. Затем Рейчел задает ожидаемый вопрос:

— Так что мы будем делать?

— Я должен выбраться отсюда.

— А план у тебя есть?

Я качаю головой:

— Временами, чтобы не распрощаться с остатками нормальности и держать мозг в тонусе, я строил всякие планы. Ну, знаешь, способы побега. Бежать я, конечно, на самом деле не собирался, просто обдумывал.

— И?

— И мои исследовательские навыки в сочетании с врожденным хитроумием позволили мне, — я пожимаю плечами, — остаться с носом. Отсюда никак не сбежишь.

Рейчел кивает:

— В Бриггсе не случалось побегов с тысяча девятьсот восемьдесят третьего года, а тот единственный, кто все же улизнул, в итоге попался через пару дней.

— Вижу, ты подготовилась.

— Старая привычка. Итак, что ты собираешься делать?

— Об этом пока не будем. Мне нужно, чтобы ты

кое-что разузнала.

Я невольно улыбаюсь, когда Рейчел достает свой репортерский блокнот. Он мне знаком: формат четыре на восемь, сверху на спирали. Он был при ней годами, еще до работы в «Глобусе», и благодаря ему всегда казалось, что Рейчел играет в репортера — того и гляди напялит фетровую шляпу, с карточкой сбоку, где написано: «Пресса».

— Диктуй, — произносит Рейчел.

— Прежде всего нужно выяснить, кто был настоящей жертвой.

— Теперь-то мы знаем, что это не Мэттью.

— Твое «знаем» звучит слишком оптимистично, но да.

— Что ж, начну с Национального центра по делам пропавших без вести и эксплуатируемых детей.

— Но не останавливайся только на нем. Ищи любые веб-сайты, какие придут в голову, странички в соцсетях, старые газеты, что угодно. Давай начнем с того, что составим список белых мальчиков в возрасте от двух до, скажем, четырех лет, которые пропали в течение двух месяцев после убийства в моем доме. И желательно в радиусе двухсот миль от него. Потом возьми тех, кто был помладше, подальше, словом, сама понимаешь.

Рейчел записывает мои слова.

— Могу подключить пару-тройку источников из ФБР, которые у меня еще остались, — сообщает она. — Вдруг кто-то из них сумеет помочь.

— Которые у тебя еще остались?

На это она не отвечает.

— Что еще?

— Хильда Уинслоу, — вспоминаю я, и мы оба на миг умолкаем.

— А что она? — все же спрашивает Рейчел.

Мне в горло словно что-то попало, до того трудно говорить.

— Дэвид?

Я показываю жестом, что все в норме, а сам внутренне собираю себя по кусочку. Когда чувствую, что мой голос снова мне повинуется, я спрашиваю:

— Ты же помнишь ее показания?

— Конечно.

Хильда Уинслоу, пожилая вдова со стопроцентным зрением, свидетельствовала в суде, якобы я закопал что-то в пролеске между нашими домами. Проведя раскопки в указанном месте, полиция обнаружила орудие убийства с моими отпечатками пальцев на нем.

Я чувствую выжидающий взгляд Рейчел.

— Да я всю голову над этим сломал, — умудряюсь ответить я, стараясь самоустраниться от факта, что я говорю о себе, а не о ком-то другом. — Сначала думал: может, она увидела человека, похожего на меня. Так сказать, ошиблась при опознании. На часах было четыре утра, темнотища стояла, а указанное место находилось далеко от ее заднего окна.

— То же самое говорил Флорио на перекрестном допросе.

Том Флорио — это мой бывший адвокат.

— Говорил, — соглашаюсь я. — Но это не очень-то помогло.

— Миссис Уинслоу оказалась сильным свидетелем, — признается Рейчел.

Я киваю, вновь чувствуя, как поднимаются и начинают захлестывать меня эмоции.

— Такая маленькая, милая старушка, а ум — стальной капкан. Ей незачем было лгать, так что ее показания потопили меня с головой. Именно тогда даже у самых близких мне людей возникли большие сомнения в моей невиновности. — Я поднимаю на нее глаза. — Даже у тебя, Рейчел.

— И даже у тебя, Дэвид. — Она совершенно без дрожи встречает мой взгляд.

Из нас двоих в итоге отворачиваюсь я.

— Нам нужно ее найти.

— Но зачем? Если она ошиблась…

— Она не ошиблась, — убеждаю я.

— Не понимаю…

— Хильда Уинслоу солгала. Это единственное объяснение. Она лгала под присягой, и нам нужно узнать почему.

Рейчел молчит. Позади нее мелькает молоденькая женщина, держу пари, еще подросток, и садится на стул неподалеку. С моей стороны в помещение входит незнакомый мне крепыш, татуированный явно лезвием бритвы, и садится напротив девушки. Внезапно он начинает на нее орать на незнакомом мне языке, яростно жестикулируя. А девушка только опускает голову, не отвечая ему.

— Ладно, — произносит Рейчел. — Что еще?

— Подготовься.

— То есть?

— Разберись со всеми своими делами, какие остались. Каждый день навещай банкомат, а также отделения своего банка. Сними как можно больше наличных, только частями, не больше десяти тысяч в день, чтобы служащие не нашли это подозрительным. Начни прямо сегодня. Наличка нам пригодится, и как можно больше, знаешь, на

всякий случай.

— На какой такой «всякий»?

— Я найду способ сбежать. — И я наклоняюсь к стеклу: мои глаза, налитые кровью, и выражение лица, такое… безучастное, наверняка выглядят жутко. — Послушай, — шепчу я, — знаю, сейчас я должен в деталях живописать, как собираюсь это провернуть, но — ты слушаешь? — если мне это удастся, ты станешь пособницей и соучастницей федерального заключенного, а это сразу уголовка. Хороший человек на моем месте сказал бы, что это его битва, а не твоя, однако, по правде говоря, это не так. Без тебя у меня нет шансов.

— Он мой племянник, — отвечает Рейчел, выпрямляясь.

Он. Она сказала «он». В настоящем времени, без всяких «он был». Она верит в это. Господи, помилуй нас, грешных, ведь мы действительно верим, что Мэттью все еще жив.

— Что еще, Дэвид?

Я умолкаю, пощипывая пальцами губу, пока мои глаза блуждают по помещению.

— Дэвид?

— Мэттью где-то там, — отвечаю я. — Жил без меня все это время.

Слова увязают в неподвижном, неестественно

упругом тюремном воздухе.

— Последние пять лет я был словно в аду, но я его отец, я с этим справлюсь. — Мой взгляд останавливается на ней. — А вот как их пережил мой сын?

— Не знаю, — отвечает Рейчел. — Но мы обязаны его найти.

* * *

Теду Уэстону нравилось, что на работе его прозвали Курчавым.

Так его не называли ни дома, ни где-либо еще, а только здесь, в тюрьме Бриггс. Это прозвище позволяло ему не чувствовать себя таким же подонком, как те, которых он охранял. Знавших и называвших его по имени заключенных он терпеть не мог. Заканчивая работу, Тед принимал душ в раздевалке для тюремных офицеров. Всегда. Он не брал свою форму домой. Душ он принимал с очень горячей водой, смывая следы этого заведения, прикосновения этих негодяев и их зловонное дыхание, которое пропитывало его одежду и волосы, вместе с их потом, частичками ДНК и всем тем злом, представлявшимся ему в виде живого, дышащего, разъедающего храм его тела паразита. Тед уничтожал этого

паразита с помощью кипятка, хозяйственного мыла и жесткой щетки, затем аккуратно надевал гражданскую одежду и шел домой, к Эдне и двум дочерям, Джейд и Иззи. А вернувшись домой, Тед снова принимал душ и переодевался, просто на всякий случай, чтобы быть уверенным, что даже духа тюрьмы не будет в его доме.

Третьекласснице Джейд было восемь, а Иззи — шесть лет. У младшей был аутизм, расстройство аутистического спектра, в общем, какой-то диагноз, который эти так называемые специалисты приписали его дочурке, самой прелестной девочке из когда-либо созданных Богом. Тед любил своих малышек всем сердцем; иногда, сидя за кухонным столом, начинал их разглядывать, и любовь при этом бурлила в его крови так неистово, что он боялся просто-напросто лопнуть.

Но сейчас, в тюремном лазарете, стоя у постели особенно мерзкого выродка по имени Росс Самнер, Тед ругал себя за одну мысль о дочерях: как он вообще позволил такой чистой любви посетить его разум, когда рядом с ним это чудовище?

— Пятьдесят штук, — произнес Самнер.

Росс Самнер оставался в лазарете, избитый Дэвидом Берроузом. Вот и прекрасно. Кто бы мог подумать, что Берроуз на такое способен? Тед

не то чтобы всякого заключенного мог назвать тертым, а не просто гнусным. Тем не менее смазливому личику Самнера досталось по полной. Нос сломан, глаза опухли и почти не открываются. Похоже, Самнер испытывал боль, чему Тед был только рад.

— Ты слышал меня, Теодор?

Разумеется, Самнер знал его настоящее имя. Теда это бесило.

— Я тебя слышал.

— И?

— И мой ответ — нет.

— Пятьдесят штук. Подумай серьезно.

— Нет.

Самнер попробовал привстать:

— Этот человек убил собственного ребенка.

— Зато я не убийца, в отличие от тебя, — покачал головой Тед Уэстон.

— Убийца? О, Тед, у тебя просто неверный взгляд на ситуацию. Ты стал бы не убийцей, а настоящим героем. Ангелом мести. С полусотней кусков в кармане.

— Да на кой он тебе сдался мертвым-то?

— А ты взгляни на меня. Ты только посмотри, что Берроуз сделал с моим лицом.

Тед Уэстон поглядел на Самнера, но все равно

ему не поверил. Здесь явно готовилось дельце покрупнее, чем личная месть.

— Сто штук, — произнес Самнер.

Тед сглотнул. Сто тысяч долларов… А ведь водить Иззи по врачам стоило бешеных денег.

— Я не могу.

— Конечно можешь. Ты и так уже рассказал нам о подружке Берроуза и ее фотоснимке.

— Да я… Да я просто помог немного.

Меж кровоподтеков на лице Самнера проступила улыбка.

— Вот и тут, считай, поможешь. Да, в этот раз помощь требуется более обстоятельная, но не бойся, я уже все продумал. Все выйдет как нельзя лучше.

— Да уж, — усмехнулся Тед. — Сколько раз я такое слыхивал.

— А не хочешь послушать, как я вижу это дело? Естественно, чисто гипотетически. Ты просто слушай, ладно? Представь, что смотришь кино.

Со стороны Теда не прозвучало ни отказа, ни требования закрыть рот. Он не вышел вон, даже не покачал головой, а просто продолжил стоять столбом.

— Давай представим, что сотрудник исправительного учреждения — вроде тебя, Тед, — пронес

для меня холодное оружие. Заточку, как ее здесь называют. Сам знаешь, в тюрьме такую можно достать без труда. Теперь вообрази, теоретически, как я сжимаю заточку, чтобы все мои отпечаточки остались на ней. А потом — снова очень теоретически — сотрудник учреждения наденет перчатки. К примеру, вон те, медицинские. — Росс ухмыльнулся, превозмогая боль. — Всю вину я возьму на себя. Признáюсь в содеянном без раздумий и тени сомнений — в конце концов, что мне терять? Напротив, все это дельце поможет мне обрести свободу.

— И как же оно поможет? — нахмурился Тед Уэстон.

— Я готовлю апелляцию на основании моей невменяемости. Убийство же Берроуза подтвердит, что я совсем съехал с катушек. Понял теперь? Орудие убийства с моими отпечатками, плюс чистосердечное признание, плюс недавняя ссора, нет, драка чуть ли не насмерть, которую могут подтвердить десятки свидетелей… То есть у меня был еще и мотив. — Он поднял ладони. — Дело закрыто.

Тед Уэстон невольно поежился. Сто тысяч — это ведь больше оклада за целый год. Или даже за два, поскольку нал не облагается налогом. Подумать

только, что они с Эдной могли бы сделать с такими деньгами! Хочется жить, не утопая в счетах. А сто тысяч — да это не то что спасательный круг, это чертов спасательный катер! Вдобавок он (и не один) знал, что Самнер его не обманет. Тед и его коллега Боб уже получили от Самнера по две тысячи на счет, чтобы те не обратили внимания на драку в кафетерии, — и они не подходили близко, пока совсем не запахло жареным.

Нет, отвернуться за пару тысяч — это одна история. К ней же Тед отнес ежемесячные полсотни долларов за отчеты о том, чем занят Берроуз (а Тед сливал эту информацию годами). Но сто тысяч… Боже, эта сумма не давала ему покоя. И ведь все, что нужно, — это зарезать никчемного детоубийцу, которому вообще корчиться бы на электрическом стуле; да и если Самнер хочет его смерти, он в конечном счете добьется своего. Ну и что плохого в том, если это сделает именно Тед? Что в этом такого?

А ведь Самнер был прав: Теда никто не накажет. Даже если что-то пойдет не так, Тед был здесь на хорошем счету и мог рассчитывать на поддержку коллег.

Дело-то яйца выеденного не стоит.

— Ну, Теодор?

— Я не могу, — покачал головой Тед.

— Если ты рассчитываешь на более щедрое предложение…

— Да нет. Просто я не из того теста.

— О, так ты думаешь, что выше этого? — рассмеялся Самнер.

— Хочу без стыда смотреть в глаза родным, — ответил Тед. — И Богу.

— Твоему Богу? — вновь рассмеялся Самнер. — Это же суеверие, нонсенс. Ты о том Боге, который допустил, чтобы тысячи детей умирали от голода каждый день, пока я живу, насилую и убиваю? Теодор, ты когда-нибудь об этом думал? О том, что твой Бог смотрел, как я мучаю людей, и ему недостало сил, чтобы прекратить это? А может, ему вообще нравятся страдания и смерти?

Тед решил не отвечать, а уставился в пол, покраснев до корней волос.

— У тебя нет выбора, Теодор.

— С чего это ты взял? — поднял глаза Тед.

— С того, что я требую действовать. Я могу сообщить твоему начальству, не говоря уже о местных копах, прессе и твоей семье, что ты уже брал у нас деньги. Поверь, мне не хочется так поступать. Ты же хороший парень, Тед. Но, похоже, ты не хочешь видеть, насколько мы отчаялись.

Нам нужна смерть Берроуза.

— Ты все время говоришь «мы». Что еще за «мы»?

Самнер взглянул ему прямо в глаза:

— Этого тебе лучше не знать. Но он должен умереть. Причем именно этим вечером.

— Сегодня вечером? — Тед не поверил своим ушам. — Да даже если я…

— Хочешь, чтобы я угрожал еще? Изволь. Придется напомнить тебе, что у нас в руках все деньги мира. И связи за пределами тюрьмы. И вся информация о тебе, о твоей семье…

Тут рука Теда метнулась к горлу заключенного, пальцы сомкнулись на нем, но Росс Самнер даже не вздрогнул. Он не вздрогнул и когда пальцы Теда сомкнулись на его шее. Но Тед почти сразу отпустил его. Слабак, конечно.

— Мы в силах усложнить тебе жизнь, Теодор. Ты и не представляешь насколько.

Вконец растерявшийся Тед чувствовал, будто отдал себя воле случая.

— Но зачем нам все эти неприятности, правда же? Мы ведь друзья, а друзей не запугивают почем зря. Мы заодно, Теодор. Помни, что настоящая дружба сводится не к ветру в кармане, а к взаимной выгоде. Увы, тут я сплоховал, так

что, прошу, прими мои извинения. И надбавку в десять тысяч. — Самнер облизал губы. — Сто десять тысяч долларов, Теодор. Подумай, какие это деньги.

Тед едва держался на ногах. «Почем зря?» Такие парни, как Росс Самнер, никого не запугивают просто так.

А значит, у Теда нет выбора, как и говорил Росс. Его вот-вот вытолкнут за черту, а как он знал, в подобных случаях назад дороги нет.

— Повтори-ка, какой у тебя план, — ответил Тед.

Глава 7

Вернувшись в свой номер в мотеле, Рейчел уставилась на снимок мальчика, который мог оказаться Мэттью. В ее руке был телефон, а раз так, почему бы не позвонить сестренке Шерил и не перевернуть ее жизнь с ног на голову?

Как странно, что Дэвид не попросил еще раз дать ему взглянуть на снимок, — а ведь она этого ожидала. Пока перед глазами не вставало это фото, душу обуревали сомнения. Глядя прямо на мальчика, она подспудно чувствовала: это должен быть Мэттью, но без этого фото, без материального, живого образа, оставаясь один на один со своим воображением, она осознавала, до чего все это нелепо; и до чего глупо верить, что убитый пять лет назад малыш на самом деле жив, — верить только потому, что существует это фото! Полный абсурд!

Нет, Шерил звонить нельзя, лучше ей ничего не знать.

Но ведь Рейчел имела право позвонить ей просто так, верно?

Рейчел остановилась в мотеле Бриггса, штат Мэн, однозначно знаменитом своими стенами,

сделанными, как она полагала, из бумаги или вообще из какой-то марли. Ее соседи прямо в эту минуту жадно и безудержно брали от жизни все, — и их было слышно так, словно они совокуплялись в кровати Рейчел. «О, Кевин! — кричала постоялица. — Ну же, Кевин! Да, Кевин! Я за тобой на небо, Кевин!» Рейчел всей душой надеялась, что последнее шло из сердца, а не из желания казаться миленькой или забавной.

«Ох уж этот дневной секс, — с горечью подумала Рейчел. — Вот бы и мне…»

Интересно, когда она в последний раз вот так развлекалась?

Нет, не стоило об этом думать. Только не после панической атаки, вызванной, вероятнее всего, встречей с Дэвидом и отказом от успокоительного. Лекарства все равно не помогали так, как должны были. Она принимала ксанакс, психотропный препарат, надеясь заглушить боль и не думать, что она ответственна за чью-то смерть. Но хотя лекарство и помогло отогнать гнетущие мысли, ослабило их, само чувство вины сохранилось.

Рейчел поморгала немного и задумалась над тем, как же ей теперь поступить.

Правильнее всего будет позвонить сестре и все

ей рассказать. Сама Рейчел хотела бы именно этого, окажись она на месте Шерил. Она покрепче взялась за свой мобильник. Увы, связь здесь, на окраине штата Мэн, была ненадежной. Местный городок жил только за счет тюрьмы, с нею же были так или иначе связаны все постояльцы отеля, будь то посетители, поставщики, оптовики, курьеры и так далее.

Зарядки телефона хватало для звонка. Палец Рейчел нажал на «Контакты» и промотал их до «Шерил» — но завис над кнопкой вызова.

Так нельзя.

Она ведь обещала себе скрывать дело от Шерил, беречь ее чувства, пока все не станет ясно наверняка. Ведь если отбросить эмоции, то на руках у Рейчел не было ничего, кроме фото мальчика, похожего на ее покойного племянника. Точка. Абзац.

И как бы Дэвид ни подпрыгивал, пока что они довольствовались лишь дыркой от бублика.

Она включила стоявший в номере телевизор. Вывеска мотеля гордо сообщала, что в каждом номере есть цветной телевизор (настолько гордо, что буквы вывески были разноцветными: рыжая «Ц», зеленая «В», синяя «Е» и так далее), хотя, по мнению Рейчел, лучше бы здесь оставили

черно-белое ТВ — вот это была бы достопримечательность! Она полистала пакеты программ и наткнулась в основном на дневные ток-шоу и унылые новости по кабельному, а рекламная подборка — «Вложись в золото! Возьми еще ипотеку! Реструктуризируй задолженность! Инвестируй в крипту!» — напоминала чуть более легальную «пирамиду Понци».

Экономика США стояла на плечах мошенников крепче, чем хотелось бы думать.

Праздник жизни в соседнем номере приближался к кульминации, судя по неоднократным и очень довольным заявлениям Кевина о том, что он вот-вот кончит. Спустя пару секунд прогремели воображаемые тарелки, возвещая его победу, и все стихло. Рейчел едва удержалась от аплодисментов.

Когда Дэвид спросил про ее карьеру, она не стала отвечать, чтобы зря не вдаваться в подробности профессионального провала, а также последовавших за ним унижений и увольнения. Ни к чему ему знать, что только сюжет о воскресшем мальчике, по правде говоря, сможет все поправить. И вообще, здесь нечего обсуждать. Чем отвлекаться на разрушенную карьеру, лучше остаться и помочь. Так она убеждала себя — и

сама в это верила.

Ее телефон по-прежнему лежал на кровати.

Ладно, гори все синим пламенем!

Рейчел схватила трубку и, не давая себе времени передумать, нашла телефон сестры — самый первый в «Избранных». Поднеся телефон к уху, она ждала гудка. Пока гудка нет, еще можно повесить трубку. Но вот он прозвучал, и Рейчел прикрыла глаза.

Второй гудок. Тут же Рейчел ответил искаженный помехами голос, принадлежавший совсем не Шерил:

— Слушаю.

— Привет, Рональд, — ответила Рейчел новому мужу сестры и, вопреки определителю номера в чужом телефоне, уточнила: — Это Рейчел.

— Рейчел, доброго дня! Как поживаешь?

— Хорошо. Разве это не телефон Шерил?

— Все верно, — подтвердил Рональд.

Его всегда звали не Роном, Ронни или Ронстером, а только Рональдом, и большего о его манерах знать не требовалось.

— Твоя сестра только вышла из душа, так что я взял на себя смелость ответить вместо нее.

Тишина.

— Можешь подождать ее, если хочешь, — про-

должил Рональд. — Она скоро подойдет.

— Хорошо.

Она услышала, как Рональд положил куда-то телефон. Ее голова немного трещала от похмелья, но Рейчел надеялась, что не выдаст себя. В трубке послышался невнятный шум и наконец голос Шерил:

— Привет, Рейч.

Шерил наверняка считала неприязнь сестры к Рональду необоснованной и чрезмерной. Хотя, может, в этом она была права. А вот в том, что ей, видите ли, понадобилось завести с ним роман в самое неподходящее время, — не права абсолютно.

— Привет, — выдавила из себя Рейчел, живо представив, как нахмурилась при этом Шерил.

— Ты в порядке?

— В полном.

— Ты пила?

Рейчел промолчала.

— Зачем звонишь?

А ведь она репетировала весь этот разговор с той минуты, как вернулась в мотель. Но сейчас язык словно прилип к небу.

— Просто узнать, как дела. Как себя чувствуешь? — выдавила из себя Рейчел.

— Неплохо, — ответила Шерил. — Утренняя тошнота уже не беспокоит. В четверг мы едем на УЗИ.

— Как здорово! Они там смогут определить пол?

— Да, но не волнуйся: мы обойдемся без гендерной вечеринки.

«Слава тебе господи», — подумала Рейчел, а вслух произнесла:

— Отличные новости!

— Да, Рейч, отличные, классные и все такое. Может, прекратишь тянуть кота за хвост и скажешь, что у тебя случилось?

Рейчел снова подняла фото на уровень глаз, вгляделась в лица Ирэн, Багза Банни и того мальчика. Она вспоминала покрытое шрамами лицо Дэвида. Вспоминала, как он по-птичьи склонил голову набок и коснулся оргстекла там, где она прижимала снимок. Вспоминала ту неприкрытую, нестерпимую боль в его отрешенных глазах.

А вот Шерил начала жизнь заново. Она и так настрадалась, сначала потеряв свое дитя, а позже — узнав, что в этом повинен ее собственный муж. Как несправедливо будет лишить ее опоры, не имея веских доказательств.

— Эй, — сказала Шерил. — Земля вызывает Рейчел!

Та сглотнула и отозвалась:

— Не по телефону.

— Что?

— Нам нужно встретиться, и как можно скорее.

— Рейч, ты меня пугаешь…

— Прости.

— Ладно, тогда приезжай прямо сейчас.

— Не могу.

— Почему нет? — спросила Шерил.

— Просто я не дома.

— А где?

— Округ Бриггс штата Мэн.

Тишина показалась удушающей. Рейчел ждала, зажмурившись и сжав в пальцах трубку. Голос Шерил, когда та наконец заговорила, звучал тихо и измученно:

— Во что ты со мной играешь, черт побери?!

— Я возвращаюсь уже завтра. Встретимся у меня в восемь вечера. Рональда с собой не бери.

* * *

В Бриггсе почти нет разницы между днем и ночью.

В десять вечера нам говорят: «Гасим свет!» — но на самом деле его просто приглушают. Здесь забываешь, что такое темнота, — хотя, может, это и хорошо? Нас запирают по камерам, где можно заниматься чем угодно и никого не беспокоить. У меня, например, есть лампа, позволяющая мне читать до поздней ночи. Но если вам кажется, что в тюрьме я много всего читаю и много пишу, то — нет. Мне трудно сосредоточиться на тексте, отчасти из-за зрения, пострадавшего в первой драке, а через час таких занятий на меня всегда сваливается мигрень. Возможно, причина здесь не в плохом зрении, а в чем-то другом… Кто знает.

Но этой ночью я откинулся на тонкую подушку, заложив руки за голову, и пустился во все тяжкие: впервые за все годы отсидки воскресил в памяти образ Мэттью. Я не мешаю мыслям литься, не разграничиваю их, но позволяю им свободно течь в потоке сознания. Я практически купаюсь в них. А заодно я думаю об отце, что наверняка умирает в той же спальне, что и моя мать; я думаю о матери, умершей, когда мне было восемь лет, — и да, я до сих пор переживаю эту потерю. Вот уже много лет не могу вызвать в памяти ее образ, не вижу лица — все больше полагаюсь на

фотографии, что некогда стояли на фортепиано, нежели на обрывки воспоминаний. Я вспоминаю тетю Софи, такую замечательную, добрую и щедрую Софи, что растила меня после смерти мамы; Софи — ангел, я люблю ее бесконечно, но она все еще заперта в том доме и, вне всяких сомнений, заботится о моем отце, пока он еще дышит.

Тут я наклоняю голову набок, услышав некий звук возле моей камеры.

По ночам в блоке частенько шумят, и это ужасно. Это звуки, от которых кровь стынет в жилах, нескончаемые, неизбежные. Ни у кого здесь нет крепкого сна. Многим снятся кошмары, многие кричат. А есть те, кто вообще не ложатся, лишь болтают без умолку сквозь прутья решетки. Они давно перевели свои внутренние часы, чтобы ночами бодрствовать, словно вампиры, а днем отсыпаться. Да и что в этом странного? Что день, что ночь — здесь все одно.

И, разумеется, кто-то из соседей привык, обуреваемый похотью, не прячась мастурбировать.

Но наклонить голову меня заставил совсем иной звук, доносившийся не из чужих камер и не от поста охраны, даже не из крыла общего режима. Этот звук издавала дверь моей камеры.

— Привет.

Меня на миг ослепляет луч фонаря, что, конечно, совсем не круто. Я закрываюсь от луча ладонью и прищуриваюсь.

— Привет.

— Не шевелись, Берроуз.

— Это ты, Курчавый?

— Не рыпайся, говорю.

Уж не знаю, что происходит, но лучше сделать так, как он велит. Заключенных в Бриггсе запирают не на обычные замки: здесь камеры оборудованы электромеханической системой, автоматически блокирующей дверь при захлопывании. Система управляется специальными рычагами в караулке. Хотя такую дверь можно открыть и специальным резервным ключом.

Именно такой сейчас держит Курчавый.

Я ни разу прежде не видел, чтобы он им пользовался.

— Что происходит? — спрашиваю я.

— Я отведу тебя в лазарет.

— Не нужно, — говорю. — Я хорошо себя чувствую.

— Это не тебе решать, — отвечает Курчавый почти что шепотом.

— Ну и кто это решил?

— Росс Самнер подал официальную жалобу.

— И?

— И теперь доктор должен зафиксировать все твои травмы в протоколе.

— Прямо сейчас?

— А ты что, сильно занят? — Он говорит с привычным для него сарказмом, но в голосе слышится напряжение.

— Но ведь час уже поздний.

— Ничего, лечь еще успеешь. Поднимай свою задницу.

Я встаю, не зная, что еще делать.

— Ты не мог бы не светить мне в лицо?

— Шагай давай.

— Почему ты шепчешь?

— Из-за вас с Самнером все крыло и так на ушах. Думаешь, хорошо будет, если все снова пойдет наперекосяк?

Лично я думаю, что он прав, однако в его словах нет уверенности. И все же, какой у меня выбор? Надо идти. Я, конечно, недоволен, но ничего необычного от меня и не требуется. Схожу, повидаю врача, а заодно, может, Самнером полюбуюсь, пока тот отлеживается на больничной койке.

Покинув родной блок, мы шагаем по коридору; издали доносятся крики, резиновыми мячиками отскакивая от бетонных стен. Свет кругом

приглушен. В полу видны отражения черных ботинок Курчавого и моих тюремных брезентовых шлепанцев.

Вдруг Курчавый притормаживает. Я тоже.

— Шагай, Берроуз.

— Что?

— Просто иди вперед.

А сам замирает в полушаге от меня. В коридоре, кроме нас, никого. Я оглядываюсь, смотрю на Курчавого: его лицо серее пепла, глаза блестят, а нижняя губа дрожит. Он будто вот-вот разревется.

— Курчавый, все хорошо?

Он не отвечает. Мы проходим блокпост — без охраны. Очень странно. Курчавый отпирает ворота, приложив к ним какой-то брелок. Когда мы оказываемся на Т-образном перекрестке, он берет меня за локоть и ведет в правый коридор.

— Лазарет не там, — замечаю я.

— Сначала ты должен заполнить пару анкет.

Мы идем дальше по коридору, туда, где призрачные звуки тюрьмы растворяются окончательно. Стоит такая тишина, что в ней слышно надсадное дыхание Курчавого. Эта часть тюрьмы мне не знакома, я не бывал тут раньше. Здесь нет решеток и двери стеклянные, как в душевых — или

в кабинете Филиппа. Должно быть, Курчавый привел меня в административный блок, где мне помогут заполнить документы. Вот только за диффузными стеклами не горит свет. Мы будто бы совсем одни. И лишь теперь я замечаю то, на что до этого не обратил внимания.

На руках у Курчавого — перчатки. Из черного латекса. Охранникам такие не положены, так почему он их надел? Почему сейчас? Я не из тех, кто считает, что нужно слушать интуицию, следовать инстинктам, ведь они частенько заводят нас куда-то не туда. Но если зов интуиции, инстинкты, поздний час, отговорки, перчатки, маршрут, отношение Курчавого ко мне и его поведение — все это суммировать, то становится ясно, что дело-то дрянь.

Причем еще пару дней назад мне было бы все равно. Но теперь все иначе.

— Вперед, — произносит Курчавый. — Тебе в последнюю дверь слева.

Мое сердце барабанит в груди, когда я смотрю вперед, на последнюю дверь слева. Она тоже сделана из диффузного стекла, не пропускающего свет. Нехорошо.

Я замираю, как и Курчавый позади меня. Странный всхлип заставляет меня медленно

обернуться — и я вижу, что слезы текут по его лицу.

— Что с тобой? — спрашиваю я.

Блестит сталь. В мой живот устремляется острое лезвие.

Я не успеваю даже подумать, как наклоняюсь в сторону и бью по нему предплечьем. На мое счастье, лезвие отклоняется ровно настолько, чтобы пройти не более чем в дюйме от моего правого бока. Курчавый с силой тянет лезвие на себя, вскрывая мне предплечье, — льется кровь, однако боли я не чувствую, по крайней мере пока.

Меня относит назад. Теперь нас с Курчавым разделяют несколько футов, оба мы стоим на полусогнутых.

Курчавый плачет, держа лезвие перед собой, точно в «Вестсайдской истории» для бедных. Пот на его лице смешивается со слезами.

— Мне жаль, Берроуз.

— Что ты творишь?!

— Мне так жаль…

Он поудобнее перехватывает нож. Я же стискиваю предплечье, надеясь остановить кровь, которая так и сочится сквозь пальцы.

— Тебе не обязательно это делать, — говорю я, но Курчавый не слушает.

Я отпрыгиваю назад, когда он вновь бросается на меня, и только слышу шум в ушах. Я не знаю, как быть. Мне не приходилось драться на ножах.

Остается лишь самое простое.

— На помощь! — кричу я во все горло. — Кто-нибудь, помогите!

Хотя надеяться, конечно, не на что. Это ведь тюрьма, а я всего лишь заключенный. Да здесь круглосуточно стоит бесноватый вопль. Тем не менее Курчавый вздрагивает, явно от неожиданности. Воспользовавшись его промашкой, я разворачиваюсь и бегу в обратную сторону, а Курчавый бросается в погоню.

— Помогите! Убивают! На помощь!

Я не оглядываюсь, чтобы проверить, где он там: нельзя так рисковать. Вместо этого я продолжаю вопить и несусь во весь опор. А вот и тот самый блокпост в конце коридора, через который мы сюда пришли, — увы, по-прежнему пустой.

Я бросаюсь на ворота. Бесполезно. Тогда я пытаюсь открыть их — не поддаются. Заперто.

Что же теперь?

— Помогите!!!

Через плечо я вижу, как Курчавый приближается. Выходит, я в ловушке. Повернувшись к охраннику, я продолжаю звать на помощь… И тот

останавливается. В его лице я вижу стыд, обреченность, ярость, страх, все вместе. Как известно, именно страх — самая сильная эмоция из всех, значит Курчавый точно напуган. И единственный способ перестать бояться — это заставить меня замолчать.

Я не знаю, зачем он все это затеял и какие сомнения при этом испытывал, но желание выжить, инстинкт самосохранения, забота о своих интересах всегда превыше. А они требуют, чтобы я умер.

Я приперт к воротам — некуда бежать. Курчавый вот-вот снова бросится на меня, как вдруг звучит третий голос:

— Что здесь, черт возьми, происходит?

Облегчение так и течет по венам. Только я хочу повернуться и все объяснить — мол, Курчавый покушается на мое убийство, — как чувствую сильный удар чем-то твердым по затылку. Мои колени тут же подгибаются, вокруг смыкается сплошная чернота… и мир исчезает.

Глава 8

Налив себе кофе и взяв утреннюю газету, Шерил устроилась на кухонном уголке напротив своего мужа Рональда. На часах было шесть утра — самое время для священного утреннего ритуала. Супруги кутались в одинаковые халаты для спа — из стопроцентного хлопка с плотными шалевыми воротниками и манжетами. Эти халаты купил сам Рональд, на отдыхе в роскошном отеле «Фейрмонт принцесс» в Скоттсдейле.

Несмотря на то что люди массово переключились на интернет-газеты, Рональд настаивал на традиционной ежедневной доставке газет. Он принялся за чтение первой полосы, пока Шерил знакомилась с деловыми новостями. Она не знала, почему ей нравилось читать именно так: в бизнесе она мало что понимала, однако, пробегая глазами заметки, наслаждалась ими, как мыльной оперой. Но сегодня, как Шерил ни старалась сосредоточиться, смысл текста и отдельных слов ускользал от нее. Да и Рональд, тот самый Рональд, который любил быстро комментировать прочитанное (чем в равной степени бесил и умилял ее), — знай себе помалкивал.

Она чувствовала его взгляд. Ну да, после звонка сестры ей всю ночь не спалось. Рональд хотел спросить, что случилось, однако не стал, доверившись своему лучшему качеству — внутреннему голосу, подсказывавшему, когда не стоит лезть в чужие дела.

— Во сколько у тебя первый пациент? — поинтересовался он.

— В девять утра.

Три дня из рабочей недели Шерил осматривала пациентов начиная с девяти утра, тогда как оставшиеся два дня она проводила в операционной. Шерил была хирургом-трансплантологом и находила эту область медицины самой захватывающей. В основном она занималась пересадкой почек и печени — дело одновременно рискованное и сложное, — но при этом, в отличие от хирургов прочих специальностей, наблюдала своих пациентов еще очень долго, иногда несколько лет, — для оценки результатов своей работы. Чтобы стать хирургом-трансплантологом, нужно начать с общей хирургии (поэтому Шерил шесть лет практиковала в Бостонской клинической), потом еще год посвятить исследованиям и еще два — стажировке в сфере трансплантологии. Ее путь был ошеломляюще трудным, но после столь-

ких катастроф, а также после главной трагедии в ее жизни и того, что за ней последовало, Шерил поддерживали выбранный ею путь, призвание, пациенты и стремление учиться новому.

Шерил жила дальше благодаря работе. И Рональду, конечно.

Встретившись взглядом с мужем, она улыбнулась и получила в ответ такую же улыбку. На его красивом лице застыла тревога, так что Шерил слегка мотнула головой, как бы говоря: я в порядке. Только это было неправдой.

Что Рейчел делала в тюрьме Бриггс?

Ответ, разумеется, ясен: навещала Дэвида. С одной стороны — ну и ладно, пускай, делай как знаешь. Дэвид и Рейчел всегда были близки, и возможно, та сочла, что обязана его навестить пять лет спустя. Протянуть ему руку помощи, показать, что он заслуживает если и не спасения, то хотя бы поддержки. Возможно, после всей той боли, что Рейчел вынесла за последний год на профессиональном и личном фронте, она надеялась найти — что, например? — утешение в том, что навещает человека, всегда верившего в нее и ее мечты.

Или нет.

Дело должно быть в чем-то еще. Рейчел обо-

жала свою работу так же, как и Шерил — свою. Справедливо это или нет, но в одно мгновение карьера Рейчел пошла под откос, изменив ее — и далеко не в лучшую сторону. Все очень просто. Рейчел переживает душевную травму, хотя до этого была такой уверенной; раньше Шерил не приходилось сомневаться в суждениях сестры.

И все же при чем тут Бриггс?

Может, Рейчел рассчитывала, что Дэвид воскресит ее как журналиста-следователя? Ведь он ни разу не общался с прессой, не рассказывал свою версию (будто бы она была), не пытался публично предположить, что именно произошло той страшной ночью. Скорее всего, Рейчел вела собственную игру, будучи прирожденным журналистом. Пришла к Дэвиду под предлогом заботы о нем, посочувствовала, помогла распахнуть всю душу — уж в этом она хороша, — чтобы вытянуть из него сюжет с громким заголовком, да целый криминальный подкаст, который вернет ей профессиональную репутацию.

Но разве Рейчел действительно такая?

Родная сестра, разве сможет она снова напомнить о всех пережитых ужасах, разодрать швы на сердце Шерил (если пользоваться медицинскими аналогиями), и все это лишь для того,

чтобы вернуться в игру? Неужели она настолько бессердечна?

— Ты хорошо себя чувствуешь?

— Очень даже.

— Будет ли это банально, — улыбнулся он, — или романтично — если я скажу, что твоя беременность меня заводит?

— Ни то ни другое, — ответила Шерил. — Она просто тебя заводит, и теперь ты пытаешься урвать немного секса.

Рональд притворно вздохнул, прижав руку к груди:

– *Moi?*[1]

— Эх вы, мужчины, — покачала она головой.

— Да уж, мы весьма предсказуемы.

Шерил носила ребенка. Такое безмерное чудо — и так легко пришло в ее жизнь! Рональд снова всматривался в ее лицо, поэтому Шерил пришлось выдавить улыбку. Они еще в прошлом году переделали кухню, снесли стену и расширили пространство на пятнадцать футов, обустроили прихожую (на случай, когда маленькие ножки затопочут по грязному палисаднику), установили окна от пола до потолка и завершили ансамбль,

---

[1] Примечания: 1
Я? (фр.)

вкатив шестиконфорочную плиту «Викинг» и громадный холодильник «Нортленд» с морозильной камерой. Рональд спроектировал все сам, так как обожал стоять у плиты.

А может, размышляла Шерил, все намного проще и Рейчел просто решила наконец-то связаться с бывшим зятем. Что ж, ей можно было только посочувствовать. Разве она, Шерил, в свое время не пыталась поддержать своего тогдашнего супруга? Разве не была рядом с ним, даже когда полиция отрабатывала уже его? Сама мысль о том, что Дэвид может навредить Мэттью, была абсурдной. Тогда она скорее поверила бы, что в жестоком убийстве виноваты пришельцы из космоса, а вовсе не ее муж.

Но чем больше накапливалось улик против Дэвида, тем больше сомнений проникало ей под кожу, вызывая нагноение. Они месяцами не могли наладить отношения, их брак свалился в крутое пике, хотя Шерил убеждала себя: вот-вот они рванут штурвал на себя и выйдут из пике. Они ведь так долго были вместе, с первого года в старшей школе Ревира. Вместе преодолевали горести, встречали радости… И она продолжала верить, что все у них получится.

Она верила в ложь?

На деле же ничего не получалось, особенно в том, что касалось доверия. Все изменилось, когда Дэвид перестал ей доверять. И однажды то же самое случилось и с ней…

Подозрения насчет Дэвида росли, и Шерил уже не поддерживала — лишь делала вид; Дэвид это прекрасно понимал. И его реакцией стало полное отторжение. Она не могла вынести подобного напряжения, и к началу судебного процесса, до всех откровений, прозвучавших в суде, их брак распался.

В конце концов, Дэвид убил их сына. И не в последнюю очередь из-за нее.

Тут Рональд слишком громко отхлебнул свой кофе — Шерил от испуга вновь пришла в себя на залитом солнцем кухонном уголке. Он поставил кружку и предложил:

— У меня есть одна идея.

— Думаю, ты вполне ясно ее обозначил, — фальшиво улыбнулась Шерил.

— Как насчет поужинать «У Альберта» сегодня вечером? Только ты и я.

— Я не могу.

— О…

— Разве я тебе не говорила? У меня встреча с сестрой.

— Нет, — медленно протянул муж, — не говорила.

— Ну, не так уж это и важно.

— С ней все в порядке?

— Полагаю, что да. Она просто попросила меня заглянуть. Мы так давно не виделись.

— Это верно, — согласился он.

— Вот я и решила: заскочу к ней после работы. Надеюсь, ты не против.

— Конечно же, я не против, — с напускной бравадой ответил Рональд. — Желаю приятно провести время.

И он нашарил свою газету и, раскрыв ее, вновь погрузился в чтение.

Шерил чувствовала, как в ней закипает гнев. Ну почему? Какого черта Рейчел так себя ведет? Хочет простить Дэвида — пускай, флаг ей в руки, но зачем втягивать Шерил? И почему сейчас, когда та всячески налаживает свою жизнь, ждет ребенка? Рейчел ведь понимала, что разбередит ей душу своим звонком, так на черта она позвонила?

Шерил действительно не знала, что и думать, ведь Рейчел всегда была ей хорошей сестрой. Самой лучшей. Они держались друг за друга, что бы ни было, вместе навек и так далее. И хотя именно

Шерил была старше сестры на два года, из них двоих как раз Рейчел считалась более разумной и надежной, даже чересчур. До недавнего времени. Рейчел знала, как долго Шерил вытягивала себя за шкирку после смерти Мэттью, чтобы просто не слечь в постель, и что Дэвида она, если не вдаваться в подробности, вычеркнула из своей жизни, вытравила из мыслей. Ей требовалось жить дальше — ради этого она старалась забыть о Дэвиде. Но вот Мэттью…

О, с ним все было иначе.

Она никогда не забудет своего чудесного малыша. Ни на мгновение, ни при каких обстоятельствах. Она знала это наверняка. Невозможно взять и отбросить эту часть жизни — можно только научиться сосуществовать с ней. И не важно, какая сильная боль вас гложет, не нужно бороться с ней, не нужно отталкивать. Лучше принять ее как часть самого себя. По-другому просто никак.

Одно то, что когда-нибудь она может забыть о Мэттью, убивало ее даже больше самих воспоминаний.

Невольно она прижала руку к губам, не давая вырваться стону. Как и прежде, горе накатывало без предупреждения, никогда не заглядывая в

лицо. Горю свойственно подкрадываться исподтишка, когда вы ждете его меньше всего. Рональд заерзал, но глаз от газеты не поднял, не всполошился. Шерил была ему за это благодарна.

И вновь она задумалась: «Что именно Рейчел хочет мне сказать?»

Поскольку сестра не любила сантиментов, она наверняка хотела рассказать что-то важное. Очень важное и касающееся Дэвида, наверное.

Однако куда вероятнее было то, что Рейчел хотела поговорить о Мэттью.

Глава 9

«Привет, милая звездочка! Проснись и пой!»

Я, верно, умер. Умер, попал в ад и сижу в темноте, слушая, как Росс Самнер без конца измывается над саундтреком из мюзикла «Волосы». Башка болит, словно в лоб вбили кол. Но постепенно я начинаю различать свет во мгле и моргаю раз-другой.

«Ты мерцаешь над нами, а мы — под тобой…» — выводит Росс.

— Рот на ноль, — говорят ему.

Я выныриваю обратно в реальность, гляжу на флуоресцентный светильник над моей головой. Как ни пытаюсь сесть — не могу, но мешают мне вовсе не усталость, боль или травмы. Я смотрю влево — так и есть: мое запястье приковано наручниками к спинке кровати. То же самое со вторым запястьем и обеими лодыжками. Четверная фиксация, все по классике.

— Ох, какое веселье! Обожаю! — Росса Самнера так и разрывает маниакальный смех.

В глазах по-прежнему все плывет, поэтому я, сделав глубокий вдох, пытаюсь понять, где мы вообще. Итак, серо-зеленые бетонные стены,

много коек (кроме моей и Росса, все пусты). Лицо Росса по-прежнему напоминает отбитый бифштекс, его сломанный нос заклеен. Это лазарет. Меня принесли в лазарет. Ладно, уже неплохо. Местоположение определено. Повернув голову в другую сторону, я вижу возле себя не одного и даже не пару, а сразу трех охранников. Двое сидят у моей постели, ни дать ни взять — безутешные родственники, а последний несет вахту позади них.

И все они смотрят с выражением, не обещающим мне ничего хорошего.

— Вот теперь ты точно попал, старина, — говорит Росс Самнер. — Да еще как попал.

Мне в рот будто бы набился песок, но я все же хриплю:

— Эй, Росс…

— Слушаю тебя, Дэвид.

— А классный нос я тебе сделал, придурок.

Самнер больше не смеется.

Вы же помните: здесь нельзя показывать страх.

Я снова гляжу на охранников, с той же дерзостью: перед ними тоже нельзя выглядеть слабаком. Переводя взгляд с одного на других, я чувствую себя неуютно от их разгневанного

вида. Эту праведную злость, скорее всего, вызвал именно я.

Интересно, куда делся Курчавый?

Ко мне подходит женщина — наверняка врач.

— Как вы себя чувствуете? — спрашивает она безразличным тоном.

— Слегка плыву.

— Чего и следовало ожидать.

— Что со мной случилось?

— Мы пока что это выясняем. — И она косится на злющих охранников.

— А нельзя меня развязать?

— Им решать, — машет доктор в сторону этой троицы.

Судя по их непреклонному виду, мы не подружимся. Когда доктор выходит из комнаты, я замолкаю, не зная, что еще делать. Только пялюсь на старенькие часы с черными стрелками и белым циферблатом, напоминающие мне те, которые я частенько гипнотизировал взглядом в начальной школе Гарфилд, мысленно умоляя время бежать быстрее. На часах чуть больше восьми. Вероятно, восьми утра, а не вечера, хотя без отсутствующих в лазарете окон трудно узнать наверняка. Голова так и раскалывается… Но я все равно пробую восстановить в памяти события

предыдущей ночи (если это была она), вплоть до момента, когда меня спас некий голос. Вспоминаются в основном лицо Курчавого, мой страх, моя паника.

Что же случилось?

Стражник на патруле, он худой и высокий, с чрезмерно острым кадыком. Зовут его Хэл, но здесь его знают по кличке Задира, ведь он вечно задирает штаны повыше, чтобы те не падали с его «забытой где-то задницы», как шутил один заключенный. Так вот, этот Задира, не сводя с меня глаз, вдруг шмыгает к койке и наклоняется так низко, что почти касается своим носом моего. Я вжимаю голову в подушку, не шевелясь и только чувствуя его зловонное дыхание; ей-богу, у него во рту песчанка сдохла!

— Ты покойник, Берроуз, — шипит он мне в лицо, и я едва не задыхаюсь от вони.

Так и хочется посоветовать ему зубную пасту, однако разумнее будет помалкивать.

— Хэл, — оживает Карлос, второй охранник и, вообще-то, классный парень.

Но Задира Хэл плевать на него хотел, он только повторяет мне: «Покойник». Я молчу, ведь все сказанное мною точно будет использовано против меня.

Хэл вновь принимается расхаживать из стороны в сторону, а Карлос и третий охранник, по имени Лестер, продолжают сидеть. Я же, прикрыв глаза, окончательно откидываюсь на подушку.

Меня, очевидно безоружного, пристегнули к койке и оставили под наблюдением трех охранников. Сразу трех. Чего они так боятся? Что за хрень происходит? И где Курчавый?

Я что, ранил его?

Моя память утверждает, что не было такого, однако можно ли ей верить, с моими-то ментальными проблемами? Может, я отключился, а тот, другой охранник, отозвавшийся на мои крики, не успел открыть ворота, прежде чем я выхватил у Курчавого заточку и…

Вот черт!

Но даже сейчас, гадая об исходе той ночи, я чувствую, как одна мысль в моей голове как ураган сметает все остальные: а что же мой сын, жив ли он?

Я так отчаянно пытаюсь высвободить руки и ноги, что даже затылком упираюсь в подушку, а в итоге лишний раз ощущаю свою беспомощность. Не знаю, сколько времени проходит, пока я тщетно строю план побега.

Но вдруг звонит настенный телефон. Трубку

берет Карлос, говорит тихо, стоя ко мне спиной, так что я не могу разобрать ни единого слова. Пара секунд — и он вешает трубку, кивая Лестеру и Хэлу:

— Пора.

Тут же Хэл маленьким ключом отпирает замки наручников, освобождая мои ноги, а потом и руки. Карлос и Лестер нависают надо мной, будто ждут, что я немедленно рвану от них. Зря ждут. Я только растираю онемевшие запястья.

— Вставай! — рявкает Задира Хэл.

Мою голову до сих пор ведет, так что сажусь я медленно — явно медленнее, чем хочет Задира. Он хватает меня за волосы, тянет вверх так, что кровь приливает к лицу и головокружение усиливается.

— Я сказал: встать, — цедит Задира сквозь стиснутые зубы, срывая с меня одеяло.

Самнер вновь заливается хохотом. Задира спихивает мои затекшие ноги с койки, и хотя я успеваю коснуться ими пола, поднимаюсь с трудом. С первого же неловкого шага я спотыкаюсь, словно марионетка.

— На-на-на, на-на-на, хей-хей-хей! — распевает Росс Самнер, довольный как слон.

От его рулад череп так и раскалывается.

— Куда мы идем? — спрашиваю я.

— Вперед. — Карлос мягко толкает меня в спину, от чего я едва не падаю.

Лестер с Задирой вырастают с боков, хватая меня за руки и крепко сдавливая их под локтями. Меня наполовину выводят, наполовину вытаскивают из лазарета.

— Куда вы меня ведете?

Но отвечает мне разве что Самнер, размахивая рукой в финале песенной строфы: «Проща-а-а-ай!»

В моей голове бардак с паутиной по углам, как я ни пытаюсь в нем разобраться. Карлос шагает передо мной, Лестер держит мою правую руку, Задира — левую. И я буквально ощущаю, с какой ненавистью последний на меня пялится. У меня частит пульс. Что теперь будет? Куда мы идем, черт побери? Маленькое напоминание: прошлой ночью меня чуть не убил охранник. Это же Курчавый отвел меня в пустынный коридор за лазаретом и размахивал заточкой. Вспоротое им предплечье замотали толстой марлей, однако рана до сих пор пульсирует.

Вчетвером мы идем сначала по коридору, потом по тоннелю с зарешеченными лампами. Свежий воздух идет мне на пользу, голова проясняется,

пускай и не до конца. В конце тоннеля нас ждет лестница, и там я наконец-то вижу окно и дневной свет. Итак, на часах было восемь утра, а не вечера. Ну что ж, логично. Ближайший указатель сообщает, что меня привели в административный блок. Здесь довольно тихо — рабочий день стартует не раньше девяти. Так зачем мы здесь в такую рань?

А не попытаться ли подать какой-нибудь сигнал, что я здесь? Да ну, ничем это не поможет, ведь сейчас только восемь утра и служащих нет на местах.

Но вот Карлос останавливается у закрытой двери, и в ответ на его стук раздается глухой голос, приглашающий внутрь. Карлос жмет ручку двери. Я заглядываю внутрь — а там как раз Курчавый.

Мой желудок ухает вниз, но Хэл и Лестер не дают мне попятиться. Вместо этого они толкают меня вперед.

— Сукин ты сын, — смеется Курчавый надо мной.

Мы смотрим друг на друга, и я вижу: под всей напускной крутизной он снова прячет испуг и желание разрыдаться. Надо бы ему ответить, припомнить покушение, однако есть ли смысл?

Все еще не пойму, что вообще происходит.

— Ну хватит, Тед, — вдруг произносит знакомый голос, и я вздыхаю с облегчением.

Заглядываю в дверной проем и вижу справа, у окна, дядю Филиппа, одетого в синий костюм с красным галстуком. Теперь я в безопасности… наверное. Старый надзиратель не спешит встречаться со мной взглядом. Постояв у окна еще секунду, он подходит к Теду, то бишь Курчавому, жмет ему руку:

— Благодарен за сотрудничество, Тед.

— Всегда пожалуйста, надзиратель.

— Возвращайтесь к работе. — Филипп Маккензи снова смотрит мимо меня, на трех охранников. — А заключенного оставьте мне.

— Да, надзиратель, — отвечает Карлос.

Только в эту минуту меня осеняет, что на мне лишь тонкий больничный халат с вырезом сзади, а еще носки (тоже, верно, больничные), зато нет шлепанцев. Теперь я сам себе кажусь беззащитным, чуть ли не голым, но для этих ребят лучше и впрямь выглядеть безобидным. Курчавый идет то ли в мою сторону, то ли к двери, не пойму, но, поравнявшись со мной, он замедляется и снова окатывает меня самым свирепым взглядом. Он делает это лишь для виду, пряча глубинный

ужас.

— Тед? — окликает его, замершего у двери, Филипп Маккензи, и Курчавый оборачивается. — Я верну заключенного в конце дня. Чья сегодня смена в блоке?

— Моя, — отвечает Тед. — Я работаю до трех.

— Ты ведь за ночь даже не прилег.

— Да мне нормально.

— Уверен? Почему бы не взять отгул, никто не станет возражать.

— Да я лучше поработаю, надзиратель, если вы не против.

— Ну что ж, хорошо. До трех я вряд ли успею решить все дела с заключенным. Предупреди сменщика.

— Слушаюсь, надзиратель.

Задира Хэл приветствует Курчавого дружеским хлопком по спине, и они оба исчезают в коридоре. Лестер следует за ними. А Филипп все так и не глядит в мою сторону.

— Что-нибудь еще, надзиратель? — Карлос слегка наклоняет голову вниз.

— Не сейчас, Карлос. Я свяжусь с тобой, если понадобишься.

— Так точно, — отвечает Карлос, посматривая то на меня, то на Филиппа.

— Карлос.

— Да?

— Как выйдешь, пожалуйста, запри дверь.

— Вы уверены, надзиратель?

— Да. Уверен.

Ровно это и делает Карлос, оставляя нас с Филиппом одних. Я не успеваю и слова произнести, как Филипп жестом приглашает меня сесть. Когда я сажусь, он остается стоять.

— Тед Уэстон утверждает, что прошлой ночью ты пытался его убить.

Вот это новости.

— Он утверждает, — наклоняется через стол Филипп, скрещивая руки, — что ты симулировал болезнь, чтобы попасть в лазарет. Из-за травм, которые ты получил в драке с Россом Самнером, Тед тебе поверил. — Тут Филипп смотрит вправо и указывает на стол: там, в пакете для улик, лежит наверняка та самая заточка, которой орудовал Курчавый прошлой ночью. — И еще он утверждает, что ты напал на него в безлюдном месте, использовав это. Вы подрались. Он порезал тебе руку, вырывая заточку. А ты бросился прочь по коридору, и там тебя оглушил другой охранник, прибежавший на шум.

— Это ложь, Филипп.

Он молчит.

— Ну зачем мне такое устраивать?

— О, даже не знаю. А не ты ли сидел у меня вчера, умоляя вытащить тебя из тюрьмы?

— Ну и что?..

— А то, что ты вполне мог впасть в отчаяние, затеять драку с одним из самых богатых заключенных…

— Этот псих первый начал!

— …чтобы попасть в лазарет. Может, оттуда ты планировал сбежать? Или просто там тебя ждал Росс, готовый передать оружие? Вы двое что, сговорились?

— Филипп, Курчавый лжет.

— Курчавый?

— Это прозвище Теда. Я ничего не сделал. Он разбудил меня. Вывел в тот безлюдный коридор. Напал на меня, а я пострадал, защищаясь.

— Ага, понятно. И ты рассчитываешь, что я — и все вокруг — поверим на слово осужденному детоубийце, а не охраннику со стажем в четверть века и безупречной репутацией?

Тут мне нечего сказать.

— Вчера я навещал твоего отца.

— Что?

— И твою тетю Софи. — Филипп отводит

взгляд.

— Как они?

— Твой отец уже не может говорить. Он умирает.

Я мотаю головой:

— Зачем ты туда поехал?

Но Филипп молчит.

— Да еще именно вчера! Зачем ты ездил в Ревир, Филипп?

— Идем со мной.

И мы направляемся к выходу. Я покорно следую за надзирателем, ни о чем не спрашивая. Мы проходим коридор, бок о бок спускаемся по ступеням; Филипп держится прямо, как кол проглотил, смотрит только перед собой.

— Тебе повезло, что на шум вчера выбежал именно Карлос, — произносит он куда-то в сторону.

— Почему — повезло?

— Потому что он немедленно позвонил мне и обо всем доложил; я же приказал ему и еще двум охранникам глаз с тебя не спускать.

— Выходит, — хватаю я Филиппа за рукав, притормаживая, — ни Курчавый, ни кто-либо другой не мог закончить начатое. Выходит, ты все-таки боялся, что меня убьют!

Филипп выразительно смотрит на мою руку, стиснувшую рукав, и я медленно разжимаю пальцы.

— Я и сейчас этого боюсь, — говорит он. — Тебя достанут хоть в карцере, хоть в другой тюрьме, если я добьюсь немедленного перевода. Ты мозолишь глаза охраннику, который прямо заявляет, что хочет мести, а еще на тебя точит зуб Росс Самнер за то, как ты его отделал. Все это может плохо кончиться.

— Тогда что же мне делать?

Вместо ответа Филипп распахивает дверь своего кабинета, где я был буквально вчера, — и при виде его сына Адама, стоящего там в полицейской форме, мое сердце бьется как сумасшедшее. С минуту я просто пялюсь на своего лучшего друга, а тот улыбается и кивает, будто уверяя: вот он я, настоящий. Мои мысли сами скачут назад, в другую эпоху, мечутся меж баскетбольной раздевалкой в старшей школе, кафе «Дружба», куда мы с сестрами Хэнкок выбрались на двойное свидание, и Фенуэй-парком, где мы громко болели за нашу команду с последнего ряда трибун, прежде чем подрались с правым филдером команды соперников.

Шагнув ко мне, Адам распахивает медвежьи

объятия, и я охотно валюсь в них, жмурясь, чтобы не заплакать. Если бы не Адам, я бы упал. Это ж сколько лет мне некого было обнять? Да почти что пять. А кто последний обнимал меня с такой искренностью, такой заботой? То был мой отец, лежащий нынче при смерти; он обнимал меня даже после того, как присяжные вынесли приговор. Но обнимал меня как-то нерешительно, хотя мы любили друг друга безмерно. Возможно — хотя это лишь мои домыслы, — в ту минуту его мучило сомнение, обнимает ли он сына или какое-то чудовище.

Зато Адам во мне нисколько не сомневается.

Он не выпустит меня из объятий, пока я сам этого не захочу. Наконец, я отшатываюсь назад, едва способный говорить. Уже захлопнувший дверь Филипп встает рядом с сыном.

И говорит:

— У нас есть план.

Глава 10

— Какой план? — спрашиваю я.

Тогда Филипп Маккензи кивает Адаму — тот с улыбкой принимается расстегивать свою рубашку, говоря:

— Ты станешь мной.

— Повтори-ка?

— Будь у нас больше времени, мы бы продумали все как следует, — произносит Филипп, — но, Дэвид, я не шучу. Задержись здесь еще немного — и ты умрешь, как бы я ни пытался тебя защитить. Бежать нужно прямо сейчас.

— Для меня размерчик маловат, — протянул мне Адам снятую полицейскую рубашку, — зато ты в ней утонешь. — Отдав мне первую шмотку, он принялся расстегивать брючный ремень.

— Итак, излагаю план вкратце, — продолжает Филипп. — Дэвид, ты нас якобы подставил.

— Каким образом?

— Вчера, будучи у меня в первый раз (это отражено в записях), ты сказал, что желаешь реабилитироваться. Спел мне целую слезливую историю о том, что готов загладить вину, во всем сознаться и отправиться на лечение.

— Продолжай. — Я уже скинул с себя больничный халат и стою в белой футболке Адама и униформе.

— Ты взмолился, чтобы к тебе пустили Адама, твоего старого друга, единственного, кто выслушает и не отвернется. Ну а я, верный уже моему другу — твоему отцу, — поддался на уговоры, потому что поверил, что если кто и вытащит тебя из этой ямы и добьется от тебя признания, то только Адам.

Адам с ухмылкой подал мне свои штаны.

— Поэтому я договорился с кем надо и назначил на сегодня длительный визит — ну, ты помнишь, что я сказал охранникам. Весь этот день ты должен был провести с Адамом.

Штаны длинноваты… Придется закатать и их, и рукава.

— Вот только я не знал, что ты припас пистолет.

— Пистолет? — хмурюсь я.

— Ага. Ты наставил его на нас, вынудил Адама раздеться, потом связал его и запер в моем чулане.

— Я, кстати, темноты боюсь, — усмехается Адам.

Я тоже улыбаюсь, лишь теперь вспомнив, что

возле детской кровати Адама всегда горел ночник в виде песика Снупи. Он вечно мешал мне уснуть во время ночевок. Я все глядел, глядел на Снупи — сна не было ни в одном глазу.

Забавное воспоминание, и ведь оно до сих пор живет в моей памяти.

— После этого, — рассказывает Филипп, — ты надел полицейскую форму Адама, включая фуражку и дождевой плащ. А затем ты угрожал мне пистолетом, чтобы я вывел тебя из здания.

— Черт, да откуда у меня пистолету взяться?

— Оглянись, мы же в тюрьме, — пожимает плечами Филипп. — Сюда чего только не проносят.

— Но не оружие, Филипп. И потом, я всю ночь пролежал в лазарете под наблюдением трех охранников. Тебе никто не поверит.

— Меткое наблюдение… Так, погоди-ка. — Тут Филипп выдвигает ящик стола и достает свой «Глок-19». — Пистолет ты забрал у меня.

— Чего?

— При мне он был, — расстегнул Филипп свой пиджак, демонстрируя пустую кобуру. — Мы сидели, вспоминали старые деньки, как вдруг ты зарыдал. Я сдуру подошел тебя утешить, а ты неожиданно выхватил пистолет.

— Он заряжен?

— Нет, но сейчас будет.

И Филипп Маккензи вынимает из того же ящика коробку патронов.

Бред сумасшедшего, а не план. Да в нем сплошные дыры. Гигантские! Но меня уже уносит этой бурной рекой: на большее все равно нет времени, это мой последний шанс. Надо бежать. Даже если последствия ударят по Филиппу и Адаму — пускай, зато мой сын жив, и он где-то там. Может, я и эгоист, но для меня нет ничего важнее сына.

— Ладно, что дальше?

Адам уже разделся до нижнего белья, так что я присаживаюсь, чтобы напялить его носки и туфли. Мой друг на пару дюймов выше меня и, вероятно, на двадцать-тридцать фунтов тяжелее, хотя раньше мы весили почти одинаково. Затяну-ка ремень потуже, чтобы штаны не спадали. А если накинуть плащ… Вот так совсем хорошо.

— Адам специально надел фуражку, проходя на территорию. — И Филипп метко бросил мне головной убор. — Спрячь под нее волосы. Иди быстро, голову держи опущенной. Между нами и парковкой всего один блокпост. Когда мы сядем в мою машину, ты прикажешь мне — разумеется, под дулом — ехать в мою берлогу. Я ведь такой болван: как нарочно, сходил вчера в банк и снял

пять тысяч долларов налом. Снял бы больше, но не хотел вызвать подозрений.

— Здесь еще тысяча, — кинул мне Адам свой бумажник. — Плюс я наверняка забуду заблокировать одну из своих кредиток. Вот эту, «Мастеркард». Все равно без дела валяется.

Я киваю, стараясь не поддаваться эмоциям. Сосредоточься, Дэвид, набери воздуху в грудь — и вперед, обдумывая каждый шаг. «Мастеркард», значит. Ею точно можно пользоваться или меня легко вычислят по транзакциям? «Позже, все позже, сейчас соберись», — говорю я себе.

— Когда выдвигаемся?

Филипп смотрит на часы:

— Прямо сейчас. Нужно быть у меня дома до девяти. Там ты свяжешь меня, а я освобожусь, скажем, к шести пополудни. Это неплохая фора. Прибавь сюда панику — ты ведь связал и бросил моего сына в тюремном туалете; я помчу назад, вызволять его, и только после этого подниму тревогу. Это будет где-то в семь вечера, а значит, у тебя в кармане целых десять часов.

Я потуже затягиваю шнурки на ботинках Адама, чтобы не выпасть из обуви, и надвигаю фуражку на самые глаза. Адам предлагает обрядить его в больничный халат, — как по мне, в

этом нет особого смысла.

— Полезай в шкаф, — говорит ему Филипп.

Но прежде Адам поворачивается ко мне. Мы долго и крепко обнимаемся.

— Найди его, — шепчет мне друг, — найди моего крестника.

Напоследок Филипп оставляет ему пару шоколадных батончиков и моток ремней (которыми я якобы связал Адама). Не знаю, батончики — это, может, и подозрительно, однако ему ведь сидеть в шкафу весь день, если повезет и его не найдут до приезда отца. Надзиратель запирает шкаф своим ключом, затем берет «глок» и нажимает кнопку сброса магазина. Насколько я знаю, эта пушка вмещает пятнадцать патронов, но так как она не самозарядная, то заправлять ее очень долго. Нужно вставлять боеприпасы в магазин по одному, закругленной стороной вперед. Филипп же начиняет пистолет шестью-семью пулями; магазин встает на место, и оружие передается мне со словами:

— Только не стреляй. Особенно в меня.

Мне едва достает сил улыбнуться.

— Готов? — спрашивает Филипп, и я чувствую прилив адреналина.

— Начинаем.

* * *

От людей, подобных Филиппу Маккензи, всегда разит уверенностью и силой, и идут они словно напролом, широким шагом, высоко вскинув голову. Я же просто стараюсь держаться поблизости, пряча лицо под полями фуражки Адама (но не так, чтобы вызывать этим подозрения). Мы останавливаемся у лифта, и Филипп произносит:

— Нажми кнопку «вниз».

Я нажимаю.

— Лифт оборудован камерой. Посвети пистолетом, пригрози мне слегка. Не переусердствуй, просто покажи, что ты вооружен.

— Ладно.

— Когда я вернусь, меня начнут допрашивать, и лучше будет, если они убедятся, что мне грозила смертельная опасность.

Звучит мелодичный звон, двери лифта распахиваются. Внутри пусто.

— Понял, — отвечаю я и вхожу в кабину, держа оружие в кармане плаща.

Пистолет — совсем как игрушка, такое чувство, будто я угрожаю Филиппу пальцем. Я стараюсь, чтобы пистолет непременно попал в камеру у нас над головами. Прокашлявшись, я бормочу

что-то вроде «не делай резких движений»; да уж, играю словно в плохом сериале. Зато Филипп не реагирует, не вскидывает рук, не паникует, чем действительно походит на всамделишного заложника.

Лифт останавливается на первом этаже, и я кладу пистолет в карман, следуя за Филиппом и стараясь от него не отставать.

— Продолжай идти, — тихо произносит он. — Не притормаживай, в глаза никому не смотри. Держись правее и позади меня, я заслоню тебя от камер службы безопасности.

Я киваю, как вдруг вижу впереди металлоискатель и почти замедляю шаг… Но вовремя вспоминаю, что охрана просвечивает только тех, кто входит, а не выходит. Последних если и досматривают, то бегло, не заостряя внимания, — и потом, это выход из административного блока, куда нет доступа заключенным. Здесь сидит всего один охранник, издалека он выглядит юным и скучающим, похожим на какого-то школьного смотрителя, да еще накуренного.

Последние десять ярдов. Филипп идет твердым шагом. Я прикидываю, замедлиться мне или ускориться, чтобы точно скрыть лицо за чужой широкой спиной. При приближении Филиппа

молодой охранник вскакивает, сбросив ноги со стола, и смотрит сначала на надзирателя, потом на меня.

Что-то мне не нравится его лицо.

А ведь проклятая дверь уже так близко…

Тут я в каком-то смутном ужасе понимаю, что по-прежнему цепляюсь за пистолет в кармане. От этого моя хватка, парадоксально, становится еще крепче; я оглаживаю пальцем спусковой крючок.

Неужели я смог бы выстрелить? Хватило бы мне духу ранить парня и сбежать?

Филипп кивает охраннику, властно шествуя мимо него. Я тоже киваю, так наверняка сделал бы Адам.

— Доброго дня, надзиратель, — здоровается охранник.

— И тебе, сынок.

Все, мы на выходе. Филипп толкает турникет, а уже две секунды спустя мы покидаем здание и направляемся к его авто.

* * *

Тед Уэстон по кличке Курчавый сидел в комнате отдыха, обхватив голову руками, и не переставая трясся. Господи, что он наделал?! Накосячил.

Накосячил, как ни разу в жизни. И ведь знал, что творит. А ведь он так старался не сбиться с пути истинного, вспоминая слова отца: «Кто честно работает, тот честно зарабатывает».

Отец Теда работал мясником на громадном мясокомбинате. Ежедневно он вставал в три часа утра, добирался до работы, проводил весь день в холодильнике, а потом без задержек отправлялся домой, чтобы успеть поужинать и лечь спать, — ведь назавтра ему снова вставать в три утра. Так он и жил, пока в пятьдесят девять лет не умер от сердечного приступа.

Тед же знавал в жизни взлеты и падения. Брал ли он взятки? Конечно. Здесь все так делали. И вообще, куда сейчас без коррупции? Такова жизнь, детишки: человек человеку — вор. Тед оправдывал такое положение тем, что сам-то он не свинья, но с таким дерьмовым окладом, как у него, приходится искать халтуру и компенсировать отнятый налог. Ведь в этом вся Америка. Вот можно ли прожить на зарплату сотрудника «Уолмарта»? Конечно нет, и «Уолмарт» это знает. А еще он знает, что правительство всяко восполнит потерю в деньгах, раздав продовольственные талоны, медстраховки и прочие бонусы. Может, Тед и вправду пытался себя обелить, но когда его

просят следить за каким-нибудь заключенным (как годами он делал с Берроузом) или сулят неплохие чаевые — а Тед предпочитал именно это слово — за маленькую передачку, которая так порадует осужденного… Почему бы и нет? Не захочет он — согласится кто-то еще. Это же ясно, как божий день. Все берут взятки, все как-то крутятся, главное, чтобы никто не раскачивал лодку.

Вдобавок действия Теда никому не вредили.

Это главное, о чем он всегда заботился. Ну, отвернулся он, пока эти животные рвали друг друга на части, — и что с того? Они все равно улучат момент для драки. Как-то раз Тед полез в самую гущу драки, и зэк, похожий на ходячий сифилис, расцарапал его. Прямо ногтем! Тед тогда получил заражение и два месяца просидел на антибиотиках.

Конечно, от Росса Самнера нужно было держаться подальше.

Да, он обещал Теду большие, реальные деньги. Да, они пошли бы не на красивую жизнь (его устраивала и такая), а на погашение долгов, в которых он тонул и задыхался, всей душой желая хоть недолго пожить спокойно и не волноваться о деньгах. А вдобавок сводить Эдну в хороший ресторан. Ну разве Тед многого хотел? Разве

многого?

Тед пошарил по столу в поисках пончика, однако вместо него — проклятие! — нашел принесенный каким-то ослом круассан. Круассан! Его же есть невозможно, чтобы повсюду не насорить. А все же другой еды не было, только эта французская дрянь; хотя кто-то говорил, что круассаны — жемчужина гастрономической культуры.

Врал, что ли?

Какая уж тут культура, когда двое коллег Теда — Моронски и О'Райли — знай себе пихали круассаны в хлеборезки и запорошили крошками все вокруг, споря по поводу самых клевых фоток с сиськами в соцсети. Моронски был ценителем «глубоких декольте», О'Райли же весьма поэтично описывал «грудь сбоку».

«Да уж, — подумал Тед, — пожрали круассанов — и вот тебе французы».

— Эй, а что ты думаешь, Тед?

Тед нацелил все внимание на выпечку, не зная, с какого бока кусать. Наконец он определился, однако едва не выронил круассан из дрожащих рук.

— С тобой все нормально? — спросил О'Райли.

— Да, все хорошо.

— Мы слышали про Берроуза, — добавил Мо-

ронски. — Поверить не могу, что он на такое отважился. Чем ты его разозлил?

— Сам не знаю.

— Вообще, я все в толк не возьму, зачем ты повел его в лазарет, не сказав Келси.

— Да звонил я Келси, звонил, — солгал Тед, — а тот не ответил.

— О как. Трудно было подождать?

— Мне казалось, Берроуз сейчас на тот свет отъедет. А потом спросили бы с нас.

— О'Райли, ну чего ты к нему пристал?

— А что? Уже и узнать нельзя?

«Будет вам», — подумал Тед. Вот вопрос: что Берроуз рассказывает надзирателю прямо сейчас? Скорее всего, свою версию правды: мол, заточку принес именно Тед. Ну и что? Кто поверит Берроузу-детоубийце, а не Теду Уэстону? О'Райли хоть и допытывается, но коллеги-охранники все еще на стороне Теда. Все, даже Карлос, которого вчерашняя картина изрядно потрясла. И никто не поднимет шум, никто не попрет против системы и не встанет на сторону осужденного.

Так почему же Тед сидел как на иголках?

Ему нужно было понять, что делать дальше. Для начала — отвлечься, приняться за работу и вести себя так, будто ничего не случилось.

Но ведь могло случиться, Бог свидетель!

Самнер, конечно, припер его к стенке, прибег к шантажу… Но представим на секунду, что Тед, так сказать, преуспел. Убил человека, такого же, как он. И этого Тед все никак не мог понять: он, Тед Уэстон, пытался убить человека! Какая-то его часть все гадала, не остановил ли он сам себя; и, может, Берроуз спасся не потому, что был быстрее или лучше оборонялся, а потому, что Тед вопреки всему понимал, что не сумеет довести дело до конца. Ему представилось, как лезвие попало точно в цель, в сердце Берроуза, а он, Тед, стоит и наблюдает, как жизнь зэка уходит из тела… Сейчас Тед паниковал, боясь разоблачения, но разве лучше было бы переступить черту, довершив это дело?

Тед обхватил стаканчик с кофе и высосал его одним махом, как трубкозуб — муравейник. Затем сверился с часами: как раз подошла его смена, пора покидать комнату отдыха. И пока Тед Уэстон поднимался по лестнице, всем телом по-прежнему чувствуя волны страха, его внимание привлекло что-то за решетчатым окном; он встал как вкопанный, будто одернутый чьей-то гигантской рукой. Что за?..

Это окно выходило на начальственную пар-

ковку, где парковались только важные шишки. Простым работникам тюрьмы, вроде Теда, приходилось оставлять машины в другом районе и добираться трансфером до своих блоков. Но взволновала Теда вовсе не эта несправедливость. Он глядел в окно, прищурившись.

Надзиратель выразился довольно конкретно: он собирался держать у себя Берроуза часами, а то и весь день. Да сколько угодно, но тогда почему он прямо сейчас садился в свою машину?

И что за перец его сопровождал?

Вдоль позвоночника Теда скользнул необъяснимый холодок. В самом деле, ну собрался он уехать… И все же Тед продолжал смотреть, как надзиратель устраивается с водительской стороны, а его попутчик — какой-то мужик в плаще и шляпе — прыгает на пассажирское сиденье.

Если надзиратель собрался уезжать, то где Дэвид Берроуз, черт его дери? Личная рация Теда молчала. А что, если надзиратель распорядился увести заключенного в карцер? Но и тогда бы всей охране сообщили. Оставалась вероятность, что надзиратель попросил другого подчиненного присмотреть за Берроузом, а то и допросить.

Но Тед чувствовал, всем нутром чуял, что дело было не в этом. Здесь что-то затевалось, что-то

очень нехорошее. Поэтому он поспешил к настенному телефону и сорвал трубку:

— Это Уэстон, сектор четыре. Кажется, у нас проблемы.

Глава 11

Поверить не могу, что сижу в машине Филиппа.

Сквозь лобовое стекло на нас глядит серое утро. Шрамы на лице ноют — это к дождю. Мне приходилось слышать о людях, страдающих артритом, якобы те предсказывают непогоду по ломоте в суставах. Я предчувствую то же самое, как ни странно, щекой и челюстью, пострадавшими в первой тюремной драке. Перед скорым ливнем кости так и ноют, подобно воспалившемуся зубу мудрости.

Филипп заводит машину, дергает заднюю передачу и выезжает, пока я с внутренней дрожью разглядываю здание тюрьмы, похожее на форт. Нет уж, сюда я больше не вернусь, хоть режьте. Никогда и ни за что. Когда я оборачиваюсь к Филиппу, то вижу, как он озабоченно хмурит густые брови и сжимает руль крепкими руками с такой силой, будто вот-вот сорвет его с места.

— Тебя ведь спросят, как я вырвал у тебя оружие, — говорю я. Филипп в ответ только пожимает плечами. — Ты сильно рискуешь.

— Не волнуйся обо мне.

— Ты делаешь это потому, что я едва не умер прошлой ночью, или ты веришь, что Мэттью жив?

Старик с полминуты обдумывает мои слова.

— А это важно?

— Наверное, нет.

Мы умолкаем, пока Филипп заходит на круговое движение. Впереди виднеются сторожевая башня с выездными воротами. Еще каких-то сто метров — и мы на воле. Я сижу, стараясь сохранять спокойствие. Осталось недолго.

* * *

Адам Маккензи старательно устраивался поудобнее на дне темного шкафа. Если все пройдет удачно, его выпустят отсюда лишь через десять-одиннадцать часов. Наконец он сел, прислонившись к задней стенке. Телефона при нем, увы, не было, остался в машине отца, ведь слетевший с катушек Дэвид Берроуз вряд ли позволил бы его взять. Но все же… Десять, а то и одиннадцать часов в этой коробке, где ни черта не видать… Адам покачал головой: эх, не додумался захватить с собой фонарик и что-нибудь почитать.

Он закрыл глаза, чувствуя, что устал. После полуночи ему звонил отец с рассказом о том, что

Дэвид подрался с охранниками; а к этому он добавил нелепое предположение, что Мэттью может быть жив. В которое Адам, конечно же, не поверил. Мальчик не мог выжить. Одним из лучших моментов в жизни Адама был тот, когда Дэвид попросил его стать крестным отцом Мэттью, в дань тому, что самого Дэвида некогда крестил отец Адама. Адам вообще очень гордился своей дружбой с Дэвидом, ведь тот был особенным, тем самым сыном маминой подруги. Знакомые парни косили под Дэвида, а девушки влюблялись в него пачками… Ну а демоны им особенно интересовались. И поэтому, когда Адам впервые услышал, что Дэвида обвиняют в убийстве, вслух он, конечно, отказывался в это верить, — а все же некая его часть, нечто в глубине души даже не усомнилось. Дэвид всегда заводился с пол-оборота. Вспомнить хотя бы ту драку в старшей школе. На тот момент Адам считался самым результативным игроком по очкам и подборам в своей команде, однако именно Дэвида, ролевого игрока и трюкача плюс отменного защитника, выбрали капитаном. И так было всегда: Адам ставил рекорды, но Дэвид все равно был популярнее. Как бы там ни было, в выпускном классе их команда проиграла ребятам из Бруксайда со счетом 77:78, и все из-за того, что

Адам, на счету которого было 24 очка, пропустил простой бросок за четыре секунды до свистка. Признаться, Адам по-прежнему казнился из-за того мяча. Да даже сейчас. Но тем вечером, когда пришлые из Бруксайда подняли Адама на смех из-за проигрыша, Дэвид ринулся в атаку с такой яростью, что Адам еле смог оттащить его и посадить в машину. Но даже так его друг успел избить двух нападающих.

А вдобавок отец Дэвида, Ленни… Да что там, верно же говорят: за грехи отца расплачиваться сыновьям.

Все эти пять лет Адам должен был навещать в тюрьме старого друга, так почему же он этого не делал? Ну, вначале сам Дэвид видеть никого не хотел. Его право, но все же Адам мог бы и постараться. Вместо этого он просто… сдался, сказав себе, что у него не хватит духу прийти. Потому что человек, заточенный в этой адской дыре, — уже не его лучший друг. Нет, его лучший друг умер вместе со своим сыном, забитый до смерти той же дубинкой.

Едва Адам решил поменять положение ног, как дверь в кабинете его отца распахнулась.

— Что это за херня? — спросил грубый голос.

«Вот дерьмо…» — Адам поспешно обматывался

путами, взяв в рот платок, выполнявший роль кляпа. На случай, если кто-то найдет Адама прежде Филиппа, план был прост: нужно сделать вид, что всеми силами пытаешься освободиться.

— Говорил же! Нет его, — сообщил еще один голос.

— Куда он деться-то мог, черт побери?! — ответил ему предыдущий.

— В смысле?

— Где заключенный?

— Хочешь сказать, надзиратель не привел его перед отъездом?

— Нет!

— Ты уверен?

— Он из моего блока! Парень, пытавшийся меня убить! Если бы он вернулся в камеру, я бы уже знал!

Адам почти не дышал.

— Вдруг Берроуза увел другой охранник?

— Нет, за этим позвали бы меня.

— Но ты сам только что сказал, что ушел на перерыв. А надзирателю, может, ждать было некогда, вот он и позвал других ребят.

— Может… — недоверчиво ответил грубый голос.

— Дай я сделаю звонок, перепроверю. И чего ты

так всполошился?

— Я только что видел его, надзирателя то бишь, на парковке с каким-то парнем.

— Так это был, наверное, сын его.

— Сын?

— Да, он из полиции.

— Надзиратель сегодня и сына привел?

— Ага.

— Но зачем?

— Да мне-то почем знать?

— Чушь полнейшая! Надзирателю доложили, что один из заключенных чуть не убил охранника, а он устраивает день «Приведи ребенка на работу»?

— Не знаю… Наверное…

— По-моему, пора бить тревогу, как думаешь? — спросил человек с грубым голосом.

— А не рано? Мы даже не уверены, что Берроуз действительно исчез. Звони в свой тюремный блок, в карцер, узнай, где он.

— А если его нигде нет?

— Тогда бьем тревогу.

— Ну хорошо, — произнес грубый голос после недолгой паузы. — Пойдем звонить.

— Можешь взять мой телефон, он в соседнем офисе.

Услышав, как те двое ушли, Адам встал на ноги. Весь воздух вдруг исчез из шкафа, от чего клаустрофоб Адам почувствовал себя как в ловушке. Он дернул ручку, но та не поддалась. Ну конечно же, отец запер его, чтобы все выглядело правдоподобно.

Иисусе Христе, что же теперь делать?!

План катился ко всем чертям, у Дэвида заканчивалась фора. Сейчас они позвонят куда надо, узнают, что он пропал, и тут же врубят сирену. Проклятие! Адам снова налег на ручку, проворачивая ее со всей силы. Нет, не идет! Выбора нет, придется выломать дверь. Но если делать это плечом, так только вывих заработаешь. Вжавшись спиной в стенку шкафа, Адам поднял ногу, проверил, в какую сторону смотрят петли дверцы (если та открывается внутрь, ее не выбить). К счастью, как и в большинстве шкафов, эта дверца открывалась наружу, чтобы не съедать пространство внутри шкафа. Пинать надо строго туда, где врезан замок: это самая уязвимая часть всей конструкции. Как следует упершись в заднюю стенку, так, что она сыграла роль рычага, Адам врезал пяткой пониже ручки шкафа. Три попытки спустя дверца наконец поддалась, и моргающий от яркого света Адам, спотыкаясь,

побрел к отцовскому столу.

Он поднял стационарную трубку. Потратил несколько секунд, чтобы вспомнить номер отца (большинство людей его не запоминает), затем набрал и услышал телефонный гудок.

* * *

Когда машина Филиппа плавно замерла позади белого грузовика, к ним направился охранник, держа какое-то устройство.

— Надвинь фуражку получше, — говорит мне Филипп.

Обходя нашу машину, охранник все поглядывал на свое устройство. Вот он остановился возле грузовика, прежде чем продолжить осмотр.

— Что это он держит?

— Датчик сердцебиения, — отвечает Филипп. — Чувствительный, вычисляет людей даже сквозь стены.

— А значит, если кто-то прячется в багажнике или на заднем сиденье…

Филипп кивает:

— Мы его мигом находим.

— Серьезные меры безопасности.

— За все время, что я надзиратель в Бриггсе, отсюда не случалось ни одного побега.

Я стараюсь не показывать лицо охраннику, пока тот не возвращается к себе на пост и не кивает Филиппу. Тот отвечает ему дружеским взмахом руки. С замиранием сердца я жду, когда перед нами распахнутся ворота, и кажется, что это длится целую вечность. По периметру двенадцатифутового забора из рабицы, увенчанного колючей проволокой, растет на удивление зеленая трава, идеальная, как на поле для гольфа. А с той стороны забора, неподалеку от него, виднеется не только трава, но и густорастущие деревья.

Я чувствую, как учащается мое дыхание, а почему — не знаю. Похоже, у меня наступила гипервентиляция.

Скорее, на волю!

— Спокойно, — говорит Филипп.

И тут оглушительно звонит телефон. Связь синхронизирована с автомагнитолой, поэтому звук такой громкий. Я смотрю на панель: номер не определен. На лице Филиппа то еще замешательство, когда он снимает телефон со станции и подносит к уху.

— Алло?

Голос будто бы Адама. Его слов мне не слышно — в отличие от паники в его голосе. Зажмурившись, я убеждаю себя сохранять спокойствие, а

между тем ворота впереди потихоньку распахиваются — со скрипом, будто бы неохотно. Впереди нас все еще торчит белый грузовик.

— Черт! — произносит Филипп в телефон.

— Что там? — спрашиваю я, но не получаю ответа.

— Сколько времени у нас до…

И ровно в эту секунду неподвижный воздух взрезает звук тюремной сирены.

* * *

Оглушенный сиреной, я смотрю на Филиппа и его страшную, что вполне объяснимо, мину. Уже почти отворившиеся ворота вдруг останавливаются, меняют вектор движения. Охранник на башне, до этого говоривший по телефону, мигом бросает трубку и вздевает винтовку.

— Филипп?

— Дэвид, направь на меня пистолет.

Я делаю так, как он говорит, не требуя разъяснений, и Филипп прыгает на педаль газа, сворачивает вправо, обгоняет белый грузовик, направляясь к закрывающимся воротам. Он хочет успеть проскочить в их зияющую брешь — но у него точно не выйдет. Наше авто просто-напросто не пройдет. Но Филипп не останавливается,

продолжает топить педаль газа, не отпускает, даже когда шины пробуксовывают. Между воротами по-прежнему есть отверстие, но какое же маленькое!

Охранник выбегает из башни с винтовкой наперевес.

— Не опускай пистолет! — кричит Филипп, и я не опускаю.

Неожиданно охранник, затормозив, целится в нашу машину, и тогда Филипп дает задний ход. Ворота успевают лишь поцарапать бока его авто, прежде чем Филипп таранит их по новой. Створки поддаются лишь слегка. К нам спешат еще двое охранников, оба с пистолетами. Глядя, как они приближаются, я отчетливо чувствую тяжесть оружия в моей руке.

Они уже почти здесь, а сирена все никак не умолкнет.

— Филипп? — Я не свожу глаз со своего пистолета.

— Держись!

Машина рвется вперед, до сочного хруста — и застревает носом меж приоткрывшихся ворот. Филипп снова дает по газам — по тормозам — по газам; двигатель изнывает от натуги.

Охранники что-то кричат нам, однако их не

слышно из-за сирены. Теперь машина кое-как протискивается сквозь брешь: еще немного, ну же, почти! Ворота держат нас крепко. У меня в голове вспыхивает та сцена с уплотнителем мусора из «Звездных войн» и все старые телешоу, чьи герои попадали в комнаты со сдвигающимися стенами.

Самый первый охранник подбегает к окну с моей стороны, что-то там голосит, и мне не важно, что именно. Мы буквально встречаемся взглядами. А потом он начинает поднимать оружие. Похоже, у меня нет выбора: нельзя возвращаться в тюрьму, нельзя сдаваться. Мой пистолет все еще направлен на Филиппа, но голова уже повернута на охранника.

«Нужно целиться в ноги», — думаю я.

— Не смей! — кричит Филипп.

Охранник направляет на меня пистолет. Вот оно: теперь он или я. Я колеблюсь, однако ничего другого мне не остается. Я собираюсь выстрелить в него… как вдруг машину бросает со всей дури вперед, так, что я невольно запрокидываю голову. Ворота цепляются за тачку не больше секунды, последний отчаянный скрип — и мы на свободе.

Охранники гонятся за нами пешком, но им не угнаться за Филиппом. Машина несется на

максимальной скорости, петляя по дороге. Когда я оборачиваюсь, охранники все еще смотрят нам вслед — и они, и тюрьма Бриггса постепенно уменьшаются, тускнеют и наконец исчезают из виду.

А сирена все не умолкает.

Глава 12

Тот же звук слышала и Рейчел за завтраком в станционной закусочной «Несбитт». Это заведение, обустроенное в двух списанных вагонах, предлагало на удивление обширное меню: по объему слов оно едва уступало среднему роману. Больше всего Рейчел понравилось одно блюдо, затерявшееся среди сорока вариаций бургера (с говядиной, с мясом бизона, с курицей, с индейкой, с лосятиной, с шампиньонами, с лососем, с треской, с черной фасолью, с овощами и другими растительными ингредиентами, с бараниной, со свининой, с оливками и так далее); оно называлось «Моя жена не голодна», что, по сути, означало двойную порцию картофеля фри и сырных палочек. Табличка на двери закусочной сообщала: «Мы открыты 24 часа!», но тут же было указано рабочее время: с понедельника по субботу, с пяти утра до двух ночи. Другая надпись гласила: «Можно со своими напитками, будем рады, если поделитесь!»

Вчера вечером Рейчел неплохо подкрепилась во «Фритюре и чизбургере»; здесь же ее порадовал отличный сигнал Wi-Fi. В мотеле Бриггса сеть

была настолько плоха, что, подключаясь к ней, Рейчел будто слышала треск древнего модема. Кроме того, мотель не мог похвастать ни баром, ни рестораном, хотя на стойке регистрации гостям предлагали бесплатный «континентальный завтрак». За этим лестным названием скрывались черствая булочка да полурастаявшая пачка маргарина.

Все стрелки часов в закусочной замерли напротив цифры «5» — потому что на циферблате было написано: «До пяти — не пить!» Через час в тюрьму начнут пускать посетителей — оставшегося времени хватало, чтобы накопать еще немного сведений. Ради этого Рейчел заезжала сюда вечером, ради этого торчит здесь и утром, потягивая кофе и сделав достаточно объемный заказ, чтобы ее не просили освободить столик. Ее ноутбук гудел всю ночь, переполненный разнородной информацией. Увы, ей так и не встретилось ни единого случая пропажи белого мальчика в возрасте от двух до трех лет в этой стране и в то время, когда был убит Мэттью (причем мальчика, которого бы разыскивали пять лет спустя). Ни одного. Несколько мальчиков подходящего возраста числились погибшими. Еще нескольких, похищенных, как правило, самими родителями

в процессе развода, успешно находили. Троих мальчишек искали целых восемь месяцев, прежде чем обнаружились их тела. Но все подобные дела с мальчиками, подпадавшими под нужные критерии, были раскрыты, что поднимало самый неприятный вопрос: если в постели Мэттью было не его тело, тогда чье же?

Конечно, сдаваться рано. Она расширит радиус поисков, сдвинет хронологию, поищет в других районах и других базах данных. А может, мальчик в постели Мэттью (боже, звучит бредово) был помладше или постарше, или вообще был представителем смешанной этнической группы… Рейчел взялась за дело тщательно, не зря до потери работы ее знали как невероятно въедливого следователя. И все-таки об эти тщетные поиски тела разбивались все теории о том, что Мэттью мог быть жив.

Мэттью мог быть жив. В самом деле, как в такое поверить?

Более радостные новости, если их можно было таковыми назвать, касались главного свидетеля в деле Дэвида, той самой «милой пожилой леди» (как ее называли в СМИ) Хильды Уинслоу. Теоретически, отыскать пожилую вдову — не такая уж и проблема. На практике это оказалось

куда сложнее, и Рейчел уже забеспокоилась, а не умерла ли свидетельница за эти пять лет. Однако свидетельств о ее смерти так и не нашлось. Честно говоря, Рейчел удалось найти всего двух женщин с таким именем: одной было тридцать, она проживала в Портленде, штат Орегон; другая училась в четвертом классе школы Кристал-Ривер, штат Флорида. Обе не подходили. Рейчел пробовала искать разные написания имени, хотя в судебных документах по делу Дэвида и в СМИ свидетельница проходила как Хильда Уинслоу. Для полной уверенности Рейчел проверила парочку Хилд, однако и они точно не могли быть той самой Хильдой. Затем она перешла к поиску по девичьей фамилии (женщины часто возвращают ее после развода). Все безрезультатно. Рейчел зашла в тупик.

Тем временем где-то продолжала визжать сирена — Рейчел предположила, что где-то сработала пожарная сигнализация.

К счастью, ее телефон в конце концов зазвонил и высветил номер Тима Доэрти, ее давнего друга и коллеги из «Глобуса». Тим был одним из немногих, кто не бросил Рейчел, несмотря на ее провал. Публично эти двое, конечно же, не пересекались: это уничтожило бы деловую репутацию Тима, а

такого она не желала ни ему, ни кому-либо еще.

— Нашел, — сказал ей Тим.

— Ты раздобыл дело целиком?

— Только судебные документы и стенограммы. Полиция ни за что не даст мне сунуть нос в их архив.

— Так у тебя есть номер соцстрахования Хильды Уинслоу?

— Ага. Могу я поинтересоваться, зачем он тебе?

— Я разыскиваю ее.

— Это-то я как раз понял. Почему же ты не проверила ее по обычным каналам?

— Проверяла уже.

— И ничего не обнаружила, — нараспев произнес Тим.

— Совсем ничего. Ты узнал, в чем проблема?

— Я позволил себе пробить ее номер страховки.

— И?

— Спустя пару месяцев после суда над твоим зятем Хильда Уинслоу сменила имя на Гарриет Винчестер.

«Наконец-то джекпот», — подумала Рейчел, а вслух произнесла лишь:

— Ого!

— Ага. Она также продала дом и переехала в квартиру на Манхэттене, на Двенадцатой улице. — Он продиктовал полный адрес. — Кстати, на неделе ей стукнет восемьдесят один.

— Зачем же такой пожилой женщине менять имя и переезжать?

— Может, пресса ее замучила?

— Повтори?

— О том убийстве всюду только и говорили.

— Так-то да, но после того, как она выступила в суде, о ней все тут же забыли.

Известно, что пресса — худшая из любовниц. Стоит ей «залезть в чью-то постель», как вскоре вся эта афера ей надоедает, и она уходит на поиски новой пассии. Желание сменить имя, чтобы скрыться от таблоидов, — вроде вполне понятное, но все-таки это чересчур.

— Тоже верно, — ответил Тим. — Считаешь, она наплела про твоего зятя?

— Не знаю.

— Рейчел?

— Ну?

— Ты раскопала что-то очень важное?

— Похоже на то.

— В любой другой ситуации я попросил бы себе кусок. Но сейчас тебе это куда нужнее. Этот мир

не очень-то щедр на вторые шансы, а все же ты заслуживаешь хотя бы один, так что, если тебе понадобится что-то еще, ты дай мне знать, ладно?

На ее глазах выступили слезы.

— Тим, ты бесподобен!

— Уж мне ли не знать! Давай, до скорого. — И он повесил трубку.

Отерев глаза, Рейчел уставилась в окно, на переполненную парковку. Сирена все так и голосила где-то вдалеке. Даже если мир и даст ей, Рейчел, еще один шанс, неужели она действительно его заслуживает? Кэтрин Тулло, погибшая из-за нее два года назад, уже не могла рассчитывать на вторую жизнь. Так могла ли Рейчел?

Кэтрин Тулло стала самым важным расследованием в ее карьере, которое длилось целых восемь месяцев. Воскресный журнал «Глобус» готовил к публикации ее разоблачение Спенсера Шейна, всеми любимого главы университета Лемхолл. Шейн не только два десятка лет закрывал глаза на сексуальные домогательства, насилие и прочие нарушения со стороны профессоров-мужчин, но и сам был замешан в систематическом абьюзе. И это в одном из самых элитных учреждений страны! Случай был настолько вопиющий, гнусный и при этом тягостный, что Рейчел стала

одержима им, а это непозволительно для журналиста. Она напирала на страшную циничность этих преступлений (они и впрямь не могли не возмущать!), но при том совершенно позабыла, что их жертвами оказались порядочные, слабые люди. Ее альма-матер связывала людей кипой расписок о неразглашении, поэтому никто не мог признать злоупотребления открыто. Сама Рейчел пострадала на первом курсе, сходив на студенческую вечеринку в честь Хеллоуина; об этом она впоследствии не рассказывала даже редакторам своего журнала. Ее молчания активно добивались в деканате, но Рейчел отказалась ставить подпись. Вскоре рассмотрение ее случая прекратили, прикрывшись «неправильно заполненной жалобой».

Должно быть, тогда, с этой неприятности, все и началось. С тех пор Рейчел и подумать не могла о том, чтобы проиграть университету.

Поэтому в деле с Шейном она зашла слишком далеко.

В итоге «Глобус» признал обвинения недоказанными, и все из-за проклятых расписок. Рейчел не могла в это поверить. Она пробилась к местному окружному прокурору — тот же не рискнул выступить против известного человека и элитного

вуза. Поэтому Рейчел пошла к своей бывшей сокурснице, Кэтрин Тулло, и умоляла ее нарушить соглашение с деканатом. Кэтрин честно сказала, что хотела бы открыть миру правду, да только боится. На уговоры она не поддалась.

Вот и все. Молчание Кэтрин губило острый сюжет на корню и помогало университету, благодаря которому так легко ускользнул обидчик Рейчел, тоже выйти сухим из воды.

Этого она допустить не могла.

Решив, что другого выбора нет, Рейчел крепко взялась за Кэтрин Тулло. «Не хочешь поступить по совести? — угрожала она. — Я ведь все равно расскажу всем, что с тобой случилось». Почему-то Кэтрин не думала о чувствах других жертв, вот и Рейчел не волновалась о чувствах Кэтрин: она собиралась слить историю в Интернет и перечислить все источники. На слезы Кэтрин Рейчел не отреагировала. И всего через полчаса та передумала. Отказалась от денег и больше не упоминала никаких расписок, готовая наконец-то сделать доброе дело. Кэтрин Тулло обняла свою подругу по студенческому сестринству и пообещала уже завтра записать вместе с Рейчел длинное интервью. Тем вечером Рейчел вышла из квартиры Кэтрин успокоенной, а позже узна-

ла, что та тут же набрала ванну, легла в нее и вскрыла запястья.

И теперь, куда бы Рейчел ни пошла, Кэтрин оказывалась рядом. Вот и сейчас сидела напротив, по своему обыкновению робко улыбаясь и ежась, будто в ожидании удара, пока наконец Рейчел не отвлеклась на синеволосую официантку и на ее беседу с мужчиной за соседним столиком.

— Давненько так сирена не орала, правда, Кэл?

— О, я не слышал ее уже много лет, — ответил, видимо, Кэл.

— Как думаешь…

— Да нет. Должно быть, в Бриггсе учения. Уверен, тут не о чем волноваться.

Рейчел так и замерла.

— Поверю на слово, — ответила официантка, все же явно не доверяя его словам.

— Простите, — потянулась к ним Рейчел, — не хочу показаться любопытной, но это что, тюремная сирена?

Кэл с официанткой переглянулись, затем первый одарил Рейчел самой снисходительной улыбкой:

— Не забивайте чепухой свою прелестную головку. Наверняка это учения.

— А какие учения? — переспросила Рейчел.

— Отрабатывают побег заключенного, — ответила официантка. — Такая сирена орет только при побегах.

Тут у Рейчел зазвонил мобильник, она отошла и приложила его к уху.

— Алло?

— Мне нужна твоя помощь, — выпалил Дэвид.

Глава 13

За нами гонятся три полицейские машины с включенными мигалками, а я как онемел. Впервые за пять лет я оказался за стенами Бриггса, и если меня поймают, то уже и не выпустят. Никогда, это уж как пить дать. Второго шанса не будет, поэтому мои пальцы до сих пор сжимают пистолет, чей металл уже кажется мне до странного теплым и приятным на ощупь.

Полицейские машины выстраиваются «свиньей».

— Ну что, мы попались? — поворачиваюсь я к Филиппу.

— Как насчет рискнуть жизнью?

— Ты это называешь жизнью?

Тот кивает:

— Наставь на меня гребаный пистолет, Дэвид. Держи так, чтобы все видели.

Когда я исполняю требование, моя рука дрожит от тяжести оружия. Весь накопленный в драке с Самнером, в драке с Курчавым и во время этого импровизированного побега адреналин, кажется, сходит на нет. Филипп выжимает педаль газа, но полицейские не отстают ни на ярд.

— Что теперь? — спрашиваю я.

— Теперь ждем.

— Ждем — чего?

Тут же как по сигналу снова звонит телефон. Филипп натягивает на лицо суровую мину. Прежде чем ответить на звонок, говорит:

— Помни: ты человек, которому нечего терять. Действуй.

Я киваю.

Тогда Филипп поднимает трубку и нетвердым голосом здоровается.

— Надзиратель, вашему сыну больше ничего не угрожает, — отвечают ему. — Он сумел развязаться и выломать дверь.

— С кем я, черт возьми, разговариваю? — резким, враждебным тоном спрашивает Филипп.

На той стороне — явное замешательство.

— Я… э-э… Это…

— Я спрашиваю: с кем, черт тебя дери?! — рычит Филипп.

— Детектив Уэйн Сэмси…

— А лет-то тебе сколько, Сэмси?

— Сэр?

— Пытаюсь понять: ты с рождения такой придурок или стал им только недавно?

— Не понимаю…

— У меня здесь дошедший до ручки зэк, — Филипп поглядывает на меня, — который вот-вот выстрелит мне в ухо. Понимаешь ситуевину, Сэмси?

Тут я и вправду прижимаю пушку к уху Филиппа.

— Э-э… да, сэр.

— Вот и скажи мне, Сэмси, как по-твоему: стоит нам его злить?

— Н-нет…

— Так на хрена вы мне крузаки в жопу нацелили?!

И Филипп подает знак: сейчас моя реплика.

— Дай сюда! — ору я и выхватываю у него телефон, стараясь казаться ну очень на взводе (что, в общем-то, не так уж и сложно). — Я не в настроении много болтать, — выплевываю я как можно более грозно, — так что вникай. Даю вам десять секунд. Десять секунд, обратного отсчета не будет! Если после этого учую рядом хоть одного копа, надзиратель словит пулю в лоб — дальше я поеду сам. Ты все услышал?

— Иисусе, Дэвид, ради всего святого, ты ведь этого не хочешь!

Здесь, мне кажется, Филипп слегка переигрывает, но все же он хорош.

— Постой, Дэвид, — произносит Сэмси в телефонной трубке, — давай-ка на минутку выдохнем, ладно?

— Слышь, Сэмси!

— Что?

— Я ведь пожизненное мотаю. Кокну надзирателя — и меня весь Бриггс на руках будет носить, въезжаешь?

— Конечно, Дэвид. Еще как въезжаю. Смотри, патрульные машины уже сбавили скорость.

Я смотрю — а те и впрямь отстали от нас.

— Я не хочу, чтобы они «сбавили скорость». Хочу, чтобы вообще свалили отсюда.

— Послушай, Дэвид… Могу я называть тебя Дэвид? Ты не против? — старается умаслить меня Сэмси.

В качестве ответа стреляю в заднее окно; вижу, как Филипп вскидывает бровь от удивления.

— Следующая пуля войдет надзирателю точно промеж глаз.

— Господи боже, нет! — Филипп окончательно входит в роль. — Ну же, делайте, как он говорит!

— Ладно-ладно, спокойно, Дэвид, — срывается в панику Сэмси. — Патрульные останавливаются. Видишь? Они тормозят, клянусь тебе. Прошу, взгляни в заднее окно. Взгляни. Пока еще мы мо-

жем все уладить, Дэвид. Пока никто не пострадал. Давай поговорим, хорошо?

— Твой номер, быстро! — требую я.

— Что?

— Твоего номера нет на определителе. Сейчас я повешу трубку, но через пять минут перезвоню и назову свои требования. Итак, твой номер?

Сэмси диктует цифру за цифрой.

— Готовь бумагу и ручку. Перезвоню.

— У меня тут и бумага, и ручка, Дэвид. Ты скажи сразу, что тебе нужно, и я уверен, мы сможем…

— Держитесь от меня подальше, и никто не пострадает. Унюхаю патруль — тут же вышибу мозги надзирателю. — И я вешаю трубку, глядя на Филиппа. — Ну, сколько времени я смог выиграть?

— Минут пять, не больше. Они сейчас, верно, готовят вертолет, чтобы следить за нами с воздуха.

— Идеи есть?

Филипп размышляет недолго.

— В паре миль отсюда стоит складской торговый центр. Въедем на подземную парковку, исчезнем из поля зрения секунд на десять. Так ты успеешь незаметно выпрыгнуть из машины. К ТЦ пристроили отель «Хаятт», с ним рядом, помнится, стоянка для такси, хотя, может, ее и

убрали. Там останавливались «Убер», еще какие-то сервисы… В общем, оттуда ты сам как-нибудь сматывайся. Ничего лучше предложить не могу, разве что захочешь рискнуть с железнодорожным вокзалом и автовокзалом, до них всего миля.

Предложение не сильно радует.

— А разве они не поймут, что мы что-то задумали, когда мы заедем на парковку?

— Чего не знаю, того не знаю.

Оглянувшись, я не вижу позади полицейских патрулей, но это не значит, что их нет. Я открываю окно и, высунув голову, тщетно пытаюсь увидеть или услышать вертолет, поднятый по тревоге. Можно, конечно, перезвонить Сэмси и потребовать держать дистанцию, — так они не увидят, как мы направляемся к торговому центру. Или увидят? Кто знает. Полиция все-таки чудес не творит, хоть мы и думаем так из-за новостных сюжетов по телику. Раз вертолет еще не в воздухе, значит время есть. Быстро настроить телескопы и камеры для дальнего наблюдения у них не получится, запеленговать телефоны Адама и Филиппа — тоже. Пока что время на моей стороне, однако его немного.

— Долго до подземного гаража?

— Три-четыре минуты.

Так, у меня есть идея. Не так чтобы идеальная, но папа-полицейский, всерьез обеспокоенный моим перфекционизмом, частенько цитировал Вольтера, мол, «лучшее — враг хорошего». Хотя хорошей мою идею тоже не назвать, а других пока нет.

Вот теперь через открытое окно автомобиля действительно слышен звук вертолета.

— Дерьмо! — выдыхает Филипп.

— Филипп, давай сюда бумажник.

— Появился план?

— Езжай к подземному гаражу. Я выпрыгну, как условились, а с собой прихвачу твой бумажник. Скажи им, что у тебя в нем было не больше двадцатки, и пусть Адам это подтвердит. Они наверняка отследят твою кредитную карту, так что воспользуюсь наличными.

— Понял.

— Я перезвоню Сэмси с твоего сотового и начну выдвигать сумасшедшие требования.

— А дальше что?

— Пока я с ним разговариваю, ты заедешь под землю. Я же выскочу так быстро, будто ты и не останавливался. Вот только мне придется умыкнуть твой телефон, чтобы связь не прерывалась.

Филипп кивает, сообразив, к чему я клоню:

— Они решат, что ты еще в машине.

— Именно. Ты продолжишь нарезать круги, вертолет полетит за тобой, но с него они не увидят, что я пропал. Я продолжу общаться с Сэмси, пускай думают, что я по-прежнему с тобой. Я повешу трубку ровно через десять минут, ну а ты уезжай как можно дальше, найди другую подземную парковку — может, под другим ТЦ или офисным комплексом.

— Но зачем?

— Заехав туда, встань на несколько секунд, притворись, что я заставил тебя притормозить и скрылся.

— Хотя на самом деле ты будешь здесь.

— Точно.

— А я тогда выеду на поверхность и просигналю, что ты сбежал. Без телефона-то мне им не позвонить.

— Ага.

— И пускай ищут тебя там, а не здесь.

— Вот именно.

Филипп берет секунду на размышления.

— Черт, а ведь это может сработать, — решает он.

— Ты так думаешь?

— На все сто, конечно, не уверен. Я не смогу отвлекать их долго, Дэвид.

— Да, я знаю.

— Сядь на первый же поезд или автобус. Как у тебя с навыками выживания?

— Так себе.

— Лес — отличное место, чтобы спрятаться. По твоему следу пустят собак, однако они не смогут обежать весь лес. К отцу соваться даже не думай. Понимаю, хочется, но его дом будет кишеть копами. То же самое касается твоей бывшей жены и ее сестры, да и вообще всех родственников. Помни, близкие тебе не помогут, все будут под колпаком.

Вот только никого больше у меня и нет… Впрочем, я понимаю его правоту.

— С твоим отцом я сам поговорю. Скажу ему, что верю тебе, мол, ты этого не делал.

— А ты веришь?

С глубоким вздохом Филипп заворачивает направо у указателя «Лами-центра».

— Да, Дэвид. Правда верю.

— Отцу совсем плохо, да?

— Совсем. Но он узнает правду, это я тебе обещаю.

Я снова проверяю, нет ли позади нас полицей-

ских машин. Все, сейчас или никогда. В карманах не осталось пустого места: там лежат телефон Адама, бумажники Адама и Филиппа плюс вся имеющаяся наличка.

— И еще кое-что, — произносит Филипп.

— Ну?

— Не бери с собой пистолет.

— Это еще почему?

— А ты что, собираешься им воспользоваться?

— Нет, но…

— Вот и оставь его здесь. Если будешь вооружен, то с куда меньшей вероятностью вернешься в тюрьму живым.

— Я и не хочу возвращаться, даже живым, — говорю я. — Зачем мне бросать пистолет в машине? Кто в такое поверит? Они сразу поймут, что ты как-то замешан.

— Дэвид…

Но на споры времени нет. Я набираю номер Сэмси, и тот сразу же отвечает:

— Дэвид, рад, что ты перезвонил. У вас все в порядке, ребята?

— Мы оба в порядке — пока. Но мне нужно убраться из города. Для начала пригоните транспорт.

— Как скажешь, Дэвид, безусловно, — залебезил

Сэмси, словно мы с ним давние приятели; пятиминутная передышка явно помогла ему взять себя в руки. — Мы постараемся это устроить.

— Так устройте! — рявкаю я.

А вот и заводской центр «Лами». Филипп поворачивает налево, к гаражу; я же готовлюсь бежать, взявшись за дверную ручку.

— Мне нужен чертов транспорт, и чтоб без проволочек!

— Дэвид, опусти пистолет, — добавляет Филипп явно для Сэмси. — Он сделает все как надо.

— Я требую вертолет с полным баком, — продолжаю я.

Ни дать ни взять допотопное кино. Но Сэмси, похоже, все нравится, он охотно играет свою роль.

— Дэвид, это займет пару часов, — отвечает Сэмси.

— Голову мне не морочь! У вас в воздухе вертолет, думаешь, я совсем тупой?

— А это и не наш, он, наверное, дорожно-новостной или пассажирский. Ты же не ждешь, что мы прикажем ему…

— Брешешь!

— Слушай, давай немного успокоимся…

— Я хочу, чтобы этот вертолет отогнали от нас.

Сейчас же!

— Мой человек уже обзванивает ближайшие аэродромы, Дэвид.

— И мне нужен свой собственный вертолет! Заправленный и с пилотом! Пилоту лучше быть безоружным.

Филипп кивает, показывая, что время действовать. Я готов.

— Хорошо, Дэвид, никаких проблем, только дай нам немного времени.

Машина притормаживает, и я дергаю дверную ручку, тут же выпрыгивая на парковку. Стоит мне ступить на тротуар, как Филипп уезжает; на все про все потребовалось не больше трех секунд. Я приседаю за серым «хёндаем», не давая Сэмси опомниться.

— Сколько времени?! — кричу я в трубку. — Мне что, нужно убить надзирателя?

— Никто этого не хочет.

— А по-моему, нужно. Вы ведь держите меня за идиота. Может, выстрелить ему в ногу, и тогда до тебя дойдет, что я не шучу?

— Нет, Дэвид, послушай меня: мы все понимаем, что ты очень серьезен, поэтому и держимся поодаль. Только будь благоразумен, хорошо? Мы можем все уладить.

Я мечусь между машинами, приближаясь ко входу в центр. Не вижу кругом ни подозрительных тачек, ни подозрительных людей.

— Слышь, Сэмси, я и сам хочу все уладить. — С этими словами я захожу в нижний вестибюль и встаю на движущийся эскалатор.

Я на свободе. Пока что.

Глава 14

Макс, он же спецагент ФБР Макс Бернстайн, яростно мерил шагами приемную надзирателя.

С детства Макс был в постоянном движении. Его мама смеялась, что у него «муравьи в штанах». Учителя жаловались, что он ломает мебель, ведь он не переставая ерзает за партой. Когда Макс был в четвертом классе, одна из учительниц, которую звали миссис Маттис, просила директора, чтобы ей позволили привязать Макса к спинке стула. Оказываясь где-то, где раньше не был — вот как сейчас, — Макс сновал туда-сюда, как собака, привыкающая к новой будке. Он часто моргал, и его глаза бегали, глядя сразу повсюду (но только не в глаза другим людям). Невысокий, с густой стальной шевелюрой, не знавшей хорошей укладки даже по праздникам, он вечно грыз ногти, был неряшлив и ходил в большой, великоватой для него ветровке с надписью «ФБР». В своей нервозности Макс был постоянен — и непостоянен тоже, за что коллеги-спецагенты добродушно окрестили его Дергунчиком. Разумеется, когда он все-таки совершил каминг-аут — в то время как многие другие агенты не решались

на это, — вечно гораздые на выдумки гомофобы поменяли прозвище: с Дергунчика на — да-да, три «ха-ха-ха» — Передергунчика.

У федералов тоже есть чувство юмора.

— Он слинял, — доложился детектив Сэмси из местной полиции, проваливший операцию.

— Да, мы в курсе, — ответил Макс.

Офис надзирателя Филиппа Маккензи считался местом преступления, поэтому штаб расследования развернули в его же приемной. На стену повесили карту округа Бриггс и на ней желтым маркером обозначили путь автомобиля надзирателя. Макс одобрил такую приверженность старой школе. В приемной стоял ноутбук, на который выводилось видео с вертолета, чтобы Сэмси и его коллеги могли видеть происходящее в реальном времени. Однако к прибытию Макса и его напарницы, спецагента Сары Яблонски, операция уже завершилась.

Вместе с Максом в приемной толкались еще семь человек, но из них всех он знал только Сару. Его напарница, лейтенант, правая рука и незыблемая опора, как ее ни назови, она вот уже шестнадцать лет вызывала в Максе сплошь обожание, — он не мог без нее обойтись. Будучи крупной (целых шесть футов ростом!), широкой в

плечах и рыжеволосой, она бесспорно затмевала собой Макса, который был шестью дюймами ниже ее, однако эту разницу в габаритах, безусловно комичную, они часто разыгрывали, как козырную карту.

Двое других мужчин в приемных носили звание федерального маршала и подчинялись непосредственно Максу; остальные четверо работали либо в тюрьме, либо в местной полиции. Макс расположился перед монитором, и тут же его правая нога застучала отбойным молотком, — обратись он к врачу, тот бы наверняка диагностировал у него синдром беспокойных ног. Теперь все в помещении смотрели, как Макс без конца мотает туда-сюда последние секунды видео.

— Нашел что-нибудь, Макс? — спросила Сара.

Он не ответил, а Сара не переспросила. Им все было ясно без слов.

— Кто в этой тюрьме старший по рангу? — спросил Макс, все еще глядя на экран.

— Я, — ответил полный мужчина в насквозь пропотевшей рубашке поло. — Меня зовут…

Но Макса не интересовали ни имя, ни звание.

— Нам срочно требуется кое-что от вас.

— Например?

— Имена всех, с кем общался Берроуз в послед-

ние дни.

— Как скажете.

— Близкие, родственники, приятели среди заключенных, особенно тех, кто недавно вышел. Берроуз не мог провернуть такое в одиночку, так давайте узнаем, кто ему помогал.

— Работаем.

Вскочив со стула, Макс вновь принялся расхаживать взад-вперед. Остальным пришлось наблюдать, как он грызет ноготь на указательном пальце, грызет не тихо и осторожно, а с азартом ротвейлера, в чьих зубах — новая игрушка. Сара давно к такому привыкла.

— Надзиратель уже вернулся, Сара?

— Только что приехал, Макс.

— Тогда мы готовы.

— Да, мы готовы, — отозвалась она. Макс энергично кивнул, заходя на новый круг.

Наконец он притормозил перед ноутбуком и снова нажал кнопку воспроизведения видео. Камера запечатлела, как надзиратель Филипп Маккензи покидает свою машину и машет руками тем, кто снимал его с вертолета. Макс пересмотрел этот кусок снова и снова, пока Сара стояла у него за плечом.

— Привести надзирателя прямо сейчас, Макс?

— Взгляни еще раз, Сара.

И Макс запустил видео сначала. Периодически он с грацией подстреленной газели скакал от монитора к карте, проводил обкусанным пальцем вдоль нарисованного маршрута и вновь устремлялся к монитору. При этом он успевал перебирать дюжину резинок на своем запястье (в том, что их было не одиннадцать и не тринадцать, а ровно дюжина, был свой сакральный смысл).

— Сэмси! — рявкнул Макс.

— Я здесь.

— Опиши мне все, что происходило в конце записи. Шаг за шагом.

— Сэр?..

— Где Берроуз вышел из машины?

— Здесь, в тоннеле Уилмингтон. — Сэмси указал место на карте. — А вот тут машина надзирателя въехала в тоннель.

— Вы общались с Берроузом по телефону?

— Так точно.

— Вы общались и после того, как они въехали в тоннель?

— Нет, он сбросил вызов незадолго до того.

— Незадолго — это когда?

— Ну, не знаю… Может, за минуту до въезда.

Могу выяснить точное время.

— Позже, — без отрыва от монитора ответил Макс. — Чем закончился ваш разговор?

— Мы договорились, что я перезвоню, как только подготовлю вертолет.

— Это было его требование?

— Да, его.

Макс бросил хмурый взгляд на Сару — та лишь пожала плечами.

— Продолжайте.

— А продолжать-то и нечего, все есть на видео, — произнес Сэмси. — Машина надзирателя заехала в тоннель, и мы потеряли их из виду.

Макс пересмотрел этот момент на видео и предположил:

— Берроуз догадался, не так ли?

— О чем?..

— Он же сам сказал, что за ними следует вертолет?

— Да, полагаю, он догадался. Он засек вертолет — дайте подумать — минут за пятнадцать до въезда в тоннель и потребовал, чтобы мы убрали наблюдение.

— А ты этого делать не стал.

— Нет, конечно. Мы просто отвели вертолет туда, где Берроузу было не видно и не слышно.

— Хорошо, значит, они въехали в тоннель… — подсказал ему Макс.

— Так точно. Мы не видели, что происходило внутри, однако вертолет ждал их на выезде из тоннеля. Весь путь из конца в конец обычно занимает не больше двух минут.

— Но не в этот раз?

— Машина надзирателя оставалась внутри больше шести минут.

Макс перемотал видео вперед и теперь снова наблюдал, как машина надзирателя появляется с другого конца тоннеля и почти сразу прижимается к обочине. Надзиратель выходит с водительской стороны, яростно машет руками. Конец.

— Так что вы об этом думаете? — спросил Макс у детектива Сэмси.

— Я?

— Куда делся Берроуз?

— А, ну да… Ну, теперь-то мы знаем со слов надзирателя, что Берроуз заставил его ехать в тоннель, где их не мог преследовать вертолет. На середине тоннеля надзиратель высадил Берроуза, который тут же угнал еще одну машину. Мы выставили патрули на дорогах.

— Тоннель оборудован камерами видеонаблю-

дения?

— Нет. Вроде стоит там какая-то охранная будка, но, считай, без обслуживания. Нам урезали бюджет.

— Угу… Сара?

— Да, Макс?

— Сын надзирателя где?

— В лазарете вместе с отцом.

— Парень не пострадал?

— Нет, его держат там просто на всякий случай.

— Прошу, сходи за надзирателем и его сыном. А все остальные пускай покинут приемную.

Народ схлынул. Спустя пять минут Сара снова открыла дверь, впуская в комнату Филиппа и Адама Маккензи. Макс даже не взглянул в их сторону, прикованный к монитору.

— Ну и денек! — мотнул он головой.

— И не говорите, — ответил Филипп Маккензи, приближаясь к нему для рукопожатия.

Макс сделал вид, что не заметил поданной руки из-за скачек между монитором и картой.

— Как Берроуз добыл пистолет? — спросил он.

— Он забрал мой, — кашлянув, сообщил Филипп, — застав меня врасплох. Я как раз вел заключенного…

— Заключенного?

— Да, заключенного.

— Вы его правда так назвали? — удивился Макс. Филипп Маккензи хотел что-то ответить, но Макс отмахнулся: — Ладно, не важно. Детектив Сэмси рассказал, как было дело. О том, как Берроуз взял ваш пистолет, угрозами отнял у вашего сына полицейскую форму и сделал из вас своего водителя. Все это я уже знаю. — Тут Макс прервался, мрачно глядя на карту. — Но чего я не знаю, так это почему вы солгали.

Воцарилась тишина. Сперва Филипп Маккензи таращился на Макса, по-прежнему стоявшего спиной к нему, затем обратил разъяренный взгляд к Саре — та пожала плечами.

— Что вы сказали?! — прогремел Филипп Маккензи.

— Я правда должен повторить? — вздохнул Макс. — Сара, может, я неясно выразился?

— Кристально ясно, Макс.

— Спецагент Бернстайн, вы хоть понимаете, с кем разговариваете?! — рявкнул Филипп.

— С надзирателем, который только что помог детоубийце сбежать из тюрьмы.

Филипп с покрасневшим лицом стиснул кулаки:

— А ну в глаза мне смотри, упрямый ты черт!

— Нет уж.

— Если уж обвиняешь кого во лжи, — Филипп шагнул ближе, — имей смелость хотя бы взглянуть на него!

— Да бред это все, — покачал головой Макс.

— Бред?!

— Ну да, все эти ваши «посмотри мне в глаза». Люди переоценивают важность зрительного контакта. Знаю парочку отменных лжецов, которые запросто выигрывали у людей в гляделки. Поддерживать зрительный контакт — значит попросту тратить время и силы, я ведь прав, Сара?

— Ясное дело, Макс.

— Надзиратель?

— Чего?

— Вам придется несладко, ой как несладко, и тут я бессилен. Но у вашего тихони-сына еще есть шанс выкрутиться. Однако, если вы продолжите врать, я похороню вас обоих. Уж мы с Сарой это умеем, не так ли, Сара?

— Умеем и любим, Макс.

— Нас это даже заводит.

— Я иногда записываю такие моменты и потом пересматриваю, — призналась Сара. — Лучше любой прелюдии.

— Ух, Сара, — выпятил грудь Макс, — у меня аж соски привстали, потрогай.

— Не хочу, а то эйчар снова начнет трясти меня, Макс.

— Ну вот, а я думал, ты любишь развлечься, Сара.

— Развлечемся позже, Макс. Сперва наденем наручники на этих двоих.

— Вы там все сказали, ребята? — поочередно ткнул в них пальцем Филипп Маккени.

— Вы протаранили выезд своей машиной, — продолжил Макс.

— Все верно.

— На полной скорости влетели в полузакрытые ворота.

— И что это доказывает? — рассмеялся Филипп, поддерживая видимость уверенности.

— Зачем же вы с таким упорством давили на газ?

— Затем, что мне в лицо целился отчаянный зэк.

— Ты слышала, Сара?

— Я ведь все еще тут, Макс.

— Фил-то, этот здоровяк, натерпелся страху.

— А кто бы не натерпелся? — возразил Маккензи. — Рядом с заключенным, у которого

пистолет?!

— Ваш пистолет.

— Мой пистолет!

— Который, как утверждает ваша секретарша, вы при себе не держите и не заряжаете.

— Она ошиблась. Я ношу его в кобуре под курткой, чтобы люди не пялились.

— Как предусмотрительно, — прокомментировала Сара.

— И при этом, — продолжил Макс, — Берроузу удалось не только заметить ваш пистолет, но и выудить его из кобуры.

— Он застал врасплох нас обоих, — ответил Филипп.

— Слова некомпетентного человека.

— Да, я ошибся! Да, подпустил заключенного слишком близко!

Макс улыбнулся Саре, по своему обыкновению пожавшей плечами, и добавил:

— А еще вы по-прежнему говорите о нем как о «заключенном».

— Он и есть заключенный.

— Да, но вы с ним близко знакомы, разве не так? Для тебя он Дэвид, ведь вы с его отцом — старые приятели. И твой сын Адам, по-моему проглотивший язык, вырос вместе с ним, я прав?

На миг лицо надзирателя вспыхнуло от удивления, однако он быстро взял себя в руки и выпрямился.

— Все верно. Я этого не отрицаю.

— Как прямодушно, — отметила Сара.

— Выходит, я прав?

— Да, и поэтому… — начал Филипп, но Макс прервал его:

— Подождите, я сам догадаюсь: и поэтому Берроуз смог подойти к вам достаточно близко, забрать пистолет, который вы не носите, если верить вашей секретарше…

— И не заряжаете.

— И не заряжаете, да, спасибо, Сара. Тем не менее Берроуз каким-то образом умудрился залезть к вам в куртку, расстегнуть кобуру и вытащить заряженную пушку, пока вы двое стояли столбом. Верно описываю, надзиратель?

— Так все и было, — ожил Адам.

— Божечки, Сара, оно умеет говорить!

— Сейчас ему явно стоило промолчать, Макс.

— Явно. Надзиратель, я задам еще один вопрос, если вы не возражаете. Зачем вы вчера ездили к отцу Дэвида Берроуза?

Филипп Маккензи был ошеломлен.

— Сара, не просветишь надзирателя?

— Разумеется, Макс. — И она повернулась к Филиппу: — Вчера в четверть девятого утра вы вылетели авиакомпанией «Американ игл» в Бостон. Рейсом номер триста два, если кому-то интересно.

Тишина длилась долго.

— Я прямо слышу, как в его голове скрипят шестеренки, Сара.

— Ты и такое можешь, Макс?

— Ага. Стоит он, значит, и мучается: «Сказать им, что я все-таки навещал старину Ленни, или настаивать, что я ездил в Бостон не за этим?» Он, конечно, склоняется ко второму варианту; вопрос только в том — вы же понимаете, надзиратель? — как быстро Сара отследит ваш «Убер» или другое такси, которое везло вас в Ревир из аэропорта Логан, если вам вздумается врать.

— А может, и обратный транспорт, Макс, — предложила Сара.

— Верно, Сара, или обратный транспорт — такси из Ревира в аэропорт. И пока вы думаете над ответом, позвольте вас предупредить: ей это раз плюнуть.

— Спасибо, Макс.

— Нет, я серьезно, Сара: ты лучше всех.

— Ну вот, Макс, из-за тебя я покраснела.

— Румянец тебе к лицу, Сара. — Тот пожал плечами и вернулся к беседе с Маккензи: — Это трудное решение, надзиратель. На вашем месте я бы не знал, что и выбрать.

Филипп прокашлялся и ответил:

— Я был в Бостоне, навещал больного друга. Это не преступление.

— Ну все, ты выиграла, Сара, — ухмыльнулся Макс, вынимая бумажник.

— Пять баксов. — Его напарница протянула ладонь.

— У меня только десять.

— Позже получишь сдачу.

И Макс отдал ей десятидолларовую купюру.

— Ваша правда, мы с Дэвидом одна семья, — вдруг пошел в атаку Филипп Маккензи, — а он в последнее время сам не свой. Именно это я и хотел обсудить с его отцом. Вы же сами сказали: Ленни и я — давние приятели…

— Стоп, дальше я, — поднял руку Макс. — Вы с Ленни не разлей вода, Адам с Дэвидом тоже близки, и поэтому, раз Дэвид в неадеквате, вам пришло в голову устроить ему встречу с вашим сыном.

— В общем и целом — да.

С усмешкой Макс тоже вытянул ладонь, в

которую помрачневшая Сара вложила его же десятку.

— Думаете, вы очень остроумные? — огрызнулся Филипп.

— Ну не зря же в ФБР нас прозвали «Люси и Деси», верно, Сара?

— Нас так прозвали, Макс, потому, что я рыжая, а вовсе не из-за остроумия.

— Правда, что ли, Сара? — расстроился Макс. — Но я ведь почти уже дописал ремикс «Бабалу».

Тут в дверь приемной постучались полный тюремный охранник и детектив Сэмси. Первый доложил:

— Дэвида Берроуза за все годы заключения навещал только один человек: его невестка. Ее зовут Рейчел Андерсон, она приезжала вчера и позавчера.

— Еще раз: единственная гостья Берроуза была здесь вчера и позавчера? — Макс притворно схватился за сердце. — Воздуха мне, воздуха! Вот и еще одно совпадение, Сара.

— В этом мире чего только не бывает, Макс.

— Да, чего в нем только нет, Сара. Ваше слово, надзиратель!

На этот раз Филипп Маккензи безмолвствовал.

— Где невестка остановилась, знаете? — спро-

сил Макс у охранника.

— Да наверняка в мотеле Бриггса, как и большинство тех, кто к нам едет.

— Я проверю, — подтвердил Сэмси.

— Или она могла остановиться в «Хаятте», рядом с заводским ТЦ, — предположил охранник.

— О!

Голова Макса заболталась, как на веревочке, он шагнул к карте; в приемной никто не дышал. По новой изучив маршрут, Макс метнулся обратно к ноутбуку:

— Точно, Сара.

— Макс, что ты нашел?

— Сэмси?

— Тут, — выступил детектив.

— Говорите, Дэвид Берроуз был с вами на линии прямо перед тем, как надзиратель заехал в тоннель?

— Ага.

— И Берроуз сам вас набрал?

— Ага. Он попросил пять минут подождать, а потом перезвонил.

— Во сколько это было? Только точно. Посмотрите в истории звонков.

— В восемь пятьдесят.

— В это время машина проезжала… здесь, — на-

шел на карте Макс. — По Грин-стрит. Чтобы сразу завернуть на подземную парковку торгового центра. Ну и зачем вам понадобилось на парковку, надзиратель? — спросил он Филиппа Маккензи.

— Заключенный сказал ехать, я и поехал. — Филипп уставился на него. — А там тупик.

Миг — и Макс снова был у карты.

— Сара, ты видишь то же, что и я? — Он ткнул пальцем в окрестности торгового центра «Ламми».

— Железнодорожный вокзал, Макс.

Тот кивнул.

— Сэмси?

— Слушаюсь!

— Перекройте движение поездов, посадите своих людей во все составы, отходящие после восьми пятидесяти. И отправьте всех, кого можете, патрулировать этот торговый центр.

— Понял вас.

Глава 15

В Ньюпорте, штат Род-Айленд, восьмидесятидвухлетняя глава новоанглийской ветви рода Пейнов — Гертруда Пейн — смотрела, как ее внук Хейден восходит на подиум Музея изобразительных искусств Пейна. Вопреки тому, что от тридцатисемилетнего Хейдена ожидали благородной, аристократической осанки, он слишком походил на своего прапрапрадеда Рендалла Пейна — крепкого хозяйственника, основавшего в 1868 году компанию «Кентуккийский бурбон Пейна», что и положило начало династии.

— От имени моей семьи, — начал Хейден, — и особенно бабули Пикси…

Когда Хейден с улыбкой взглянул на Гертруду, та улыбнулась ему в ответ. Никто толком не понимал, почему отец прозвал ее Пикси.

— …я рад приветствовать стольких гостей на нашем ежегодном благотворительном обеде, — продолжил Хейден. — Все доходы от сегодняшнего мероприятия пойдут на поддержание благотворительной инициативы «Рисуем с Пейном», которая позволяет спонсировать и обучать малообеспеченные молодые таланты в Прови-

денсе. Благодарю вас за вашу щедрость!

Эхо вежливых аплодисментов рассеялось в мраморном бальном зале Пейн-хауса на Охра-пойнт-авеню, что был построен в 1892 году и смотрел окнами на Атлантику. В 1968 году Гертруда, недавно вышедшая за одного из Пейнов, придумала продать Пейн-хаус обществу охраны архитектурных памятников под художественный музей. В этом прекрасном, величественном здании гуляли сквозняки и стыли сердца — как в прямом, так и в переносном смысле. Хотя многие считают, что такие особняки отдают исключительно в дар и в угоду обществу, на самом деле хозяева зданий всегда получают долгосрочную прибыль от подобных сделок. Это верно и для поместья Брейкерс, и для Мраморного дома, и для Пейн-хауса: все эти здания приобретались обществами по охране с условием отчислять процент продавцам. Богатые люди ничего не делают просто так, знала Пикси.

— Уверяю, наш обед в этом году вас изрядно впечатлит, — говорил Хейден. — После того, как с восхитительными блюдами, приготовленными нашим местным шеф-поваром, нашим магом Гансом Лааспре… — недолгие аплодисменты, — будет покончено, мы, как и обещали, проведем

для вас, наших главных благодетелей, частную экскурсию по музею, чьей изюминкой и, конечно же, той самой причиной, по которой многие из вас сегодня здесь, является печально известное полотно, не выставлявшееся на публике более двух десятилетий. Сегодня мы представляем вам премьеру — Ян Вермеер, «Девушка, сидящая за фортепиано»!

Собравшиеся ахнули.

С четверть века назад это полотно было похищено у кузенов Гертруды по линии Локвудов, а обнаружили его лишь недавно, на месте загадочного убийства в Верхнем Вест-Сайде Манхэттена. Картина высотой всего полтора фута и так-то считалась бесценным шедевром, но дурная слава, связанная с хищением и убийством на фоне домашнего насилия, сделала «Девушку, сидящую за фортепиано» одним из ценнейших произведений в истории. С обнаружением картины кузен Гертруды, Уин, решил не прятать ее в унылой гостиной поместья Локвудов, а позволить ей повидать мир и порадовать своим видом тысячи, а то и миллионы страждущих. Ближайший месяц выставки здесь, в Ньюпорте, штат Род-Айленд, был всего лишь началом международного тура.

Возвращение украденного Вермеера сулило

баснословную прибыль. Цена за проход на благотворительный обед стартовала с пятидесяти тысяч долларов с человека. Но не то чтобы все это затевалось только ради денег — деньги играли не более важную роль, чем желание побыть филантропами, свойственное таким состоятельным семьям. Благотворительность повышает социальный статус богачей, а заодно слегка сглаживает затаенное чувство вины. Вдобавок это отличный предлог, чтобы собраться, ведь когда ты настолько неприлично богат, то не можешь устраивать вечеринки без повода — это назовут слишком бестактным, безвкусным, даже показушным. Зато благотворительность — отличное прикрытие и в то же время фикция, Гертруда это знала. Любой состоятельный гость на этом обеде мог бы в любую минуту выписать чек благотворительной организации Пейна — и без всякого обеда. А на деле никто не хочет тратиться, и даже совесть им не указ: богачи не станут делиться деньгами, пока по-настоящему не поймут, что такое — быть бедным. Гертруда отлично понимала, что своя рубашка всегда ближе к телу, и пока все говорят, что хотят помогать обездоленным — или что действительно помогают, — то имеют в виду, что не хотят потерять на этом ни цента.

Вот почему, думала Гертруда много лет назад, у богатых людей нет сердца.

— В рамках своих благотворительных программ фонд Пейна помог десяткам тысяч нуждающихся детей, — заявил Хейден, — с тех пор как великодушный покровитель нашего дела Беннет Пейн открыл в тысяча девятьсот тридцать восьмом году первый семейный дом для мальчиков.

Он указал на большой масляный портрет Беннета Пейна. «Ах, этот почтенный дядя Беннет», — подумала Гертруда. Мало кто знал, но «щедрый» дядя Беннет был педофилом еще до того, как изобрели само это слово, вот он и трудился для нуждающихся детей — чтобы беспрепятственно совращать их. Разумеется, дядя Беннет никому не признавался в своих пристрастиях, зато оправдывал их, как это свойственно человеку. Ведь в целом-то он творил добрые дела, — так он себе говорил. Мол, все эти ребята, особенно из нищих семей, умерли бы без помощи Пейнов, и сам дядя Беннет кормил их, одевал, обучал, ну а секс… Секс был только по обоюдному согласию, разве нет? Что тут криминального? Так, дядя Беннет странствовал по миру, часто в компании таких же единомышленников, и беспрепятственно имел сношения (сейчас это называется «насиловал»)

с детьми из самых разных миров. Возможно, кому-то интересно: а что же карма? А заплатил ли Беннет Пейн за свои грехи? Нет, он, не знавший голода и жажды, окружив себя комфортом и ни дня не работая на настоящей работе, поскольку владел большим состоянием, — нет, не заплатил. Дядя Беннет ушел из жизни глубоким стариком, мирно уснув в возрасте девяноста трех лет. И никто так и не узнал, чьи портреты висели на каждом углу в благотворительном фонде Пейна. Зато — та еще ирония — в настоящее время фонд действительно приносил пользу людям. Организация, открывшая дяде Беннету путь ко многим его жертвам, теперь помогала обездоленным, — как вам такое? Гертруда знала немало случаев, когда благие начинания оборачивались злостными, коррумпированными схемами. Как сказал однажды философ Эрик Хоффер: «Каждое великое дело начинается как движение, потом движение становится бизнесом, и в конце концов бизнес вырождается в рэкет». Хоффер был прав, но что, когда все происходит ровно наоборот?

По мнению Гертруды, всем мужчинам были в некоторой степени свойственны социопатия и талант к самооправданию. Да, кто-то уже кричит из зала: «Не всем!» — и да, самой Гертруде

было свойственно обобщать. Но ее убеждение приближалось к правде хотя бы в том, что ее отец-алкоголик, избивая мать и требуя от нее покорности, ссылался на библейские стихи; а муж самой Гертруды, Джордж, списывал свои любовные похождения на «неестественность мужской моногамии». А что до дяди Беннета, который не насиловал открыто, то он был не один такой в семье. Единственным исключением, подтверждавшим правило, для Гертруды был сын Уэйд, отец Хейдена, — но, возможно, она просто была «я-же-мать», как это называет молодежь. Уэйда не стало в тридцать один: он вместе с матерью Хейдена погиб в авиакатастрофе, направляясь к горнолыжному курорту Вейл в Колорадо. Так что, возможно, его исконно мужская социопатия просто не успела себя проявить. Смерть сына сломила Гертруду. Ей бы заботиться о сироте — четырехлетнем Хейдене, — но горе не помогло ей воспитать его как подобает. И это сказалось впоследствии.

Тут у Гертруды зазвонил телефон. Современные гаджеты она находила увлекательным веянием, и хотя они, как и многое другое в наши дни, вызывали то еще привыкание, Гертруда по-настоящему ценила возможность общения с кем

угодно когда угодно или доступ ко всем библиотекам в мире — и все это благодаря маленькому устройству в ее сумочке.

— Итак, я еще раз благодарю вас за поддержку нашего дела. Показ украденного Вермеера состоится через пятнадцать минут, а пока — наслаждайтесь десертом! — завершил свою речь Хейден.

Пока он махал рукой собравшимся, Гертруда украдкой посмотрела в свой телефон — входящее сообщение заставило ее вздрогнуть.

— Пикси, тебе нехорошо? — спросил вернувшийся к столу Хейден, едва взглянув на ее лицо; бабушка еще и оперлась о столешницу, чтобы не упасть.

— Идем со мной, — выдавила она.

— Но нам еще…

— Дай мне руку, пожалуйста. Ну же.

— Конечно, Пикси.

На лицах у обоих держались улыбки, пока бальный зал не остался позади. Случайно приметив свое отражение в зеркальной стене зала, Гертруда не узнала в этой дряхлой старухе себя.

— Что происходит, Пикси?

Она передала Хейдену телефон — и ее внук выпучил глаза, прочитав сообщение.

— Сбежал?!

— Судя по всему. — Гертруда уставилась на приоткрытую дверь: Стефано, давний глава службы безопасности Пейнов, всегда был поблизости.

В его взгляде она прочла вопрос и склонила голову, намекая, что они обсудят это позже. После чего кивнувший ей Стефано исчез из виду.

— Должно быть, это знак, — вымолвил Хейден, и Гертруда снова обратила внимание на внука:

— Знак?

— Не подразумевая влияние высших сил, хотя, возможно, и они сыграли свою роль… Я вижу удачную возможность…

Как же глуп он был.

— Никакой возможности, Хейден, — стиснув зубы, процедила Гертруда. — Его наверняка поймают еще до заката.

— Так почему бы нам не помочь ему?

Гертруда молча прожигала взглядом внука, пока тот не отвернулся. Тогда она сказала:

— Полагаю, нам нужно уехать отсюда.

— Но, Пикси, — указал он в сторону бального зала, — а как же гости?

— Их интересует только Вермеер. Они и не заметят нашего отсутствия. Где Тео?

— Он хотел посмотреть на картину.

Миновав двух охранников, Гертруда прошла в некогда семейную комнату для музицирования, где теперь висело полотно Вермеера, и увидела мальчика, стоявшего к ней спиной.

— Тео, — обратилась к нему она, — ты закончил осмотр?

— Да, Пикси, — ответил Тео. — Я уже посмотрел.

Когда восьмилетний мальчик обернулся, взгляд Гертруды приковало предательское винное пятно на его щеке. Женщина тяжело сглотнула и подала ему руку:

— Тогда идем.

Часть 2
Двенадцать часов спустя

Глава 16

Макс и Сара заняли свои места за столом для допросов. Напротив них одиноко сидела Рейчел Андерсон. Когда та представилась, спецагенты еще раз уточнили, не нужно ли ей позвонить своему адвокату, и вновь услышали отказ.

— Для начала я хотел бы поблагодарить вас, — произнес Макс, — за то, что вы согласились побеседовать с нами.

— Ну что вы, — с самым невинным видом ответила Рейчел. — Но не проясните ли, о чем будет беседа?

Макс взглянул на Сару, закатившую глаза.

Встреча проходила в штабе ФБР в Ньюарке, штат Нью-Джерси, примерно в пятистах милях от тюрьмы Бриггс. На разосланную ими ориентировку в конце концов откликнулась портовая полиция, когда на ее камеры в Нью-Джерси попал номерной знак Рейчел Андерсон, пересекавшей мост Джорджа Вашингтона и двигавшейся на запад, в Нью-Йорк. А поскольку в ориентировке говорилось, что Дэвид Берроуз вооружен и опасен, тут же было вызвано подкрепление, которое и задержало белую «тойоту-камри» Рейчел Ан-

дерсон на трассе номер четыре в Тинеке. Дэвида Берроуза в машине не было.

Так, Макс решил не тянуть:

— Где сейчас ваш бывший зять, мисс Андерсон?

У Рейчел отвисла челюсть.

— Дэвид?

— Да, Дэвид Берроуз.

— Так он же в тюрьме, — ответила Рейчел, — отбывает наказание в Бриггсе, штат Мэн.

В ответ спецагенты просто смерили ее взглядами.

— Серьезно, Рейчел? — вздохнула Сара.

— Что?

— Вы серьезно выбрали такую стратегию?

Положив руку на плечо напарницы, Макс сказал Рейчел:

— Я помню, что вы отказались от присутствия адвоката, однако позвольте мне кое в чем вас заверить.

— Заверить меня? — повторила Рейчел.

Сара хотела что-то выпалить, однако Макс, легко сжав плечо, заставил ее замолчать.

— У вас будет полный иммунитет с этой минуты, если вы расскажете правду.

— Я не понимаю, о чем вы говорите… — Рейчел

переводила взгляд с Сары на Макса и обратно.

— Господи, — покачала головой Сара.

— Дайте-ка я обозначу, что я понимаю под «полным иммунитетом». Представим, что вы помогли — я выдумываю на ходу — Дэвиду Берроузу сбежать из тюрьмы. И если вы расскажете, где он и какую роль вы сыграли в этом очень серьезном федеральном преступлении…

— …из-за которого можете отправиться за решетку на много-много лет, — добавила Сара.

— Да, спасибо, — кивнул Макс. — Так вот, вам не будут предъявлены обвинения. Вы встанете и просто уйдете.

— Постойте… — Рейчел прижала руку к груди. — Дэвид сбежал?!

Какое-то время Сара, закусив губу и откинувшись на спинку стула, изучала лицо Рейчел. Затем ткнула в нее пальцем:

— Что думаешь, Макс?

— Настоящее актерское дарование. Ты что думаешь, Сара?

— Даже не знаю, Макс. Тебе не кажется, что шок выглядел несколько неестественным?

— Да, пожалуй, немного, — признал Макс. — Без этого «постойте» было бы идеально.

— И с рукой на груди, по-моему, чересчур. Будто

тянется жемчуга сорвать.

— Но все равно, на мой взгляд, это номинация на «Оскар».

— Номинация — может быть, но не победа.

И они изобразили шутливые аплодисменты.

Рейчел молчала. Макс продолжил:

— После побега Дэвида Берроуза мы послали нашего человека в ваш мотель.

— Почему сразу не «нашего парня», Макс.

— Не понял.

— Ты не думаешь, что «нашего» — это звучит немного по-сексистски?

— Ну да, прошу прощения. На чем я остановился?

— На том, что ты отправил к ней в мотель сотрудницу правоохранительных органов.

— Точно. — И Макс повернулся к Рейчел: — Вас там, конечно, не было, а на стойке регистрации нам сказали, что вас явно следует искать в станционной закусочной. Wi-Fi в мотеле наверняка ужасный.

— И что? — перешла в оборону Рейчел. — С каких пор людям запрещено бывать в закусочных?

— Официантка в «Несбитт» вспомнила, как вскоре после срабатывания тревожной сирены вы быстро собрались и ушли.

— А прямо перед этим вам позвонили, — отметила Сара.

— Может, и позвонили. Дальше? — пожала плечами Рейчел.

— Помните, от кого был звонок?

— Нет, не помню. Кажется, я вообще не взяла трубку, потому что спешила.

— А официантка говорит — вы взяли трубку.

— И услышала спамера. Достали звонить.

— Да не спам это был, — сказала Сара. — Это был Дэвид Берроуз.

— Дэвид — федеральный заключенный, — нахмурилась Рейчел. — Так откуда у него телефон?

— Ух! — Сара вскинула руки, притворно сдаваясь.

— Телефон он украл в ходе побега.

Разумеется, на самом деле Макс не верил, что Берроуз был вынужден украсть телефон. Должно быть, Филипп и Адам Маккензи выделили ему свои, помогая сбежать, но сообщать об этом Рейчел Андерсон пока не стоило.

— Ваш сотовый определил бы звонившего как Адама Маккензи. Вы его знаете?

— Конечно знаю. Адам и Дэвид вместе росли.

— И вы не помните, как вам позвонили с телефона Адама?

— Не помню, простите, — ответила Рейчел с улыбкой, полной фальшивого сожаления. — Он мог попасть не на меня, а на голосовую почту. Хотите, я посмотрю?

Макс и Сара снова переглянулись: да уж, дело осложнилось.

— Выйдя из закусочной, куда вы направились? — продолжил Макс.

— Я проживаю в Нью-Джерси.

— Мы в курсе.

— Ну, так я и направилась к себе домой. Уже почти доехала, когда меня обложили солдаты штата с оружием наперевес. Напугали до чертиков! Затем они повезли меня сюда.

— Значит, вы помчались домой прямо из закусочной? — удивился Макс.

— Да.

— Но вы не выехали из мотеля. Вы бросили в номере свою одежду и личные вещи.

— Я планировала вскоре вернуться.

— Что вы имеете в виду?

— Номер с каждой неделей теряет в цене, так что я решила там и пожить. Домой же я ехала по делам, плюс проверить, в порядке ли жилье, ну и так далее. В Мэн я хотела возвратиться уже в четверг. — Рейчел придвинулась к столу. — Де-

тектив, я уже ничего не понимаю.

— Спецагент, — поправила Сара. — Перед вами специальный агент Макс Бернстайн из Федерального бюро расследований. Я — специальный агент Сара Яблонски.

Рейчел смело встретила ее взгляд, не отводя своего.

— Специальный агент… У вас потрясающая работа.

Но Макс не хотел отвлекаться от сути.

— Мисс Андерсон, от закусочной и до самого дома вы никуда не сворачивали? — спросил он.

— Кажется, я сделала одну остановку. — Рейчел снова прислонилась к спинке стула.

— Спустя восемь минут после звонка Дэвида Берроуза вам вашу «тойоту-камри» засекли камеры видеонаблюдения у торгового центра «Лами».

— Точно! Я подумала, не прикупить ли чего. — И Рейчел взглянула на Сару: — Хотела, знаете, поглазеть на сумочки от Тори Бёрч.

— Поглазели? — напористо спросил Макс.

— Что-что?

— В «Тори Бёрч» заходили?

— Нет.

— А почему?

— Передумала.

— То есть вы приехали в «Лами» и тут же уехали.

— Выходит, что так.

— И по ошеломительному совпадению, — заявила Сара, — именно в «Лами» Дэвид Берроуз прятался после побега.

— Я ничего об этом не знаю. Дэвид в самом деле сбежал?

Сара сделала вид, что не слышала вопроса.

— Мы запросили у вашего сотового оператора данные о геолокации вашего айфона. Они попытались пропинговать ваш телефон — и знаете что?

Рейчел только пожала плечами.

— Ваш телефон был выключен, — сообщила Сара, — так что мы не смогли его отследить.

— Вы обвиняете меня в том, что я выключила телефон?

— Так и есть.

— В смысле? Я иногда отключаю телефон в дороге. Не люблю отвлекаться на него за рулем.

— Нет, Рейчел, это вранье! — отрезала Сара. — Ваш телефон, по данным оператора, бесперебойно работал все последние четыре месяца. Да и выключили вы его лишь в десяти милях к северу от «Лами», направляясь в противоположную от

Нью-Джерси сторону.

— Я решила осмотреть кое-какие достопримечательности, а потом уже ехать домой, — снова пожала плечами Рейчел.

— Очень складная история. — У Сары было каменное лицо. — Ваш бывший зять сбегает из тюрьмы. Вскоре он набирает вас с украденного телефона. Вы тут же срываетесь, не выезжая из отеля, едете к торговому центру, где он прячется от полиции. Оттуда катите в противоположном направлении, хотя до этого вы говорили, что собирались домой, и вдруг отключаете свой телефон впервые со дня обновления прошивки. Я ничего не упустила?

Рейчел только улыбнулась Саре, переводя взгляд на Макса.

— Я что, арестована, специальный агент Бернстайн?

— Нет, до тех пор, пока оказываете содействие.

— А если я решу встать и уйти?

— Давайте не будем руководствоваться гипотезами, мисс Андерсон? Нам известно, что после отключения телефона вы следовали дальше на север. Через тридцать миль по шоссе I-95 Дэвид Берроуз оплатил украденной кредитной картой разные походные принадлежности из магази-

на «Катадин» — палатки, перочинные ножи, спальные мешки и так далее. Владелец магазина опознал его по фото. Прокомментируете?

— Я ничего не знаю об этом.

— В тех окрестностях на целые мили простираются сплошь парки да леса. Высадившись там, можно легко затеряться — а там и до канадской границы не спеша дойти.

На это Рейчел Андерсон ничего не сказала.

Сара поняла, что пора менять тему: пусть придет в замешательство, узнав, сколько всего они разузнали за пару часов.

— Почему вы решили навестить Дэвида Берроуза?

— Он был моим шурином. Когда-то мы были близки.

— Но ведь до этого вы не приезжали в тюрьму Бриггс?

— Нет, не приезжала.

— А сидел он сколько — четыре, пять лет?

— Около того.

— Рейчел, так почему именно сейчас? — развела руками Сара.

— Я не знаю. Просто почувствовала… Наверное, я поняла, что пришло время.

— Вы верите, что Дэвид Берроуз убил вашего

племянника?

Взгляд Рейчел съехал куда-то в сторону.

— Я… да, я в это верю…

— Вы будто бы не слишком убеждены.

— Нет, напротив. Только я не думаю, что он хотел убивать. С ним, верно, случилось умственное помрачение, нервный срыв…

— Значит, вы его не вините? — спросил Макс.

— Нет, не слишком.

— О чем вы общались в ходе вашего визита?

— Я всего лишь спросила Дэвида, как он.

— И как он?

— Все еще сломлен. Дэвид не хотел никого видеть, просил, чтобы его оставили в покое.

— Однако вы вернулись на следующий же день.

— Да.

— И планировали приезжать еще и еще.

— Дэвид и я очень тесно общались… до всего этого, конечно же. Я… просто очень хотела выговориться.

— Можете рассказать нам, о чем идет речь?

— Это не важно… У меня свои собственные переживания.

— И вы хотели, чтобы он выслушал и посочувствовал?

— Да, пожалуй, — смягчился голос Рейчел.

— А под переживаниями, — произнесла Сара, — вы имеете в виду свой недавний развод?

— Или скандал, — добавил Макс, — уничтоживший вашу карьеру?

Рейчел с добрую минуту не шевелилась.

Тогда Макс наклонился ближе, решив больше не хитрить:

— Все уже летит в тартарары, мисс Андерсон. Вы это понимаете?

Но Рейчел не заглотила наживку.

— Только представьте, сколько всего раскопала Сара за какие-то часы. Мы поймаем его, в этом нет сомнений. Если ему повезет — возьмем живьем, но, вообще-то, Дэвид Берроуз — осужденный детоубийца, еще и с оружием, украденным у надзирателя. Так что… — Макс пожал плечами, как бы говоря, что он не сможет этому помешать. — Как только его поймают, а здесь счет идет на часы, мы с Сарой приложим все усилия, чтобы против вас завели уголовное дело за пособничество и соучастие.

— Сидеть будешь долго, — пообещала Сара.

— И это не пустые угрозы.

— Не-а, не пустые угрозы, — поддакнула Сара, чуть ли не пронзая Рейчел взглядом. — Не могу

дождаться, когда увижу тебя за решеткой.

— Разве что, Сара…

— Что, Макс?

— Разве что мисс Андерсон согласится сотрудничать с нами, причем немедленно.

— Зачем она нам, Макс? — нахмурилась Сара.

— Может, и незачем, но вдруг она не подозревала, во что ввязывается. Не осознавала, что нарушает закон.

— Да все она осознавала, Макс.

— Но как же, Сара, ведь был уговор: Рейчел рассказывает нам все, что знает, а мы ей — иммунитет.

— Уже неактуально, Макс. Теперь пускай сидит за то, что самая умная.

— Ты права, Сара.

Рейчел не издала ни звука.

— Последний шанс, — произнес Макс. — Ваш тариф «Бесплатная сделка со следствием» истекает через три минуты.

— А потом мы ее арестуем, Макс?

— А потом мы ее арестуем, Сара.

— Так что скажете, Рейчел? — Сара положила сцепленные руки на стол.

— Я передумала, — ответила Рейчел. — Мне нужен мой адвокат.

Глава 17

— Что ж, Сара, пора составить правдоподобную версию, — сказал Макс, направляясь вместе с ней в аэропорт Ньюарка, чтобы вылететь обратно в штат Мэн.

Адвокатом Рейчел Андерсон оказалась широко известная Эстер Кримстайн — та быстро внесла залог и забрала свою клиентку.

— Хватит грызть ногти, Макс.

— Не надо, Сара, ладно?

— Смотреть противно.

— Когда грызу — легче думать.

Сара только вздохнула.

— Так как, есть у тебя рабочая версия?

— Итак, Филипп и Адам Маккензи помогают Берроузу сбежать, — начала Сара.

— Мы точно уверены, что Маккензи приложили к этому руку?

— Думаю, да.

— Согласен. Продолжай.

— Берроуз линяет из машины надзирателя на подземной парковке торгового центра. Оттуда он звонит Рейчел Андерсон, которая ждет его сигнала в станционной закусочной «Несбитт». Рейчел

едет к торговому центру… Ты слушаешь, Макс?

— Ага, давай дальше.

— Встречается с Берроузом, тот садится в ее машину.

— А потом?

— Они едут на север, о чем мы знаем благодаря ее последнему телефонному звонку.

— Вот это и странно.

— Что странного?

— Зачем она выключила телефон в дороге? Почему не раньше?

— Если бы она выключила его в торговом центре, мы бы узнали, что она там побывала.

— Да… — нахмурился Макс. — Пожалуй, так и есть.

— У тебя есть «но»?

— Дальше, — отмахнулся он.

— Они доезжают до универмага…

— Универмага «Катадин», — уточнил Макс. — В Миллинокете.

— Да, и там он покупает походное снаряжение. Я проверила загруженность трафика и время выезда; полагаю, она могла везти его дальше на север еще с полчаса. Как бы там ни было, Рейчел высаживает Берроуза в лесном массиве. Это громадная территория, мы с вертолетами и

собаками будем вечность его искать.

— Ну а потом?

— Это все, — пожала плечами Сара.

— Что он дальше-то будет делать?

— Точно не знаю, Макс. Может, он планирует скрываться по национальным паркам, пока мы не отвяжемся, а может, хочет бежать в Канаду.

Макс усердно мучил ноготь.

— Ты в это не веришь, — сказала Сара.

— Не верю.

— Тогда скажи почему.

— Любой природный массив — это слишком рискованно. Берроуз вырос в городе. Ну какие у него могут быть навыки выживания?

— Возможно, и впрямь никаких. Но вдруг он не отдает себе в этом отчета? Либо полагает, что у него нет выбора.

— Не сходится, Сара.

— Да что не сходится, Макс?

— Так, давай сначала: весь этот побег был спланирован заранее?

— Наверняка.

— Если так, то до чего же идиотский план!

— Ну не знаю… Я считаю, план весьма оригинальный.

— Это еще почему?

— Потому что проще ничего не придумаешь. Берроуз просто хватает пистолет и уходит с Маккензи. Никаких тебе выкопанных тоннелей, угнанных грузовиков или пряток в мусорных баках, всей этой фигни. И если бы охранник… Как там его?

— Уэстон. Тед Уэстон.

— Точно. Так вот, если бы Уэстон не выглянул в окно, то и не увидел бы, как Берроуз с надзирателем садятся в машину. Вуаля, свобода. Берроуза еще много часов не хватились бы.

Макс задумался над ее словами.

— Попробуем развить эту версию, ладно, Сара?

— Давай, Макс.

— Итак, согласно твоей теории, когда все пошло не по плану — то есть когда Уэстон забил тревогу, — они были вынуждены импровизировать.

— Да.

— Это объясняет звонок Берроуза Рейчел, пока та была в закусочной, — сообщил Макс, обдумав ее слова. — Будь она в курсе, ему не было бы нужды звонить, ведь она бы подъехала на место заранее.

— Любопытно. То есть теперь мы верим, что Рейчел Андерсон изначально не была частью плана?

— Не знаю.

— Это явно не совпадение. Она пришла к Берроузу — и в тот же самый день он сбежал.

— Да, это не совпадение, — согласился Макс, обкусывая свежий заусенец. — Вот только…

— Что, Макс?

— Мы по-прежнему чего-то не знаем. Чего-то важного.

Глава 18

Стоя в Нью-Йорке на Двенадцатой улице, я ем самый вкусный кусок пиццы с пепперони из тех, что когда-либо готовили в «Заззис».

Я свободен.

До сих пор не верится. Вам знакомо чувство, когда вы спите и все вокруг становится такое странное (а в моем случае — попросту безумное), и вдруг, прямо посреди сна, вы понимаете, что еще чуть-чуть — и проснетесь, но ведь так не хочется! Так что вы пытаетесь снова уснуть, стараясь вспомнить исчезнувшие образы из сна. Вот такие же ощущения у меня в последние несколько часов: я будто готовлюсь открыть глаза и увидеть потолок Бриггса, а не эту провонявшую мочой (тут я благодарен своему носу, ведь во сне я бы точно не чувствовал запахов) городскую улочку.

Дом Гарриет Винчестер, он же дом Хильды Уинслоу, — прямо напротив.

То, что я сбежал не далее как сегодня, сбивает с толку. С нападения охранника в Бриггсе не прошло и суток. Позже, когда казалось, что в драке обвинят меня, на помощь пришли Филипп

и Адам. Сумасшедший день, и ведь он до сих пор продолжается, одни события сменяются другими. Попытаюсь не думать о них, вместо этого лучше сосредоточиться на новом деле.

Ведь Хильда Уинслоу все-таки солгала на суде, помогая меня посадить. И когда я узнаю почему, это станет первым шагом к спасению сына. Моего сына. Каждый раз, думая о нем как о живом, я едва сдерживаю слезы и лишний раз напоминаю себе о том, что стоит на кону. Мой сын был мертв, может быть даже от моей руки, — пока не приехала Рейчел. И теперь я жил мыслью противоположной: Мэттью жив, а меня подставили. Зачем и как — понятия не имею, тут легче выяснять все по мере поступления.

Начнем с Хильды Уинслоу.

Выскочив из машины Филиппа в том торговом центре, я позвонил Рейчел и попросил забрать меня. Та сидела в закусочной, поэтому я объяснил, куда и когда приехать. Сам же тем временем направился на парковку для сотрудников центра. В магазинах только что началась смена, поэтому у меня было время. Рейчел из Нью-Джерси, и, значит, копы штата Мэн будут сосредоточены на машинах с номерами Нью-Джерси; поэтому я выбрал чужую старенькую «хонду-цивик» и снял

с нее номера, выкрутив ослабленные винтики. Интересно, хозяин заметит сразу? Наверное, нет. Большинство людей ведь даже не проверяют, на месте ли номера, прежде чем сесть за руль. А если и мистер или миссис Старенькая Хонда и заметит, то только через несколько часов, окончив смену. Это давало нам необходимую фору.

Рейчел, умница, сделала все, как я просил, — сняла все со своих кредиток в банкоматах. Карт у нее было три: две с лимитом в восемьсот долларов и одна на шестьсот долларов. Вместе с деньгами Маккензи эти наличные составляли приличную сумму, достаточную, чтобы продержаться какое-то время. Рано или поздно полиция все равно выяснит, где Филипп на самом деле меня высадил, а придуманная им история, какой бы ни была, продержится день-два, не больше.

И вот Рейчел вырулила на дальнюю часть парковки, где я прятался и ждал ее; я запрыгнул в ее машину и сказал, чтобы она ехала куда глаза глядят. Через две мили нам встретился закрытый ресторанчик, и я попросил Рейчел остановиться позади него. Там я быстро сменил номерные знаки, и теперь на ее белой «тойоте-камри» — а эта модель встречается на каждом шагу — красовались номера штата Мэн.

Рейчел спросила: «Что теперь?» Я знал, что разыскивать меня начнут сразу, бросят все силы, но еще я знал, что копы не такие уж и вездесущие. Когда цель ясна, план находится сам; однако до сих пор я мечтал лишь о том, как найду сына. Найду — и все, без деталей. Что же на практике? Я должен исследовать все зацепки, точнее, ту единственную и самую важную, которая есть. Хильда Уинслоу не только солгала под присягой, но и сменила имя, переехав в Нью-Йорк. Так что план вскоре оформился: нужно добраться до нее как можно быстрее и выяснить, почему она все это сделала.

Определившись с пунктом назначения, я стал думать, как запутать следы, замутить воду. Полиция скоро узнает, что Рейчел приходила в тюрьму, и тут же сядет отслеживать ее телефон. То же самое с телефонами Филиппа и Адама, которые были при мне. Я бы давно их выключил, но…

— Твой телефон работает? — спросил я.

— Да… Вот черт, они же могут его отследить, верно? Мне его выключить?

— Погоди пока.

— Но почему?

Выключенный телефон оператору сотовой свя-

зи отследить не удастся, но он может сообщить полиции последнее место, где телефон работал. Так, я попросил Рейчел ехать дорогой, которая вела от пункта моего назначения. Забравшись достаточно далеко на север (пускай полиция думает, что мы рвем когти к канадской границе, а не в Нью-Йорк), Рейчел по моей просьбе выключила свой телефон. Чуть ближе к границе — и было бы уже подозрительно, заключил я. Тут главное не переусердствовать. Теперь все выглядело так, словно мы пустились в бега и лишь через десять-пятнадцать минут езды сообразили, что нужно вырубить телефон.

— А теперь что? — снова спросила Рейчел.

Я уже хотел, чтобы она развернулась и ехала обратно в Нью-Йорк. Но было ли достаточно всего одного звонка, чтобы запутать копов?

— Едем дальше на север, — решил я.

Минут через двадцать мы уже были в «Катадине», приценялись к походному снаряжению. На всякий случая я проверил, чтобы поблизости не было камер слежения, хотя они бы не помешали. Копы и так скоро узнают, что я здесь. Пока Рейчел заправляла авто, я поспешно и стараясь никому не мозолить глаза (во всяком случае, так я надеялся) закупился походным снаряжением;

люди вроде бы пользуются таким, когда устраивают длительный кемпинг. Все покупки я оплатил с «Мастеркард», которую «забыл» заблокировать Адам. Полиция наверняка узнает о карте, хоть и не сразу. Если же и не узнает, то, когда выпустят ориентировку, пожилой продавец непременно вспомнит мое лицо. Вот и пускай.

Покончив с делами в гипермаркете, мы с Рейчел проехали еще полмили к северу (вдруг копы начнут выяснять, куда уехала машина), затем развернулись и двинулись на юг. На окраине Бостона, позади какого-то офисного здания, я нашел контейнер для пожертвований в пользу Армии спасения и оставил в нем все купленное снаряжение. Согласно расписанию на контейнере, пожертвования начнут вывозить лишь через четыре дня — отлично же! Вдруг служители Армии что-то да заподозрят, вызовут полицию — спустя столько времени это будет уже бессмысленно, даже если бы камеры наблюдения засняли нас у контейнера. Я действительно рассчитывал, что копы поверят, будто я прячусь по лесам.

Нас ждал долгий путь на юг. В аптеке неподалеку от Милфорда, штат Коннектикут, Рейчел купила мне, ожидавшему ее в машине, одноразовый телефон, машинку для стрижки, бритвенные

принадлежности и самые дешевые солнцезащитные очки. Случайно она выбрала светящиеся очки — и попала в точку. На следующей же стоянке для грузовиков я отправился в туалет, надвинув на глаза бейсболку. В тюрьме я брился, может быть, раз в неделю, когда уже не мог выносить зуда, так что на лице у меня было что-то среднее между щетиной и полноценной бородой. Теперь же я оставил только усы, а заодно побрился налысо и надел очки. Маскировка впечатлила даже саму Рейчел. «Я уже хотела кричать, чтобы ты отошел от моей машины», — призналась она.

Недалеко от моста Джорджа Вашингтона я попросил Рейчел заехать в Бронкс, на Джером-авеню. Мы припарковались, вернули на ее авто номерные знаки Нью-Джерси и выбросили номера штата Мэн в мусорный бак. Меня наверняка искали все полицейские округа, а значит, машину Рейчел со старыми номерами остановили бы уже на мосту Джорджа Вашингтона, о чем я ее и предупредил. Мы не раз репетировали, как ей себя вести, если полиция остановит ее либо нагрянет к ней домой.

— Из-за меня ты по уши в дерьме, — сказал я Рейчел.

Но она ответила:

— Не волнуйся обо мне. Он мой племянник, помнишь?

— Ты была замечательной тетей.

— Лучшей в мире, — сказала Рейчел с намеком на улыбку.

— Но если все кончится плохо, если тебя арестуют…

— У нас все получится.

— Знаю, — кивнул я. — И все же, если тебя прижмут, скажи, что я держал тебя на мушке.

— Иди уже.

Рядом располагалась станция маршрута номер четыре под названием «Маунт-Эден-авеню». Через тридцать пять минут, следуя на юг, я добрался до четырнадцатого дома по Юнион-сквер на Манхэттене, набрел на магазин «Нордстром Рэк» и приобрел самые дешевые блейзер, классическую рубашку и галстук. Возможно, все это не очень сочеталось с бритой головой, усами и очками, однако даже полиция Нью-Йорка вряд ли стала бы искать мужчину в спортивном костюме и при галстуке.

От магазина до дома Хильды Уинслоу на Двенадцатой улице было десять минут ходьбы; по пути я взял себе пиццу с пепперони и пепси. Первый же кусок пиццы вызвал головокружение. Знаю,

это лирическое отступление, просто я никогда не испытывал столь чудесного и в то же время столь обыденного чувства, как только что, вкусив свой первый после побега кусок нью-йоркской пиццы. В мою жизнь словно вернулись краски, и воссияли погасшие воспоминания: вот мы с Адамом сидим возле «У Сэла» на Ревир-Бич, с нами Эдди, Ти-Джей и вся компания, и знаете, как же вдруг стало хорошо…

А теперь нужно немного подождать.

Разумеется, я много думаю о Рейчел — ее наверняка уже задержали. Интересно, успела ли она добраться до дома или полицейские накрыли ее по пути? Насколько у нее все плохо? А Филипп и Адам, что ждет их? Черт, да я думаю даже о Шерил — моей бывшей жене и матери Мэттью. Что она скажет, узнав, что я сбежал? Что скажет тетя Софи? О чем подумает мой отец, если вообще поймет, что происходит?

Впрочем, не важно. Все это сейчас совсем не важно.

Я шагаю через улицу. Знает ли Хильда Уинслоу, она же Гарриет Винчестер, что я сбежал? Не имею понятия. Она живет в здании без швейцара, а значит, придется самому звонить в домофон. Имя «Винчестер Г.» указано напротив квартиры

4В. Я нажимаю кнопку, слышу мелодию, слышу гудки: один, другой, третий… На четвертом гудке из динамика слышится голос, который я с самого суда так и не забыл.

— Да?

Добрую секунду я беру себя в руки.

— Доставка, — произношу, довольно нелепо имитируя восточноевропейский акцент.

— Оставьте пакет в фойе, пожалуйста.

— Вы должны расписаться…

Я последние несколько часов только и делал, что планировал всякое, — и вот теперь, подобравшись так близко, взял да все испортил! Потому что одет я не как курьер и нет при мне никакого пакета.

— А вообще-то, — выдумываю я на лету, — можно и в фойе его оставить, если дадите устное согласие. Дадите?

Пауза длится так долго, что мне кажется, будто меня раскрыли, но тут Хильда Уинслоу медленно произносит:

— Я согласна самостоятельно забрать пакет из фойе.

— Хорошо, я положу его в углу.

Я вешаю трубку домофона, собираясь отойти в сторону и все тщательно обдумать, но вдруг

замечаю на лестнице за входной дверью мужчину, что как раз спускается вниз. Вдруг Хильда послала за посылкой кого-то из соседей? Да нет, прошла-то всего пара секунд. Мужчина толкает дверь; в ту же секунду я снова подношу трубку к уху и говорю: «Да, хорошо, сейчас я занесу его в квартиру». Тут уже можно особо не хитрить. Мужчину мое поведение нисколько не настораживает, он выходит на улицу и идет восвояси; я же останавливаю закрывающуюся дверь ногой и проскальзываю в фойе. Дверь хлопает за моей спиной.

Я поднимаюсь по лестнице к квартире 4В.

* * *

Телефон Сары завибрировал. Та прочла входящее сообщение и сказала:

— А ведь ты угадал, Макс.

— Насчет чего?

— Насчет номеров.

Максу давно уже казалось странным, что за долгие часы никто не приметил машину Рейчел Андерсон по дороге из Мэна обратно в Нью-Джерси. До этого выдвигалась версия, что Рейчел сторонилась главных и платных дорог, однако беглый анализ карты показал, что в этом случае

она не успела бы проехать столь большое расстояние.

— Один парень, работник «Л. Л. Бин» по имени Джордж Белби, в конце рабочей смены не нашел на своей машине номеров.

— Предположу, что этот Джордж Белби живет в штате Мэн.

— В десятку.

— Итак, кто-то из них, Берроуз или Рейчел, поменял номера. Сняли выданные в Нью-Джерси, вместо них воткнули мэнские.

— Однако портовая служба как-то вышла на ее машину, пока та пересекала мост…

— Значит, Рейчел поменяла их обратно, — закончил за нее Макс. — Итак, вопрос в том, когда она это сделала? И зачем?

— Мы знаем зачем, не так ли, Макс?

— Думаю, да.

Вновь ожил телефон Сары.

— Ого! — выдала она, взглянув на экран.

— Что там?

— Мы получили запись всех последних звонков Рейчел Андерсон.

— И?

— На днях она попросила бывшего коллегу из «Глобуса» об услуге — сразу, как посетила Берро-

уза в Бриггсе.

— Что за услуга ей требовалась?

— Достать дело об убийстве Мэттью Берроуза.

Макс это обдумал.

— А у ее коллеги разве есть такие связи?

— К счастью, нет. Но Рейчел запросила очень конкретную информацию.

— И какую же?

— Номер страховки Хильды Уинслоу. Это та, что свидетельствовала по делу Берроуза.

— Знакомое имя…

— Уинслоу клялась, что видела, как Берроуз закапывал бейсбольную биту.

— Точно. Такая старушка, если мне память не изменяет.

— Верно, Макс, но есть в этом кое-что странное. Судя по всему, вскоре после суда Хильда Уинслоу сменила имя и стала Гарриет Винчестер.

Они переглянулись.

— Зачем бы ей это делать? — задумался Макс.

— Понятия не имею. Однако вот в чем фишка: Хильда, она же Гарриет, тоже переехала в Нью-Йорк. — Сара сверилась со своим телефоном. — Если точнее, в дом номер тридцать пять по Западной двенадцатой.

Макс перестал жевать и упер руку в бок:

— Итак, Рейчел Андерсон навещает в тюрьме Дэвида Берроуза. После этого она бросается искать ключевого свидетеля по делу — свидетельницу, которая, по словам Берроуза, солгала под присягой, — и узнает, что та сменила имя и переехала. — Он вскинул глаза. — Так куда же, по-твоему, сейчас едет Берроуз?

— Расспросить ее?

— Или хуже того. Сара? — позвал Макс, направляясь к выходу из аэропорта.

— Что?

— Нам нужен транспорт до Нью-Йорка. А еще позвони в штаб-квартиру на Манхэттене. Я хочу, чтобы все окрестные копы съехались к дому Хильды Уинслоу.

Глава 19

Итак, я у двери в квартиру Хильды Уинслоу.

И что теперь?

Можно, конечно, постучать, только я уже всполошил ее своим звонком, стук все только усугубит. Она наверняка спросит, кто там, глянет в глазок. Узнает ли она меня в лицо? Вероятно, нет, если только не слышала новости о моем побеге. В конце концов, она может просто не открыть дверь.

Так что вариант номер один — «постучать» — так себе вариант.

Уличный торговец на Шестой авеню продал мне бейсболку «Янкис», так что Хильда не узнает, что я сбрил волосы, и не сможет меня правильно описать. После встречи с ней я избавлюсь от головного убора.

Вариант номер два: просто выбить дверь или, не знаю, прострелить замок. Ой, да ну, разве Хильда не начнет вопить: «Убивают!», разве ее соседи не сообщат о выстрелах в полицию? Дурацкий вариант, одним словом.

Ну и вариант номер три… которого у меня нет. Пока. Но нельзя же так и торчать в коридоре,

дожидаясь, пока кто-то меня заметит и спросит, в чем дело. А я не очень-то продумал все детали. Я столько часов промаялся в машине Рейчел — причем сегодня! — и даже не подумал составить четкий план. Ну что ж, сам виноват.

Слева от меня — дверь, ведущая к пожарной лестнице; так, может, спрячусь там и подожду, пока Хильда-Гарриет не откроет дверь? Хотя часто поздний, а ей за восемьдесят, она может и не выходить из квартиры по вечерам.

Обдумывая следующий вариант, я вдруг вижу, как поворачивается ручка двери в квартиру 4B.

Кто-то сейчас выйдет.

К черту план, дальше действует чистый инстинкт. Понятия не имею, зачем Хильда Уинслоу решила выбраться из своей норы (наверное, собиралась проверить и забрать пакет, оставленный в фойе), но это не важно. Я действую решительно. Как только створка приоткрывается, я тараню ее плечом — и та распахивается настежь.

На мгновение меня охватывает испуг, что я мог сбить старуху тяжелой дверью, прорываясь в квартиру. Однако Хильда Уинслоу все еще на ногах, она таращится на меня, отступает на шаг и явно собирается кричать. Я поступаю примитивнее всего, без колебаний сгребая ее и неуклюже,

но крепко зажимая ей рот. Дверь захлопывается от моего пинка. По-прежнему не давая Хильде позвать на помощь, я заставляю ее прижаться затылком к моей груди и шепчу:

— Я не хочу вам навредить.

Боже, я и правда это сказал? Если и да, вряд ли эти слова ее успокоят. Хильда извивается, хватает меня за руку, — она сопротивляется. Но я держу крепко. Как бы я ни желал обойтись с ней по-доброму, затеять трезвый, вежливый разговор, не думаю, что это как-то поможет мне или Мэттью.

— Я просто хочу поговорить, ладно? — Свободной рукой я вытаскиваю пистолет и демонстрирую ей. — Как только я узнаю правду, то уйду. Кивните, если поняли.

Ей удается кивнуть, несмотря на то что ее затылок все еще прижат к моей груди.

— Сейчас я уберу руку. А вы, прошу, не заставляйте причинять вам боль.

Я говорю как в каком-то старом кино, потому что не знаю, что еще тут можно сказать или как сгладить ситуацию. Я отпускаю Хильду. Черт, надеюсь, она не закричит, в противном случае… Ну не стрелять же мне в нее? Точно так же я не собираюсь бить ее пистолетной рукоятью по голове или мучить. Или собираюсь? Все-таки Хильда

Уинслоу оболгала меня, нарушила присягу, из-за чего меня обвинили в убийстве собственного сына. Зная это, как далеко я могу зайти? Хоть бы она не заставила меня проверять это.

— Чего ты хочешь? — Хильда Уинслоу оборачивается на меня.

— Вы ведь знаете, кто я?

— Ты — Дэвид.

Ее голос звучит на удивление ровно и уверенно. Она смотрит не отводя взгляда, не нагличая, но и не показывая страха или дрожи.

— Зачем ты здесь?

— Вы солгали.

— Что ты имеешь в виду?

— Ваши показания тогда, на суде… Все было ложью.

— Вовсе нет.

Ну все, теперь у меня и впрямь нет выбора; я поднимаю пистолет и утыкаю дуло в лоб старухи.

— Выслушайте меня, — говорю я, надеясь, что голос не подведет. — Мне терять нечего, вы же понимаете? И если вы снова соврете, если я сию минуту не услышу правду, тогда вам не жить. Я не хочу вас убивать, правда не хочу. Однако сейчас либо мой сын, либо вы.

Старуха принимается быстро-быстро моргать.

— Да, вот именно. Мой сын до сих пор жив. Знаю, вы мне не верите, но мне некогда вас переубеждать. Сам я верю, что он жив, и этого хватит. Хватит для хладнокровного убийства ради того, чтобы найти его. Я понятно выражаюсь?

— Не знаю, чего ты от меня хочешь…

Тут я бью ее по лицу дулом пистолета. Не наотмашь, переступая через себя, и клянусь, я ударил ее в первый и последний раз, — но его достаточно, чтобы убедить ее в серьезности моих намерений, а заодно дать мне почувствовать себя конченой гнидой.

— Вы сменили имя, сменили город! А сделали вы это потому, что солгали под присягой и хотели скрыться. Я не собираюсь как-то мстить или отыгрываться, но вы явно врали не без причины, и эта причина, какой бы она ни была, может помочь мне найти сына. Поэтому либо я узнаю, в чем она была, либо вы умрете.

Мы глядим друг на друга. Затем Хильда-Гарриет произносит:

— Ты не в себе, Дэвид.

— Не отрицаю.

— Ты же не думаешь, что твой сын и в самом деле жив?

— О, я в этом уверен.

Хильда невольно подносит руку к губам, качает головой, закрывает глаза… Я не опускаю пистолет. Она снова смотрит на меня — изменившимися глазами: из них исчезли вызов и упрямство.

— Даже не верится, что ты в конце концов пришел, Дэвид.

Я молчу.

— Ты записываешь наш разговор? — спрашивает она.

— Нет. — Я быстро достаю телефон, показываю ей и для большей убедительности швыряю на стол. — Это останется между нами.

— Учти, если меня спросят, я буду все отрицать.

— Понял… — Кажется, мой пульс ускорился.

— И на случай, если запись все-таки идет: я просто расскажу байку сбрендившему убийце, который угрожает мне оружием.

Я подбадриваю ее кивком. Встретившись со мной взглядом, Хильда Уинслоу вдруг говорит:

— Как давно я представляла себе этот момент… И вот ты передо мной, а я готова сознаться. — Она глубоко вздыхает, пока я старательно сдерживаюсь, боясь даже малейшим движением разру-

шить ее уверенность. — Сразу скажу: в мыслях я оправдывалась, что мои показания не важны, что тебя посадили бы и без них. О, как я старалась успокоить совесть! В то же время я искренне верила, что ты убийца, — выходит, хоть я солгала, а все-таки помогла задержать преступника. И вдобавок, Дэвид, хочешь знать правду?

Я хочу.

— Я до сих пор верю, что это был ты. Все улики были против тебя. Эта мысль помогает мне засыпать по ночам. Во мне живет знание, живет незыблемая уверенность, что ты убил сына. Однако совесть по-прежнему мучает. Тебе известно, что я преподавала философию в Бостонском университете?

Еще бы неизвестно. Мои адвокаты перерыли всю ее биографию в поисках фактов, которые могли бы сыграть против Уинслоу на перекрестном допросе. Я знаю и то, что в шестьдесят она потеряла мужа, что у нее трое женатых детей и четверо внуков.

— Все мы пытаемся оправдать наши поступки тем, что цель оправдывает средства… Именно это я и делала, желая обелить себя в собственных глазах; но мое лжесвидетельство все равно попрало законность суда и, что еще хуже, изменило мое

отношение к себе.

Нас прерывает звонок ее телефона. Хильда смотрит на меня, и я разрешаю ей проверить вызов.

— Номер не определился… — говорит она.

— Не отвечайте.

— Хорошо, не буду.

— На чем вы остановились?

— Ах… Все из-за моей невестки Эллен. Она работает врачом в больнице Ревира, защитила докторскую.

Я помню это из материалов дела.

— Эллен замужем за Марти, вашим сыном.

— Верно.

— И при чем же тут она?

— У нее возникли проблемы — возможно, так и не решенные — с азартными играми. Запущенный случай. Я не сразу узнала: Эллен — уважаемая акушер-гинеколог, она помогла появиться на свет внукам всех моих друзей. Марти же… Должно быть, он перепробовал все. Таскал ее по клубам анонимных игроков, запирал дома, пробовал терапию, контролировал доступ к деньгам; но ты же знаешь, как это бывает с зависимыми людьми! Они всегда находят лазейки, вот и Эллен находила. Она увязла по горло, так,

что и не выбраться. И вот однажды мне позвонили и сказали, что Эллен должна сотни тысяч и уже давно просрочила платеж, однако ей простят долг… если я окажу им небольшую услугу.

Хильда трет лицо и закрывает глаза. Я по-прежнему веду себя спокойно.

— Вот поэтому я и свидетельствовала против тебя. Тот звонивший пришел в мой дом, такой вежливый, с хорошими манерами и широкой улыбкой… Но в его глазах была, можно сказать, пустота. Ты ведь слышал выражение «мертвый взгляд»?

Я киваю.

— Еще у него полиоз.

— Полиоз?

— Белый чуб, — уточнила Хильда, указав себе на темя. — Сами волосы черные, а посередине — седина.

Я так и замираю.

— В общем, этот человек рассказал мне о долге Эллен. Убеждал меня помочь, совершить доброе дело. Мол, ты действительно виновен, ты бейсбольной битой размозжил голову своему ребенку, и, так как твой старик-отец — оборотень в погонах, тебя не станут сажать.

Я сглатываю, потому что знаю человека, кото-

рого она описывает. Мужчину с белым чубом.

— Он правда упомянул моего отца?

— Да, назвал его по имени, Ленни Берроузом. Он сказал: я помогу ему и его друзьям добиться справедливости, и тогда они помогут Эллен. Расхаживал по моей гостиной в дорогих мокасинах на босу ногу… Хочешь знать, каким был мой ответ?

Я киваю.

— Я сказала ему «нет». Заявила, что не собираюсь помогать и что пускай Эллен сама придумывает, как расплатиться. Да, так и сказала. А он, худенький такой, маленький, ответил: «Ладно, хорошо». Он не пытался спорить или угрожать. Зато наутро он мне перезвонил и вежливо сказал: «Миссис Уинслоу? Послушайте-ка вот это». И тогда… — Хильда зажмурилась. — Я услышала громкий треск и крик Марти… Не Эллен, а Марти! Тот коротышка отхватил моему сыну средний палец, будто это пустяк, как карандаш разломать.

Я снова киваю.

Пока мы молчим, до нас доносятся звуки большого города: гул машин, сирены, шум отъезжающего грузовика, лай собак, смех прохожих…

— Значит, — оживаю я наконец, — вы согласились им помочь?

— Они не оставили мне выбора. Ты же должен понимать.

— Я понимаю, — кривлю я душой. — Миссис Уинслоу, как звали того коротышку?

— Думаешь, он разбрасывался визитками? Разумеется, он не представился, а я и не выспрашивала.

Ну и ладно, я все равно понимаю, о ком идет речь.

— Вы разговаривали о нем с Марти либо Эллен?

— Нет. Ни разу. Я сделала то, что он потребовал, затем продала дом, сменила имя и перебралась сюда. С Марти и Эллен я не общаюсь вот уже пять лет — и представь себе, те тоже не спешат мне звонить. Никто из нас не хочет возвращаться к той истории.

В этот момент по улице разносится крик, судя по всему, молодой женщины. Поначалу, не в силах разобрать отдельные слова, Хильда и я смотрим друг на друга. Но когда я подхожу к окну, то слышу: «Атас, копы нагрянули! Гребаные свиньи! Фашисты!» К ее выкрикам тут же присоединился еще чей-то голос, затем еще один. Под окнами я замечаю четыре патрульные машины, припаркованные парами по бокам от входа в

здание, к которому уже спешат четверо полицейских в форме. Еще два полицейских авто с ревом несутся по Двенадцатой улице. Вот же дерьмо!

Сомнений нет: они по мою душу. Нужно уходить, и немедленно. Но едва я вновь оказываюсь у двери Хильды Уинслоу, сквозь дверную щель слышится какофония, топот ног, преодолевающих лестницу. Звуки нарастают, в них вплетаются голоса, треск раций… Копы совсем рядом!

Я пересекаю коридор, распахиваю дверь, ведущую к пожарной лестнице, — но и оттуда слышны голоса и переговоры по рации. Меня прижали с двух боков. Я в ловушке.

— Вернись, — говорит мне Хильда, по-прежнему стоя в дверях. — Сюда, скорее!

Что ж, выбора все равно нет, поэтому я бегу обратно, в ее квартиру. Захлопнув дверь, Хильда предлагает:

— Давай к окну в моей спальне, там пожарная лестница. Я постараюсь задержать их.

Я не успеваю ни удивиться, ни понять, что это на нее нашло. В спальне из распахнутого мною окна начинает дуть чудесный, освежающий ветерок. В темноте подо мной виднеется узкая, не больше двадцати футов, площадка между задней стенкой дома Хильды и соседним зданием

по Одиннадцатой улице. На секунду в голове мелькает мысль, а не перекрыли ли копы задний двор… Нет, скорее всего, не успели. Ну или мне хочется так думать, пока я выползаю на металлическую лестницу и закрываю за собой окно.

А дальше-то что?

Спускаясь, я снова слышу чужие голоса и рации. Они подо мной… В квартиру Хильды стучат, требуя открыть. Та кричит, что сейчас подойдет. Сейчас ночь. Освещения почти нет, что, возможно, играет мне на руку. Выходит, мне нельзя не только спускаться, но и лезть назад в квартиру. Остается только один путь: наверх. Я карабкаюсь на пятый этаж, даже не помня, сколько всего в этом здании этажей (по-моему, не больше шести). В окне пятого этажа свет не горит, жильцов явно нет дома. Я добираюсь до нужной лестничной площадки, помышляя выбить локтем оконное стекло, — но как сделать это бесшумно? И потом, рано или поздно полиция пойдет по квартирам, а значит, я не могу вечно прятаться в этом доме.

Лезем дальше. Вот бы найти открытое окошко на шестом этаже!

Но вместо шестого этажа тут только крыша. Приходится мне с болью в груди взобраться туда. Вот еще одно, безусловно правдивое, тюремное

клише: заключенные много тренируются. По возможности я занимался со свободными весами под окнами блока, однако проще было организовать персональный учебный лагерь прямо в камере, где я и подтягивался, и приседал, и прыгал из приседа, и занимался бегом в упоре лежа, но больше всего — отжимался от пола. Теперь я способен отжаться за день не менее пятисот раз: «ромбиком», «сфинксом», «суперменом», с широким хватом, с хлопками, шахматным методом, на одной руке, в стойке на руках и даже на пальцах. Не только меня веселит тот факт, что отбывающих наказание за насильственные преступления помещают в среду, где совершенствуются не морально, а как раз физически. Тем не менее прежде я не мог похвастать хорошими мускулами, а вот теперь тренировки буквально помогают мне выжить.

Надеюсь, я и правда выживу.

Черт, да как копам удалось найти меня так быстро? Если только Рейчел не… Нет, она бы не стала. Полиция могла выйти на мой след и другими методами, вдобавок из меня так себе выдумщик. Я действую по наитию, упускаю детали, и вообще вся эта ситуация отрезвляет, доказывая, что я не так умен, как мне кажется. И все-таки я добился своего. Я поговорил с Хильдой Уинслоу,

и ее слова подтвердили, что я не псих. Она действительно обманула суд, ведь я не лунатик и не закапывал никакую биту.

Она. Меня. Оболгала.

И теперь я знаю, кто вынудил ее это сделать. Появилась зацепка. Но я не смогу ею воспользоваться, если меня поймают, поэтому нужно бежать как можно скорее.

Итак, каков мой следующий шаг?

Прятаться на крыше — неплохой вариант. Похоже, сейчас Хильда на моей стороне, и надеюсь, она скажет копам, что не видела меня либо что я ушел до их появления. А я просто посижу тут, выжидая, пока все не уляжется, и тогда рискну спуститься на улицу. Однако сможет ли Хильда обмануть полицейских? А если на нее станут давить? А если она указала на пожарную лестницу не чтобы помочь, а лишь бы я покинул ее квартиру и ей больше ничего не угрожало? Вдруг она прямо сейчас дает наводку полиции?

Да и потом, неужели копы не обыщут крышу? С моей стороны глупо полагать, что они забудут про нее.

Надо мной и всем Манхэттеном простирается чистое ночное небо, Эмпайр-стейт-билдинг мигает красной подсветкой, и я — хоть и не знаю,

почему именно красной, — от души наслаждаюсь этим зрелищем. Всей панорамой. Люди говорят: мы не ценим то, что имеем, — но за что их винить? Это в природе человека — принимать привычное как должное. И я хотел того же прежде, пока все не потерял. Помните, я говорил, что меня не пугала жизнь за решеткой, потому что я считал себя виноватым в гибели Мэттью? Я говорил, что был рад — хоть это и не совсем точное слово — потерять все, включая чувства и эмоции. Однако теперь, оказавшись на воле, я дышу воздухом Нью-Йорка, и он питает меня и разносит повсюду цвета и звуки… У меня кружится голова.

Когда копы все-таки выламывают дверь на крышу, я уже наготове. Траекторию прыжка я продумывал с тех пор, как сошел с пожарной лестницы. Уж не знаю, сколько футов до соседней крыши и какова вероятность, что я разобьюсь в лепешку, однако я занимаю юго-восточный угол, разбегаюсь, изо всех сил помогая себе махами рук, — и сквозь ветер, свистящий в ушах, все-таки долетает: «Стой! Это полиция!» Я не вслушиваюсь. Вряд ли они начнут стрелять мне в спину, хотя — не исключено. Я ускоряюсь, распределяя шаги так, чтобы левой ногой оттолкнуться от се-

веро-западного угла крыши, всего в паре дюймов от ее края.

И вот я лечу.

Ногами я молочу в воздухе, точно еду на велосипеде. Руки все так же работают. Соседняя крыша утопает в темноте; перед глазами почему-то мелькают кадры из старых детских мультиков. Интересно, смогу ли я замереть ненадолго в воздухе, как Хитрый Койот, прежде чем гравитация победит? А ведь она уже побеждает, тянет меня к земле, замедляя полет. Падая, я закрываю глаза… И когда мне удается вдруг приземлиться на крышу напротив, я инстинктивно группируюсь.

— Стой!

Как тут остановишься? Кувырок — и я выпрямляюсь. Еще кувырок — и я бегу. А потом прыгаю на следующую крышу, и еще на одну, и… Мне уже совсем не страшно. Сам не знаю, куда делся этот животный ужас и откуда вместо него приходит воодушевление. Бег — прыжок, бег — прыжок; да я будто гребаный Человек-паук и могу так летать чуть ли не до рассвета!

Вскоре мне попадается совсем неприметная крыша, и она уже довольно далеко от крыши дома Уинслоу и копов. На ней-то я и останавливаюсь, напрягая слух. Похоже, копы все еще в зоне

слышимости, но меня им уже не догнать. В этой кромешной темноте легко спрятаться, а играть в Человека-паука я уже подустал.

По пожарной лестнице я то сбегаю, то ползу, пока не оказываюсь в десятке футов от земли. Стоп, поглядим, послушаем… Кругом безопасно. Я повисаю на нижней ступеньке, вцепившись в нее руками, и через мгновение разжимаю пальцы, тяжело приземляюсь на полусогнутых ногах. Хочется улыбаться во весь рот.

Хочется, пока я не слышу: «Замри!» И мое сердце действительно замирает.

Когда я оборачиваюсь, то вижу копа, наставившего на меня пистолет.

— Не двигаться! — говорит он, будто у меня есть выбор. — Руки покажи! Сейчас же!

Да он же совсем юный парень, еще и без подкрепления. Хотя оно вот-вот прибудет и наводнит весь задний двор, поскольку коп, не опуская пистолета, наклоняет лицо к пристегнутой на груди рации. Похоже, у меня нет выбора.

Не колеблясь и больше не играя, я прямо-таки кидаюсь на него. С его приказа «не двигаться!» секунды не успело пройти, так, может, своим внезапным нападением я застану его врасплох. Я сильно рискую, ведь его рука сжимает пистолет,

однако полицейский выглядит так нерешительно, чуть ли не испуганно! Мне это либо на пользу, либо нет. А даже если и нет, что мне еще остается? Пусть выстрелит, хорошо, не умру же я от этого, наверное не умру. Лучше уж попытаться, чем бездействовать. Хотя, скорее всего, раненного меня снова вернут в Бриггс — и туда же я попаду, если сдамся миром.

Нет уж, в тюрьму я точно не вернусь.

Поэтому, опустив голову, я бросаюсь на него; коп только и успевает воскликнуть: «Сто…» — как я сбиваю его с ног. Наверное, он хотел сказать «стой!», но мне больше нравится «сто»: я всегда считал появление у меня сотни баксов хорошим предзнаменованием. Современным полицейским приходится таскать на себе ремень с кобурой, плотный жилет, всю эту тяжесть, которая и тянет его вниз вместе со мной, обхватившим его за талию. Весь этот вес вбивает его в бетонированную дорожку, как сваю, — полицейский выдыхает со свистом, а его спине, похоже, кирдык.

Он пытается вдохнуть, а я не даю.

Я и сам этому не рад, я человек мирный. Этот парень просто делал свою работу, очень важную и нужную. Но тут либо он, либо Мэттью, и мне

вновь ничего не остается. Запрокинув голову, я бью его лбом прямо в переносицу — этот удар сродни падению ядра в глиняный кувшин. Что-то в его черепе с хрустом проминается, а на моем лице остается липкая, как я понимаю, кровь.

Его тело обмякает подо мной.

Я вскакиваю. Парень стонет и ворочается, что отзывается во мне и облегчением, и страхом. Я чувствую порыв ударить его снова, однако это будет уже чересчур. Я и так успею уйти от погони, если поспешу.

Поэтому я мчусь к Шестой авеню; там я стаскиваю блейзер, вытираю им кровь с лица, после чего швыряю его в кусты вместе с бейсболкой. Уже шагая по улице, я старательно восстанавливаю дыхание и говорю себе: «Иди, только не останавливайся».

Над копом уже собирается толпа. Большинство прохожих притормаживают всего на несколько секунд, а некоторые так и остаются на месте, чтобы узнать, чем все кончится. Я опускаю голову и стараюсь слиться с людским потоком. Мой пульс уже в норме. Я иду на восток, небрежно насвистываю, стараюсь казаться неприметным, хотя и сам чувствую, что перебарщиваю и потому бросаюсь в глаза, как сигарета в фитнес-клубе.

Оглянуться я решаюсь только через пару кварталов и вижу, что за мной нет погони. Копы отстали. От счастья я свищу громче и улыбаюсь во весь рот.

Я свободен!

Глава 20

Когда Рейчел, предельно изможденная, добралась-таки до двери своего дома, то обнаружила сестру, расхаживавшую по крыльцу.

— Какого черта, Рейчел?!

— Дай мне хотя бы войти.

— Это ты помогла Дэвиду сбежать?!

Рейчел не ответила, затем тихо произнесла:

— Идем внутрь.

— Рейчел…

— Дома поговорим.

И она вынула из сумочки ключи от дома, который некогда ей разрекламировали как «апартаменты с палисадником». К слову, недавно она пробовала устроиться в бесплатную городскую газету, хотя это был явно не ее уровень, но нищим выбирать не приходится. Редактор этой газеты Кэти Кобрера, она же профессор журфака и одна из любимых преподавателей Рейчел, хотела ее нанять, а вот издатель побоялся даже малейшего намека на скандал из-за прошлого соискательницы. Оно и понятно.

Толкнув дверь, Рейчел сразу прошла на кухню. Шерил не отставала ни на шаг со своим «Рей-

чел?», на что та не отвечала. Хотелось, чтобы все тело онемело и мышцы больше не ныли. Хотелось выпить, как никогда. В шкафу рядом с холодильником ее ждал бурбон «Вудфорд резерв», и она с нетерпением схватилась за бутылку.

— Хочешь глотнуть? — перед этим спросила она сестру.

— Э-э… — нахмурилась Шерил. — Ты забыла, что я, вообще-то, беременна?

— Один глоток хуже не сделает, — ответила Рейчел, доставая из шкафа стакан. — Об этом где-то писали.

— Шутишь, что ли?

— Уверена, что не будешь пить?

Шерил метнула в нее взгляд, точно кинжал:

— Ты вконец ополоумела, Рейчел?!

Та лишь подбавила льдинок в стакан и наполнила его виски.

— Ты все неправильно поняла, — начала Рейчел.

— Вчера ты говорила загадками… Ни с того ни с сего призналась, что навещаешь Дэвида… Попросила встретиться и поговорить у тебя дома, как только вернешься… А в итоге?

Рейчел отхлебнула виски.

— Выходит, вот что ты хотела мне сказать? —

продолжала Шерил. — Что собираешься помочь ему сбежать?

— Нет. Конечно же нет. Я и представить не могла, что он отважится.

— А, так, получается, твой приезд в Бриггс — это чудовищное совпадение?!

— Нет, не совпадение.

— Давай рассказывай, Рейч.

Ее сестра… Ее беременная красавица-сестра прошла через ад. Убийство Мэттью пять лет назад свалило ее с ног, и Рейчел боялась, что Шерил уже никогда не встанет. Пускай окружающие думали, что Шерил смогла оставить боль позади, раз у нее новый муж, новый ребенок, новый дом, это не совсем так. Одна Рейчел знала, что, как бы Шерил ни пыталась строить новую, счастливую жизнь, пока что у нее выходит лишь сносное существование. Ведь все может разрушиться в самый неподходящий момент. И почва под ее ногами по-прежнему была неустойчива.

— Умоляю, — сказала Шерил, — скажи, что происходит.

— Я пытаюсь…

Шерил вдруг показалась ей такой маленькой и уязвимой, когда чуть съежилась в ожидании очередного неминуемого удара. Мысленно Рей-

чел репетировала слова, которые собиралась произнести, однако все они звучали фальшиво и неправильно. Как ни рви этот пластырь — быстро или медленно, боли все равно не избежать.

— Я хочу тебе кое-что показать… — решилась наконец Рейчел.

— Показывай.

— Вот только я боюсь, что ты расстроишься.

— Ты вообще себя слышишь?

Распечатанная копия снимка из парка развлечений была у Дэвида, однако еще одна, цифровая, осталась в ее телефоне. Рейчел еще раз глотнула бурбона и зажмурилась, почувствовав, как тот ее согревает. Потом схватилась за телефон, нашла «Фотографии» и принялась листать их, пока подсевшая Шерил глядела ей через плечо.

Наконец Рейчел нашла нужную фотографию.

— Не понимаю, — покачала головой Шерил. — Кто эта женщина, что за дети?

И тогда Рейчел растянула пальцами изображение мальчика на заднем плане.

Глава 21

Фургон ФБР для наружного наблюдения, перевозивший Макса и Сару, остановился перед домом Хильды Уинслоу, где уже были припаркованы шесть машин полиции и «скорая помощь». Сара общалась с кем-то по телефону через наушник, одновременно глядя в монитор. Жестом она показала Максу, что звонок очень важный и она не может идти с ним.

Боковая дверь фургона отъехала, и послышалось:

— Спецагент Бернстайн? Подозреваемый скрылся.

— По радиосвязи уже передали.

— Полиция ведет поиск. Ребята уверены, что скоро поймают его.

А вот Макс вовсе не был в этом уверен. В большом городе с его толпами и множеством закоулков очень просто исчезнуть из виду. Всю операцию по захвату он и Сара наблюдали из высокотехнологичного фургона, куда в прямом эфире транслировалось изображение с четырех камер, пристегнутых к офицерам на крыше.

Кое-что очень беспокоило Макса.

— Где Хильда Уинслоу?

Молодой агент нахмурился и сверился с блокнотом:

— Она назвалась Гарриет…

— Винчестер, да-да, — перебил Макс. — Так где она?

Вместо ответа агент указал на машину «скорой помощи» с распахнутыми задними дверцами. Хильда Уинслоу сидела в кузове, завернутая в одеяло, точно в шаль, и потягивала через соломинку сок из пакетика. Макс подошел и представился, отметив прямой, сверкающий взгляд Хильды Уинслоу. Маленькая, иссохшая и морщинистая, она явно обладала характером броненосца.

— Вы в порядке? — спросил ее Макс.

— Просто в легком ошеломлении, — ответила Хильда. — А врачи между тем настаивают, чтобы я сидела тут под присмотром.

— Прошу, не волнуйтесь, Гарриет, — попросила фельдшер-азиатка с длинными волосами, собранными в хвост.

— Я хочу домой!

— Вы пойдете домой, как только полиция убедится, что все позади.

Мило улыбнувшись фельдшеру, Хильда Уинслоу втянула еще немного яблочного сока.

Максу чудились в ней одновременно дряхлая старуха и маленькая девочка.

— Так, говорите, вы специальный агент ФБР, — обратилась к нему Хильда.

— Да, мэм. Я отвечаю за поимку Дэвида Берроуза.

— Понятно…

Он ждал, что Хильда продолжит, но ее больше интересовал сок.

— Не могли бы вы рассказать нам, о чем вы беседовали с мистером Берроузом?

— Ни о чем важном.

— Так ли уж ни о чем?

— У нас было не так много времени, чтобы пообщаться.

— Выходит, вы не знаете, чего он хотел?

— Абсолютно не имею понятия.

— Давайте вернемся к случившемуся, миссис Уинслоу. — Макс намеренно назвал ее по старой фамилии, однако Хильда, вопреки ожиданиям, не стала его поправлять. — Что именно произошло?

— Он постучал в мою дверь, и я открыла…

— Вы спросили перед этим, кто это?

Хильда задумалась на мгновение.

— По-моему, нет, не спросила.

— Вы услышали стук в дверь и сразу же от-

крыли?

— Верно.

— И часто вы так делаете? Не спрашивая, кто пришел?

— Ну, в этот дом не попасть без звонка.

— Вы впустили Берроуза?

— Нет, не я.

— И при этом просто взяли и открыли дверь?

Хильда улыбнулась:

— Я решила, что пришел сосед. В этом здании живут исключительно славные люди.

— Понятно…

«Почему же она *лжет*?» — мысленно спрашивал себя Макс.

— Кроме того, старость порой так забывчива. Но вы правы, спецагент Бернстайн, я допустила ошибку. Впредь я буду осторожнее.

Она точно придуривалась. Равно как и Рейчел Андерсон. Ложь Рейчел была продиктована родственной заботой, а вот какой резон у Хильды Уинслоу?

— Итак, Дэвид Берроуз постучался, и вы ему открыли.

— Да.

— Вы узнали его?

— Господи, нет, конечно!

— Как он выглядел?

— Вполне обычный юноша… Я уже пыталась описывать его детективу полиции, но тщетно. Все случилось так быстро!

— Что вы сказали Дэвиду?

— Ни словечка.

— А что он вам сказал?

— Ему не хватило на это времени. Только я открыла дверь, как снизу начали шуметь. Полагаю, это прибывшая полиция уже мчалась к моей двери.

— Понял. Что же происходило дальше?

— Мне кажется, он испугался.

— Дэвид Берроуз?

— Да.

— И что же предпринял этот испуганный Дэвид Берроуз?

— Забежал ко мне в квартиру и закрыл за собой дверь.

— Вы, должно быть, так и обмерли со страху.

— О да… Еще бы… Энни? — вдруг повернулась Хильда к фельдшеру.

— Да, миссис Винчестер?

— Можно мне еще одну коробочку сока?

— Конечно. Вы хорошо себя чувствуете?

— Я немного устала. Столько вопросов…

Фельдшер Энни наградила Макса злобным взглядом, который тот предпочел не замечать. Ему предстояло как-то выровнять линию допроса.

— Итак, Берроуз у вас в квартире, дверь закрыта…

— Так оно и было.

— Но ведь вы стояли в дверях, верно? Он втолкнул вас в квартиру или вы отступили назад?

— Хм… — Хильда выдержала драматическую паузу. — Я не помню. А это важно?

— Думаю, нет. Вы кричали?

— Нет, я боялась его разозлить.

— Но что-то вы произнесли?

— Например?

— «Кто вы?», «что вы здесь делаете?», «вон из моей квартиры!» — да что угодно.

Пока Хильда размышляла, к ней вернулась с соком фельдшер Энни. Старуха улыбнулась и поблагодарила ее.

— Миссис Уинслоу?

Вот опять он назвал ее прежним именем.

— Наверное, я все-таки что-то сказала… Но все произошло так быстро. А он побежал к моему окну и распахнул его.

— Прямо к окну, — уточнил Макс. — Без еди-

ного слова.

— Без единого слова.

— Вы говорите про окно в своей спальне, верно?

— Верно.

— А ведь окно в главной комнате, то бишь в гостиной, гораздо ближе к входной двери, разве не так?

— Не знаю, я как-то не пробовала замерять расстояние… Пожалуй, оно ближе.

— Вот только окно гостиной не ведет к пожарной лестнице, правда?

— Это правда.

— К ней ведет только то, что в спальне. — И Макс наклонил голову вправо. — Как вы думаете, откуда Берроуз мог это знать?

— Теряюсь в догадках.

— Ведь вы ему об этом не сообщили?

— Разумеется, не сообщила! Он мог заранее получить план всего здания.

— Вам известно, что Дэвид Берроуз сбежал из тюрьмы не далее как сегодня утром?

— Да, мне рассказал один из этих славных полицейских.

— До этого вы были не в курсе?

— Нет, да и откуда бы мне такое знать?

— Я звонил вам буквально тридцать минут назад и оставил голосовое сообщение.

— О, в самом деле? Я никогда не беру трубку. Вечно звонят какие-нибудь аферисты, которым только дай обмануть старую женщину. Им приходится иметь дело с голосовой почтой, а я, по правде сказать, даже не понимаю, как она работает-то.

Макс вперился в Хильду, не веря ни единому ее слову.

— Как вы думаете, почему Берроуз пошел именно к вам?

— Простите, что?

— Он первым делом вспомнил о вас. Вот он сбегает из тюрьмы. Вот едет в Нью-Йорк. И тут же едет по этому адресу. По-вашему, зачем?

— Я не знаю… — И вдруг она вытаращила глаза: — Боже мой!

— Миссис Уинслоу?

— Вы считаете… вы считаете, он собирался мне навредить? Вы на это намекаете? — прикрыла она рот рукой.

— Нет, — ответил Макс.

— Но вы ведь только что сказали…

— Если бы он так хотел причинить вам боль, думаю, войдя, он бы вас толкнул или ударил, не

так ли? Или сделал что-нибудь еще… — Тут Макс кое-что заметил: — А что за след у вас на щеке?

— Ничего особенного, — слишком быстро ответила она.

— Еще у Дэвида Берроуза при себе пистолет. Вы видели этот пистолет?

— Пистолет? Боже… Нет, не видела.

— Представьте на секунду, что вы — Дэвид Берроуз, вы провели пять лет в тюрьме и вот наконец-то сбежали. Вы едете прямиком к свидетелю, который, как вы утверждаете, вас оболгал…

— Спецагент Бернстайн…

— Да?

— Довольно меня мучить, — сладко пропела она. — Я уже рассказала все, что знаю.

— Но мне нужно задать вам еще несколько вопросов о том, что вы рассказали.

— Нет.

— Как это — нет?

— Я не хочу проходить через все это снова и… Энни? — вновь обернулась она.

— Да, миссис Винчестер? — откликнулась та.

— Мне что-то нехорошо.

— Я же говорила, Гарриет: вам нужно отдыхать!

Макс уже собирался возразить, как услышал

зов Сары. Он увидел ее в боковом проеме фургона, настойчиво подзывающую его рукой. Не став прощаться, он поспешил к ней.

— Ну что? — сказала Сара, оценив выражение его лица.

— Она врет.

— И о чем она врет?

— Вообще обо всем. Ладно, что такого важного ты раздобыла? — спросил он, подтягивая штаны.

— Видеозапись приезда Рейчел Андерсон в тюрьму к Берроузу. Ты точно захочешь это увидеть.

* * *

Шерил молча смотрела на фотографию.

— Ее сняли в парке развлечений… — сказала Рейчел.

— Сама вижу, — отрезала сестра. — И что?

Рейчел не стала тратить время на рассказ про Ирэн и ее семью. Вместо этого она увеличила изображение мальчика на заднем плане, но не слишком сильно, чтобы не сделать его лицо размытым. Потом передала телефон Шерил, и та очень долго на него смотрела.

— Шерил?

По-прежнему не сводя глаз с фотографии, Ше-

рил прошептала:

— Ты что, вздумала меня разыгрывать?

Рейчел не ответила.

По лицу Шерил текли слезы.

— Ты показала это Дэвиду.

— Да, — ответила Рейчел, не уверенная, вопрос ли это.

— Ты за этим поехала в Бриггс.

— Да.

— Где ты это взяла? — Шерил продолжала разглядывать фото, качая головой.

Осторожно взяв у нее телефон, Рейчел вернула исходный размер фотографии.

— Мне дала ее подруга. Она ездила с семьей в парк под названием «Шесть флагов». Снимок сделал ее муж. Она показывала мне фотографии, вот и…

— Вот и что? — прозвучал ледяной голос Шерил. — Ты увидела мальчика, чем-то похожего на моего мертвого сына, и решила испортить всем жизнь?

«Не твою жизнь», — подумала Рейчел, однако решила не повторять мысль вслух.

— Ну, Рейчел?

— Я не знала, что делать.

— И поэтому показала снимок Дэвиду?

— Да.

— Зачем ты это сделала?

Рейчел не хотела подробно описывать то, как она хотела уберечь сестру, поэтому промолчала.

— Что он сказал? — настаивала Шерил.

— Это его потрясло.

— Что он сказал, Рейчел?!

— Он думает, что это Мэттью.

— Конечно же он так думает! — с покрасневшим лицом выпалила Шерил. — Брось утопающему наковальню, он и ее примет за спасательный круг!

— Но если бы Дэвид правда убил Мэттью, — возразила Рейчел, — разве он бы не отличил круг от наковальни?

Шерил только продолжала качать головой.

— Шерил, все это с самого начала звучало как бред. Дэвид — и убил Мэттью? Да брось, ты же должна понимать. Да даже в беспамятстве или в чем-то подобном он бы его не тронул. А вся эта возня с «закопанным оружием»? Зачем Дэвиду так поступать? Он ведь не идиот какой-то. А та свидетельница, Хильда Уинслоу, после суда сменила имя и переехала! Вот как ты думаешь, почему?

— Боже мой… — уставилась Шерил на сестру. —

Ты серьезно веришь в то, что мелешь?

— Я и сама не знаю, я просто рассуждаю.

— Ах, ты не знаешь? А может, ты просто отчаялась, Рейчел?

— Что?

— Тебе нужен повод для статьи.

— Ты пошутила?

— Заодно и вину искупишь. Второй шанс, все такое. Я к тому, что если мой сын жив, то это же просто грандиозный сюжет, не так ли? Все соцсети будут твои, все первые полосы…

— Ты не можешь вот так…

— Ну а если это не Мэттью, а просто ребенок, имеющий с ним мимолетное сходство, тогда все это — побег Дэвида, его «выход в свет» — еще более крутой сюжет!

— Шерил…

— Мой убитый сын помог бы тебе вернуть профессию!

Рейчел отшатнулась, словно ее ударили.

— Я не так выразилась, — быстро поправилась Шерил, сразу выбрав более мягкий тон, но сестра не ответила. — Послушай. Мэттью мертв. Кэтрин Тулло тоже мертва.

— Она здесь вообще ни при чем.

— Ты не виновата в ее смерти, Рейчел.

— Нет, виновата.

Покачав головой, Шерил положила руки на плечи сестры:

— Я не хотела, чтобы мои слова так прозвучали.

— Ты сказала ровно то, что думала.

— Нет. Клянусь тебе.

— А может, ты и права. Мне жаль себя и той жизни, что я потеряла. Однако это я слишком сильно давила на Кэтрин Тулло, отчего теперь та мертва. Это моя вина. Я получила то, что заслуживала.

— Это неправда, — возражала Шерил. — Ты просто…

— Ну что?

— Была слишком пристрастна. Ты же не думаешь, что я забыла?

Рейчел не знала, что ей ответить.

— Это ведь было на первом курсе, на Хеллоуин… — Она отвернулась, закрыв глаза, отчаянно желая ничего не вспоминать.

— Рейч?

— Возможно, ты права, — сказала младшая сестра, уставившись на фотографию. — Возможно, я принимаю желаемое за действительное, и Дэвид тоже. Есть такая вероятность… но есть и шанс,

что Мэттью жив, верно же? Дэвид, он все потерял, он… Ты и представить себе не можешь. Он был в аду. Так что пускай копает, ему от этого никакого вреда. Его жизнь уже не станет хуже, в отличие от твоей, почему я и не хотела показывать тебе это фото. Если это не Мэттью — а риск того, что это не он, очень велик, — все бы осталось, как оно есть. Никто бы не пострадал. Дэвид и я закончили бы на этом, а ты бы так ничего не и не узнала. Но если мальчик все-таки Мэттью…

— Это не он.

— Как бы там ни было, — нажимала Рейчел, — позволь нам с Дэвидом узнать это наверняка.

* * *

— А вот и запись первого приезда Рейчел Андерсон в тюрьму, — сообщила Сара. — Повторюсь, это первая встреча Берроуза с кем-то извне за все пять лет отсидки.

Задние окна фургона для наружного наблюдения (то был модифицированный «форд») были тонированными, но их дополнительно выкрасили черной краской, чтобы надежно спрятать оборудование. Скрытые камеры на фургоне обеспечивали хороший обзор происходящего снаружи. Макс и Сара сидели бок о бок на эрго-

номичных сиденьях с откидными спинками, очень удобными для агентов, привыкших часами вести наблюдение. Перед напарниками высилась рабочая станция с тремя компьютерными мониторами. Среди двух агентов ФБР, находившихся в водительской кабине, один был техническим специалистом, но Сара разбиралась в системе не хуже его.

— Ты не могла бы сделать погромче?

— Видео вообще без звука, Макс.

— Это еще почему? — нахмурился он.

— Так суд постановил, еще пару лет назад, — ответила Сара. — Мол, аудиозапись — это нарушение конфиденциальности.

— А видеозапись что, нет?

— А видеозапись, как тогда заявили сотрудники Бриггса, обеспечивает безопасность осужденных и не нарушает ничьих прав.

— И судьи на это купились?

— Еще как.

Макс только пожал плечами:

— Так что ты хотела показать?

— Вот, посмотри.

Сара запустила видео. Похоже, его сняли камерой с потолка где-то за плечом у Дэвида Берроуза. Спецагенты могли отчетливо видеть Рейчел,

сидевшую по другую сторону оргстекла. Сара начала перематывать видео, промотала момент, когда фигуры посетительницы и осужденного дернулись, и остановила на Рейчел, как раз вынувшей что-то, похожее на манильский конверт. Снова нажав кнопку воспроизведения, Сара вместе с помрачневшим Максом смотрела уже на нормальной скорости, как Рейчел Андерсон смотрит себе под ноги, словно собирается с силами. Затем она вынула что-то из конверта и прижала к стеклу.

— Фотография? — прищурился Макс.

— Похоже на то.

— И что на ней?

Даже без звука по этой не самой качественной, засвеченной видеозаписи было понятно, что атмосфера в помещении для свиданий менялась на глазах. Берроуз заметно напрягся.

— Пока что не знаю, — ответила Сара.

— На ней мог быть план побега.

— До того как ты пришел, я пробовала распознать изображение.

— Получилось?

— На ней какие-то люди… И еще вроде бы Бэтмен.

— Чего?

— Вроде бы, но я не уверена. Мне нужно больше времени, Макс.

— И еще, пожалуй, устройство для чтения по губам.

— Поняла. Юристы сказали, нам нужен ордер.

— Из-за иска о конфиденциальности?

— Ага. Но я, как видишь, заранее озаботилась. Хотя не думаю, что нам удастся добыть более качественную запись.

— Можешь увеличить масштаб картинки?

— Только если так… — И Сара нажала кнопку.

Изображение резко растянулось. Но и на паузе пиксели мешали рассмотреть все как следует.

Макс вновь прищурился:

— Нужно расспросить Рейчел Андерсон.

— Ее адвокат запретила ей отвечать на вопросы.

— Все равно попытаемся. Мы ее все еще ведем?

— Ага. Она у себя дома, принимает сестру.

— Бывшую жену Берроуза?

Сара кивнула:

— Та беременна.

— Ого! Что у нас с прослушкой телефонов?

— Слушаем. Пока ничего полезного.

— Рейчел Андерсон часами возила Берроуза, то есть у них было время продумать дальней-

шие планы. Разумеется, она не будет висеть на телефоне.

— Согласна.

— Мы оба знаем ее историю.

— Ты про ее вклад в движение «МеТоо»?[2]

Макс кивнул:

— Как думаешь, есть шанс, что та история всплывет?

— Не поняла, Макс. Говори конкретнее.

Поразмыслив, он пока оставил эту тему, а вместо этого поинтересовался:

— Как проходит погружение в ее финансовую историю?

— Пока плаваем, — не слишком удивила его Сара: к чужим финансам так просто не подберешься, многих «белых воротничков» вообще приходилось проверять годами. — Зато я наткнулась на другую ниточку.

— А именно?

— Я про Теда Уэстона.

— Тюремного охранника, которого пытался убить Берроуз?

---

[2] Примечания: 2

#MeToo — хештег, возникший в результате скандала и обвинений в домогательстве кинопродюсера Харви Вайнштейна и разошедшийся в социальных сетях в октябре 2017 года; подчеркивает осуждение сексуального насилия.

— Этот парень в долгах как в шелках, но вот недавно открыл два депозита, по две тысячи долларов каждый.

— Откуда деньги?

— Все еще выясняю.

— Взятка? — Макс так и сел.

— Возможно.

— Мне с самого начала казалось это странным.

— Что именно, Макс?

— То, зачем Берроузу смерть Уэстона. — Макс принялся грызть ноготь, — Здесь что-то большее, чем просто побег заключенного, Сара.

— Возможно и такое, Макс. Знаешь, как мы во всем этом разберемся?

— Как?

— Работая, Макс. И не отвлекаясь. Только так мы достанем Берроуза.

— Золотые слова, Сара. Тащи сюда задницу Уэстона, пока тот тоже не успел обзавестись адвокатом.

Глава 22

Гертруда Пейн стояла у обрыва неподалеку от поместья Пейнов, глядя на отражение луны во вспененных водах Атлантики. Она распустила седые волосы, закрыла глаза, а ветер приятно обдувал ее лицо. Звук волн, разбивающихся о скалу, успокаивал. Приближение Стефано она услышала сразу, но еще несколько секунд не открывала глаз.

Затем она сказала:

— Ты его упустил.

— Росс Самнер подвел нас.

— А что же охранник, который проболтался о визите невестки?

— Тоже не преуспел.

Гертруда отвернулась от океана и взглянула на Стефано, этого мускулистого брюнета, постриженного под пажа, — эта прическа делала из него какого-то молодящегося, но все же неотвратимо стареющего рокера. Костюм Стефано шился на заказ, однако даже так сидел на нем плохо, делая его квадратным, как коробка.

— Ума не приложу, как он мог сбежать? — вздохнула Гертруда.

— Разве это имеет значение?

— Я не уверена.

— Вряд ли он представляет угрозу.

Гертруда лишь улыбнулась, вынуждая его спросить: «Неужели? Или все-таки представляет?» Она считала мизерной вероятность того, что Дэвид Берроуз все испортит, однако Гертруда не добралась бы до «пьедестала Пейнов» (это мерзкое понятие изобрел ее муж), не будь при ней еще одной «п»: паранойи. И при этом — она знала, как устроен мир и что жизнь невозможно просчитать. Вы можете чувствовать себя в безопасности, думая, что учли все до мелочей, приняли во внимание любые возможности, — и тут жизнь извернется и обставит вас. По-другому она не работает. Жаль, никто этого не понимает.

— Миссис Пейн?

— Стефано, мы должны подготовиться.

Глава 23

Я торопливо иду по улице Манхэттена. Мой быстрый шаг наверняка привлекает внимание, и все же я хочу побыстрее оказаться как можно дальше от той квартиры на Двенадцатой улице. Путь мой лежит строго на север. Я миную станции метро «Четырнадцатая улица» и «Двадцать третья улица», не позволяя себе спуститься внутрь, ведь знаю, что если в городе объявят план «Перехват», то близлежащие станции обложат в первую очередь.

Или нет.

Понятия не имею.

Зато мне известно, где я должен быть: в Ревире, штат Массачусетс. На своей малой родине. Потому что тот самый шантажист Хильды Уинслоу, человек с белым чубом, там и живет.

Мне известно, кто он такой.

Полагаю, что ФБР посадила кого-то следить за домом моего отца, но полиция, опять же, не может успевать все и сразу. Просто мы привыкли так думать, доверяя кино и телепередачам, где всякого плохого парня почти немедленно ведут под суд благодаря неограниченной слежке,

повсеместному снятию отпечатков пальцев и моментальным ДНК-тестам.

Хильда Уинслоу могла сказать копам что угодно, хотя, казалось, она проявила ко мне искреннее сочувствие и помогла сбежать. Это могло быть проявление смелости — или, напротив, страха оказаться между мной и ворвавшейся полицией. Не могу сказать наверняка, однако ясно, что у меня нет выбора. Придется рискнуть и ехать в Ревир.

Спустя полчаса, выйдя на Таймс-сквер, я вдруг понимаю, насколько отстал от жизни. Меня тянет в такие вот людные места — к толпам, шуму, яркому свету, большим экранам и неоновым вывескам, — но мои органы чувств к этому явно не готовы. Я останавливаюсь. Кругом слишком много раздражителей. Целый водоворот, волны гула, оттенков, запахов, лиц — самой жизни — заставляют меня пошатнуться. Будто последние пять лет я провел в комнате без света, а теперь кто-то светит мне в лицо фонариком. Голова кружится до того, что мне надо прислониться к стене, чтобы не упасть.

Весь поддерживавший меня на ногах адреналин не столько убывает, сколько превращается в дым и растворяется в ночном воздухе. Меня

настигает усталость. Уже так поздно… А поезда и автобусы до Бостона ночью не ходят. Мне следовало раньше об этом подумать. По прибытии в Ревир меня ждет много дел, и чтобы все удалось, нужно полностью восстановить когнитивные способности, иначе говоря — выспаться.

Поблизости много станций метро (слишком много, копы их все не закроют), однако я все-таки выбираю идти пешком. Не уверен, что моя бритая голова обманет преследователей. Пускай Хильда Уинслоу и видела меня лишь в бейсболке, я на всякий случай напяливаю еще и медицинскую маску. Правда, сейчас их носит уже не так много людей и она может привлечь ненужные взгляды, а все-таки это отличная маскировка… Мне продолжать? Я к тому, что трудно определиться, нужно ли мне ее носить. Лучше сосредоточусь на том, где бы провести ночь. Я подумываю о том, чтобы отправиться на север, к Центральному парку, где можно легко укрыться и передохнуть. Но я снова задаю себе вопрос: не захочет ли полиция перекрыть весь парк?

Я проверяю звонки на запасном телефоне — как дозвониться, знает только Рейчел, которая и дала мне этот телефон. Я все жду, когда она свяжется со мной, и не совсем понимаю, что означает ее

молчание. Наверное, она все еще чувствует себя под колпаком.

Ладно, план таков: не снимать с себя маску и ехать к Центральному парку.

Уже там, вблизи Семьдесят девятой, мне удается найти тропинку, ведущую в Рэмбл — это «дикая» часть парка, этакий природный заповедник. Настоящие дебри. Я забредаю в них поглубже, нахожу безлюдное место и ложусь спать, разложив вокруг себя ветки — в надежде, что на них случайно наступят те, кто попробует ко мне приблизиться, а я услышу треск и смогу вовремя среагировать. Итак, я ложусь, слушаю журчание ручья, сливающееся со звуками большого города, закрываю глаза и отдаюсь милосердному сну без сновидений.

В самый час пик, когда на Пенсильванском вокзале яблоку негде упасть, я сажусь в пассажирский «Амтрак» до Бостона. Посреди поездки я вдруг понимаю, что гуляю на воле уже двадцать четыре часа. До этого я постоянно трясся, но, зайдя в туалет и взглянув на себя в зеркало — все такой же лысый и в маске, — я понимаю, что практически неузнаваем. Трудно сказать, насколько рискованно было садиться в поезд, но куда денешься с подводной лодки?

В часе езды от Бостона мой одноразовый телефон наконец оживает. Какой-то незнакомый входящий. Я нажимаю кнопку ответа, подношу телефон к уху, но ничего не говорю, просто жду.

— Альпака, — произносит Рейчел, и меня окатывает облегчением.

Мы с ней придумали семь кодовых слов. Если одно из них не прозвучит в начале разговора, значит она в стане врага и ее заставили позвонить. Я же узна́ю, что нас кто-то прослушивает и ведет свою игру.

— Ты в порядке? — спрашиваю я без всяких отзывов и ответных кодов, в которых все равно нет необходимости.

Осторожность — осторожностью, а глупо выглядеть не хочется.

— В пределах ожидаемого.

— Тебя допрашивала полиция?

— ФБР.

— Они поняли, куда я поехал.

— Кто, ФБР?

— Ага. Чуть не сцапали меня у Хильды.

— Клянусь, я ничего им не сказала!

— Я знаю.

— Но тогда как они догадались?

— Трудный вопрос.

— Ты ведь ушел от них?

— На данный момент — да.

— Ты ее расспросил?

Она, конечно, имеет в виду Хильду Уинслоу. Я говорю «да» и пересказываю почти все, что узнал. Например, я умалчиваю историю про карточный долг и шантажиста в Ревире, ведь если нас все-таки подслушивают — м-да, я точно сделаюсь параноиком, — лучше не подсказывать им, куда я еду.

— Я соберу столько нала, сколько смогу. Заодно, как мы и условились, попытаюсь замести следы, чтобы ФБР на меня больше не вышло, — продолжает Рейчел.

— Это долго?

— Час или два. Напиши мне, где ты, когда доберешься. Я приеду.

— Спасибо.

— И еще кое-что… — добавляет Рейчел. — Вчера вечером заезжала Шерил.

Я ощущаю стесненность в груди.

— Как все прошло?

— Я показала ей снимок. Она думает, что мы оба спятили.

— Тут трудно спорить.

— Еще она сказала, что на мои суждения могут

влиять личные проблемы.

— Проблемы? Какого рода?

— Давай ты сам прочитаешь, я скину несколько ссылок. Это проще, чем пытаться объяснить.

* * *

Вскоре Рейчел присылает мне ссылки на три разные статьи о ее инициативе в рамках «МеТоо» и последовавшем самоубийстве молодой Кэтрин Тулло. Я устраиваюсь поудобнее и читаю, стараясь оценивать историю объективно, будто она и не связана с моей обожаемой Рейчел. И все же сотня причин мешает моей объективности. Все мои вопросы к Рейчел подождут.

Я лежу с закрытыми глазами, пока не слышу объявление о прибытии на Северный вокзал Бостона. Пока мы подъезжаем к платформе, я высматриваю в окно полицейские кордоны. Полицейские и впрямь рассеяны по вокзалу, но они не выглядят сильно настороженными. Это, конечно, неприятно, но все же лучше, чем толпа «встречающих» с оружием наперевес.

С самого вокзала я невольно улыбаюсь, гуляя по родным местам. В частности, захожу в людный бостонский «Данкин» на углу Ланкастер-стрит и Козуэй-стрит и беру себе полдюжины пончиков.

Тут и парочка французских круллеров, и два с шоколадной глазурью, один с жареным кокосом, один обычный донат, плюс большая чашка кофе без запаха (на мой вкус, ароматизированный — отстой, особенно в «Данкин»).

И потом я гуляю по Ланкастер-авеню с целым пакетом «данкинов», желая попозже рискнуть и снять маску, чтобы полакомиться круллером. От самой мысли так и потекла слюна. Еще четверть часа — и я уже еду по синей ветке метро, с Боудойн-стрит в сторону Ревир-Бич, и мыслями невольно окунаюсь в воспоминания о таких же поездках в юности. Нас тогда была целая компания парней, все из одного класса старшей школы Ревира. Ближе всего я дружил с Адамом Маккензи, однако общался и с Ти-Джеем, и с Билли Симпсоном, и с человеком, которого я собирался вскоре навестить, — Эдди Грилтоном. Семья Эдди владела аптекой, открытой его дедушкой на углу Сентенниал-авеню и Норт-шор-роуд, всего в паре шагов от станции Ревир-Бич. Все мои знакомые ходили туда за лекарствами, а еще дедушка и отец Эдди, насколько мне известно, помогали с букмекерским и игорным бизнесом криминальному клану Фишеров.

Небольшая парковка позади аптеки полностью

изолирована от улицы. Когда-то здесь мы в основном и тусовались: пили пиво, курили травку. Давно это было, с тех пор все разбрелись кто куда. Ти-Джей работает врачом в Ньютоне, Билли открыл бар в Майами, зато Эдди, который больше всех нас мечтал покинуть город, ненавидя семейное дело и вынужденную работу в аптеке, так и не переехал. Он окончил фармацевтический, как и мечтал его старик. После выпуска ему светило пахать в аптеке до гробовой доски, по примеру его деда, однажды просто свалившегося с сердечным приступом. Вот теперь Эдди и бегал по аптечному залу — явно в преддверии собственного инфаркта.

Выйдя на станции Ревир-Бич, я держусь настороже, и не только из-за возможного присутствия полиции. Просто это мой старый район, где меня могли бы узнать с любой маскировкой. А всего в тысяче футов отсюда стоят мой дом и дом Маккензи, пиццерия «У Сэла» и «Аптека Грилтона». Последнюю потрепало время, хотя, сколько себя помню, она и так медленно ветшала. Даже кирпичные стены, покрытые водным раствором, уже не очень красные, а края неоновой вывески проржавели. Когда-то буквы вывески мигали при включении. Опустив голову, я заворачиваю

в переулок и иду на парковку, в этот некогда «наш притон». Парковка была рассчитана всего на одно место, где всегда стоял «кадиллак» папы Эдди. Машина для него много значила, судя по тому, что он не уставал полировать ее воском до идеального блеска. Теперь на том же месте стоял «Кадиллак АТС», принадлежавший Эдди. Все меняется, но остается прежним.

Всегда, когда я устаю, невольно начинаю философствовать.

За мусорным баком отличное укрытие. Кофе, спасибо стаканчикам «Данкин», еще горячий. Я наслаждаюсь ароматом французских круллеров и, немного дольше, кокосового пончика. В тюрьме и так-то несладко, но без настоящего сахара мои вкусовые рецепторы почти атрофировались. Теперь же у меня кружится голова от одного вкуса. Или, может, от свободы. В тюрьме так легко зачерстветь, закрыться от мира и сознательно не позволять себе чувствовать или переживать хоть какие-то удовольствия. Так проще выживать. Но теперь, вышвырнутый из этой «зоны комфорта» и в состоянии без помех думать о Мэттью, об искуплении, я переживаю целый шквал эмоций.

Сверяю время на телефоне. Десятилетиями, что мы провели на этой парковке, черным ходом

аптеки никто не пользовался, хотя сейчас мне кажется, что вот-вот… Так и есть: стеклянная дверь открывается, на пороге возникает Эдди, во рту у него незажженная сигарета, в руке — зажигалка. Дверь закрывается, одновременно Эдди щелкает зажигалкой и подносит пламя к сигарете, тут же глубоко затягивается, прикрыв глаза.

А Эдди-то постарел. Ссутулился, осунулся, заработал брюшко. Его некогда объемные волосы истончились, и теперь на голове нечто среднее между лысиной и залысинами. Прибавьте тонкие, как карандаш, усы и запавшие глаза.

Я не знаю, как начать разговор, но в итоге появляюсь в поле его зрения:

— Здравствуй, Эдди.

Вот это у него отвисла челюсть при виде меня! Аж сигарета выпала изо рта, но Эдди успевает схватить ее в воздухе — и я невольно улыбаюсь. У Эдди всегда были самые ловкие руки, отчего он слыл лучшим игроком в пинг-понг, акулой бильярда, гением видеоигр, пинбола, боулинга и мини-гольфа — словом, в любых занятиях, требующих зрительно-моторной координации.

— Вот же дерьмо! — произносит Эдди.

— Мне нужно просить тебя не кричать?

— Охренеть, да ты издеваешься! — И он спешит

ко мне с объятиями. — Как же я рад тебя видеть, чувак!

Объятие — еще одно ощущение, к которому нужно заново привыкать; я напрягаюсь всем телом в страхе, что если пошатнусь, то так и лягу. Тем не менее объятия Эдди радуют. Радует даже запах сигарет.

— Я тоже, Эдди.

— Смотрел новости, а там про твой побег. Ты что, тоже лысеешь? — указывает он на мою макушку.

— Да нет, маскируюсь.

— Умно. Только давай сразу проясним одну деталь.

— Конечно.

— Ты не убивал Мэттью, правда же?

— Я его не убивал.

— Я так и знал! У тебя есть план? Стой, забудь, что я спрашивал: чем меньше знаю, тем лучше. Тебе нужны наличные?

— Очень.

— Не вопрос. Бизнес в дерьме, но у меня найдется немного денег в сейфе. Не знаю сколько, но все твое.

Бог мой, я вот-вот разрыдаюсь.

— Спасибо, Эдди…

— Ты ко мне за деньгами?

— Нет.

— Так рассказывай давай!

— Ты еще ведешь учет?

— Не-а. Вот поэтому-то бизнес в дерьме. Прежде мы занимались бухгалтерией, в смысле, дед мой был спец по рулетке, папа ставки собирал. Копы признали обоих мошенниками, не в обиду твоему старику.

— Да ничего.

— Как он, кстати?

— Думаю, ты лучше меня в курсе, Эдди.

— Да, верно… Так на чем я остановился?

— Твоих отца и дедушку обвинили в мошенничестве.

— Точно, точно. Но знаешь, кто в итоге вывел нас из бизнеса? Власти! Взяли нелегальную рулетку и превратили в гослотерею, с еще меньшими шансами выиграть, а потом — бам! — легальный бизнес. Азартные игры раньше тоже держали под запретом, а потом какие-то черти из Интернета откупились от кучки политиков, и — бум! — все ставки принимаются онлайн, хоть укликайся. Да и с марихуаной та же история, не то чтобы мой старик ею когда-либо торговал…

— А пять лет назад ставки еще принимались?

— Примерно в то время дело и начало загнивать. А что?

— Не припоминаешь такую клиентку: Эллен Уинслоу?

Эдди нахмурился:

— Не, не моя. С ней работала Реджи на Ширли-авеню.

— То есть имя ее тебе известно?

— Да, помню, у нее была настоящая игромания. Правда, не понимаю, почему тебе это интересно.

Классный на Эдди халат, белый, аптекарский. В нем он похож то ли на врача, то ли на продавца косметики в «Филинсе».

— Вроде бы она задолжала братьям Фишер?

Эдди явно не нравится, куда я клоню.

— Да, по-моему. Слушай, Дэйви, а чего тебе, собственно, надо?

— Мне нужно поговорить с Кайлом.

Он долго молчал.

— С Кайлом? Со Скунсом, что ли?

— Его что, до сих пор так называют?

— Да, и ему нравится.

Кайла прозвали Скунсом, когда мы были детьми. Точно не помню, когда его семья сюда переехала — может, я учился в первом или во втором классе, но уже тогда у Кайла был белый

чуб. Белая полоса на черной голове — прозвища Скунс было не избежать. Дети есть дети. Мало кому понравилась бы такая кличка, а вот юный Кайл по ней просто угорал.

— Так, давай-ка начистоту, — произносит Эдди. — Ты собрался обсудить со Скунсом чьи-то долги?

— Ага.

Тот присвистнул:

— Да ты помнишь, что он за человек-то?

— Помню.

— Помнишь, как он столкнул Лизу Миллстоун с крыши? Нам было всего девять!

— И это помню.

— А коты миссис Бейли? Они пропадали бесследно, когда нам было по двенадцать.

— Ага.

— И девчонка Паллоне, как ее там… Мэри Энн?

— Помню, — говорю я.

— Так вот, Скунс с тех пор не слишком изменился, Дэвид.

— Не удивлен. Он, верно, так и работает на Фишеров?

Эдди живо трет лицо.

— Ты введешь меня в курс дела или как? — спрашивает он.

Почему бы и нет.

— Я считаю, это Фишеры похитили моего сына и выставили меня убийцей. — И я коротко рассказываю ему все.

Вслух Эдди этого не говорит, но точно думает, что я ополоумел. Даже когда я показываю ему фотографию из парка развлечений, на нее он смотрит вскользь — все больше на меня. Окурок падает на потрескавшийся тротуар, другая сигарета немедленно поджигается и оказывается во рту. Эдди слушает не перебивая. И когда я умолкаю, он произносит:

— Не мое дело тебя отговаривать. Ты большой мальчик.

— Я ценю это. Так что, подсобишь?

— Могу кое-что разузнать.

— Спасибо.

— Кстати, ты знал, что старик отошел от дел?

— Старик — это Ники Фишер?

— Ага, он вышел на пенсию, переехал в местечко потеплее. Слышал, он гольфом здорово увлекся. Всю свою жизнь Ники убивал, грабил, вымогал, мародерствовал, людей калечил почем зря, а теперь ему, видите ли, за восемьдесят и можно наслаждаться гольфом, спа и ресторанами во Флориде. Вот тебе и карма…

— Так, и кто теперь босс?

— Эн-Джей, его сынуля, он правит балом.

— Думаешь, этот Эн-Джей захочет поговорить со мной?

— Могу только поспрашивать. Однако если они замешаны в деле так, как ты говоришь, то вряд ли в этом признаются.

— Я же не собираюсь устраивать никому проблем.

— Да, но дело-то не в этом. Если это они пытались обвинить тебя в убийстве сына — не стану тут перечислять миллион причин, почему это бред, — при встрече они могут просто вызвать копов, ну и все.

— Фишеры — и звонят в полицию?

— Это было бы некрасиво с их стороны, признаю. Ясное дело, тогда они могут просто кокнуть тебя. Вот это уже в их стиле, в отличие от состряпанной тобою байки про графа Монте-Кристо.

— У меня и правда нет выбора, Эдди. Фишеры — единственная зацепка.

Тогда Эдди кивает:

— Ну хорошо. Я позвоню.

Глава 24

Рейчел не знала, следят ли за ней. Скорее всего, следят.

Но это не имело значения, ведь она все продумала.

Она добралась до вокзала и села на поезд от Мэна до Бергена. В это время суток в вагонах было полно свободных мест. Рейчел оставалась настороже, дважды меняла вагоны; и вроде бы за ней никто не следовал и не глядел украдкой, но вдруг эти парни были профессионалами? Наконец она сошла с поезда на станции Секокус-Джанкшен и пошла на пересадку до Пенсильванского вокзала. Почти все пассажиры, ехавшие с ней, сделали то же самое. Рейчел вновь пробовала обнаружить слежку — все тщетно.

Не имеет значения. Она все продумала.

Следующие сорок минут она петляла по центральным улицам Манхэттена, пока впереди не показалась высотка на углу Парк-авеню и Сорок шестой; сюда ей и велела идти ее адвокат Эстер Кримстайн. Ее уже ждал молодой парень, и он даже не спросил ее имени, только улыбнулся и произнес: «Вам сюда», указывая на открытые

двери лифта. Молча они оба поднялись на четвертый этаж.

— По коридору налево, — сообщил юноша.

Когда двери вновь открылись, он пошел следом за ней. Рейчел открыла нужную дверь, вошла и обнаружила другого мужчину, стоявшего над раковиной.

— Присаживайтесь, — сказал он.

Она села спиной к раковине. Мужчина не мешкал. Ее волосы коротко остригли и покрасили в легкую рыжину. За все время в комнате они не обменялись и словом. Когда мужчина закончил, сюда вернулся молодой человек и повел Рейчел назад к лифту. Нажал кнопку G3, — похоже, они ехали на третий уровень парковки. Прямо в лифте Рейчел получила ключи от машины и конверт, в котором нашла деньги, водительское удостоверение на имя Рейчел Андерсон (то была ее девичья фамилия), две кредитки и телефон. Телефон был вроде как односторонний: на него Рейчел могли звонить и писать, и при этом его не засекло бы ФБР. Так, по крайней мере, ей объяснил молодой человек.

Двери лифта распахнулись на уровне G3.

— Парковочное место сорок семь, — произнес ее сопровождающий. — Будьте внимательны

за рулем.

На указанном месте ее ждала «хонда-аккорд», как заверила Эстер — точно не украденная и не взятая напрокат, так что и ее было не отследить. Садясь за руль, Рейчел проверила телефон: Дэвид только что прислал сообщение. Ого!

То, что он в Ревире, да еще недалеко от своего старого дома, немало ее удивило. И Рейчел призадумалась. Прежде поездка домой не входила в его планы, более того, Дэвид сам подчеркивал, что очень опасно появляться в родных местах. Похоже, информация, полученная им от Хильды Уинслоу, заставила его рвануть в Ревир. Рейчел не понимала почему, но ей это и не нужно было. Она завела машину и поехала на север.

* * *

Эдди кладет трубку и сообщает, что устроил мне встречу через несколько часов.

— А пока не хочешь отдохнуть в задней комнате? — интересуется он.

Я отказываюсь и называю ему номер своего запасного телефона.

— Позвонишь мне, когда точно узнаешь время?

— Конечно.

Поблагодарив его, я выхожу на улицу. Знаю этот район как свои пять пальцев. Такие места обычно сильно не меняются, не в последнюю очередь из-за близости водоемов. В Ревире выстроили новые высотные здания с видом на пляж; ну а здесь, в местах, где я вырос, рядами стоят все те же дома — может, и перекрашенные, выстланные алюминиевым сайдингом или расширившиеся за счет пристроек, однако все равно смотрятся они почти одинаково. Большую часть моего детства я срезал путь через соседские дворы и частенько прятался в них от нагоняя и скуки.

Мой отец сейчас так близко.

Я все понимаю, идти опасно. Уверен, на меня открыли ту еще массовую охоту и наверняка наблюдают за домом, где до сих пор живут мои отец и тетя. Неудивительно. Однако и копам за всеми зайцами не угнаться. Они знают: прошлой ночью я был в Нью-Йорке, так неужели я вдруг рвану оттуда в Ревир? Пожалуй, навести их на меня могла бы Хильда Уинслоу, однако сомневаюсь, что она рискнула бы признаться в даче ложных показаний на суде.

Ныряя в задние дворы, знакомые мне по юношеским приключениям, я все поглядываю по углам. Я не встречаю здесь никакой опасности,

правда и слежка не означает, что прямо перед домом будет припаркован полицейский фургон. Интересно, безопасно ли будет навестить родных? Или стоп, вернемся немного назад: есть ли смысл идти к отцу и тете Софи после стольких лет? А вдруг мой визит их расстроит? Как бы там ни было, меня тянет в мой старый дом. Я сбежавший уголовник, и мне надо бы убить несколько часов; и неужели странно, что я хочу повидать самых дорогих мне людей? Конечно же нет. Но мой основной мотив и цель по-прежнему неразрывно связаны с Мэттью.

Во дворах между Торнтоном и Хайлендом я чувствую себя безопасно. Они, в основном многоквартирные, так тесно прислонились друг другу, что даже соседям неясно, где заканчивается их собственность и начинается чужая. Из-за этого в квартале когда-то вспыхивали жаркие пикировки. Например, когда мне было четырнадцать, Сигельманы утверждали, что садик мистера Крестина вышел за пределы его участка; в качестве компенсации они требовали несколько его помидоров, между прочим лауреатов местной выставки. Я буквально в эту минуту перебегаю эту спорную границу и встречаю дом миссис Бордио. Она жила здесь со своим сыном Пэтом,

который страдал, как говорили, «ленивым глазом»; они съехали в начале двухтысячных, и я вижу, новые соседи лучше ухаживают за этим участком. Потому как в мое время он всегда стоял заросшим — прежде его косил отец Пэта, пока не погиб во Вьетнаме. В итоге мой старик все же составил сменный график, чтобы соседи по очереди косили газон миссис Бордио, — она же «платила» им за труды домашним арахисовым грильяжем. А вот и дом мистера Раскина, который однажды провел целое лето за постройкой огромной печи для пиццы из кирпича и бетона. Мистер Раскин съехал в 2007-м, а его печь стоит и поныне. Уж ей-то ничего не сделается, даже если однажды по району пройдет торнадо.

Впереди я вижу заднюю стенку дома, в котором я рос.

Растущий здесь кустарник стал гуще. Одно из моих самых ранних воспоминаний — из той поры, когда мне было три-четыре года, — это как папа и дядя Филипп строили качели во дворе. Адам и я с восхищением наблюдали за их работой. Стоял жаркий день; я помню, как отец то и дело подносил к губам бутылку «Бада», делал большой глоток и, замечая мой взгляд, обязательно подмигивал.

И конечно же, как забыть мою школьную подругу — Шерил. Чем ближе я к моему дому, тем сильнее воспоминание, совершенно постыдное, связанное с шалашом, построенным в честь празднования Суккота. Каждый год мистер Даймонд строил из прутьев и ветвей шалаш — он называется «сукка». Поставить такой во дворе — священная обязанность, хотя я уже и не помню почему. Другие парни в тюрьме, как ни странно, были подкованы в религии лучше всех, кого я знал. Я в эту их тусовку не очень вписывался. Так или иначе, сукка Даймонда была выше всех остальных в округе. Большая, насыщенного цвета, украшенная надписями на иврите, однажды поздно вечером в прохладном октябре она стала приютом мне и Шерил. Мы пробрались в шалаш Даймонда и просто лишились девственности. Ага.

Это воспоминание заставляет одновременно улыбаться и морщиться. Блин, да я любил Шерил. Я, будучи восьмиклассником, влюбился в нее с того самого дня, когда ее семья переехала на Ширли-авеню. Но Шерил ответила мне взаимностью лишь перед самым выпускным балом — и даже на него мы с ней пошли «просто как друзья». Ну вы понимаете. Мы общались двумя компаниями,

и мне и ей было не с кем больше пойти. Той ночью мы в итоге поцеловались, правда в ее случае это было больше от скуки.

Именно тогда мы и начали встречаться.

Вспоминая, я прислоняюсь к дереву, растущему на заднем дворе у бывшего дома Даймондов. Мы с Шерил долго жили душа в душу. Наше короткое расставание в колледже случилось, в общем-то, по моей вине. Я поддался на чужие уговоры, мол, вы еще такие молодые, ну какая свадьба, повстречайтесь еще с кем-нибудь.

Мы попробовали, как нам советовали, и я тогда понял, что мне никто так не подходит, как она. На последнем курсе мы обручились, а пожениться хотели, только когда Шерил окончит медицинскую школу. Такого плана мы и придерживались. Когда же все-таки поженились, обустроились в доме ее мечты и далее, следуя этой гладкой, предсказуемой, счастливой «светлой полосе», решили завести детей.

И вот тут что-то пошло не так.

Шерил — или, лучше сказать, нам обоим? — не удавалось продолжить род. У кого бывали такого рода фертильные проблемы, тот знает, как тяжело это пережить. Мы с Шерил хотели детей, буквально мечтали, спали и видели, как

родим четырех. Да, мы осознанно планировали четырех. Но месяцы пролетали за месяцами, а беременность так и не наступала. А когда вы мечтаете о ребенке, то кажется, что буквально все в этом мире, будь то злодеи, болваны или даже чайлдфри, заводят их очень легко. Все, кроме тебя. Мы отправились к специалисту, который после миллиона сделанных тестов обнаружил, что проблема была во мне. Да, кругом могут сколько угодно повторять: «Это не твоя вина», «Мы пройдем через это вместе», «Даже так ты настоящий мужчина» и бла-бла-бла, однако, если у вас маловато сперматозоидов, вы едва ли уложите это в голове. Это сейчас я умнее и знаю такой термин, как токсичная маскулинность, но рос-то я в другое время, тогда для мужчин существовал четкий перечень критериев и обязанностей, и если твоя жена от тебя не беременела — что ж ты за человек-то такой?

Я сгорал со стыда. Понимаю, как это было глупо, но порой сложно думать головой, а не сердцем.

Шерил и я трижды пробовали сделать ЭКО — и все неудачно. Напряжение между нами росло. Вскоре мы уже не могли говорить ни о чем, кроме деторождения, а когда пробовали оставить эту тему (вроде как нужно просто расслабиться, и то-

гда все получится), то все равно оба только о ней и думали. Слон-то был не только в комнате, но и в нашей постели. Слон ходил за нами по пятам.

В этой ситуации Шерил вела себя образцово. Или я так думал. Она никогда не винила меня, зато я, будучи дураком с проблемной самооценкой, навоображал себе всякого. Мол, теперь Шерил смотрит на меня не так, как прежде. Она видит, что я не подхожу под ее стандарты. Она встречает других мужчин, настоящих мужчин, способных к деторождению, и недоумевает, как это рядом с ней оказался такой никчемный. Мои страхи почти уничтожили нашу семью.

Но вдруг мы получили хорошие новости от доктора Шенкера — врача общей практики в Нью-Гемпшире и старого друга моего отца. Оказывается, тот и сам страдал таким же заболеванием — варикоцеле, но справился с ним при помощи операции. Ни вы, ни я не хотим подробностей, но, если вкратце, от хирургов требуется перевязать расширенные вены внутри мошонки. Короче говоря, это сработало. Число моих сперматозоидов даже превысило норму, и спустя четыре месяца после операции Шерил забеременела Мэттью.

Казалось, все снова стало хорошо. Но нет, не стало.

Годы в настоящем аду для бесплодных пар разрушали нас и наши отношения, и оставалось лишь верить, что с рождением Мэттью все печали останутся позади. Я и верил, пока не узнал, что Шерил поддерживала меня лишь на словах, а сама за моей спиной пошла в другую клинику по лечению бесплодия — узнать о донорской сперме. Ее идея так и не получила продолжения, о чем она постоянно напоминала. Она говорила так складно: ах, как ей хотелось не просто родить, а вытащить нашу семью из этого кошмара, и поэтому, всего на миг поддавшись своей глупости, она подумывала о донорской сперме. Не сказав мне. Мол, она знала, что я и так не соглашусь. Она уверяла, что сама мысль о доноре пугала ее до дрожи. Она не переставала извиняться, однако я не собирался ее прощать, во всяком случае сразу. Я ощутил обиду, ощутил вновь идиотскую неуверенность в себе, и я ударил Шерил, подорвавшую мое доверие. Чем только усугубил проблему.

Сквозь заднее окно моего дома чудится какое-то движение. Я прячусь за кустом… И когда я вижу, как в кухню входит тетя Софи и в одиночестве садится за стол, мое сердце разрывается. На ней бесформенно болтается синее домашнее платье. Она горбится. Ее волосы заколоты невидимками,

и все же несколько выбившихся прядей свисают на лицо. Эмоции разыгрывают во мне целое попурри. Тетя Софи… Моя замечательная, щедрая, добрая, сильная тетушка, та, что воспитывала меня после моей мамы, умершей от рака. Она выглядит усталой, изможденной, постаревшей раньше времени. Жизнь высосала из нее все соки — или это сделала болезнь моего отца?

Или я?

Тетя Софи продолжала верить в меня, когда другие отвернулись. Она единственная никогда, никогда не отворачивалась.

Я ловлю себя на том, что неуверенно подхожу к окну, не зная, как остановиться. У Софи включено радио — она любит, когда в кухне звучит музыка. Любит классику рока. Конечно, может, это уже и не радио, а какая-нибудь «Алекса» или другая колонка. Я слышу, как Пэт Бенатар поет, что, пока мы молоды, наше сердце разбивается вновь и вновь. Да, Софи предпочитает Бенатар и Стиви Никс, Крисси Хайнд и Джоан Джетт. Я крадучись поднимаюсь по ступенькам заднего крыльца и бездумно стучу по стеклу костяшками пальцев.

Софи поднимает глаза и видит меня.

Я был готов к тому, что мое внезапное появление ее поразит, ошарашит или, по крайней

мере, разозлит. Мне казалось, что на миг или два я увижу ее растерянной, и это было бы вполне понятно, но тетя Софи обманывает ожидания. Любить она умеет лишь яростно и без всяких условий, что я и вижу, когда тетя вскакивает и мчится к задней двери. Ее лицо, озаренное яркой улыбкой и в то же время мокрое от слез, навевает мысли о грибном дождике. Тетя Софи распахивает дверь, с грозным видом, от которого екает сердце, поглядывает влево-вправо и говорит: «Иди сюда».

И я слушаюсь ее. Тут нельзя не послушаться. Вспоминаются дни, когда мой отец возвращался домой с ночных смен и спрашивал, где я, а тетя Софи каждый раз придумывала для меня отговорку и тайком, чтобы он не узнал, пускала меня через черный ход. Я захожу в дом, закрываю дверь, и тетя Софи обнимает меня. Теперь она кажется меньше, слабее меня, и я поначалу боюсь обнимать ее слишком сильно. Но ей все равно. Я пытаюсь сдержаться, желая остаться трезвым и сосредоточенным, вместо того чтобы поддаться моменту… Нет, бесполезно. Только не с тетей Софи, только не в ее руках. У меня подгибаются ноги, и я даже вскрикиваю от неожиданности — а эта женщина, такая хрупкая и такая выносливая,

поддерживает меня.

— Все будет хорошо, — говорит она мне, и я ей верю.

Глава 25

Охранника тюрьмы Бриггс Теда Уэстона заставили рассказать, как все было, не один раз, не два, а целых три. Макс и Сара в основном слушали молча. Но Макс хоть подбадривал Теда кивками, пока Сара стояла себе со скрещенными руками, прислонившись к углу тюремного кабинета. Когда Тед пересказал финал в третий раз, не без гордости повторив, что именно он заметил заключенного и надзирателя, садившихся в машину, Макс еще раз кивнул и повернулся к Саре:

— Нет, ну последняя часть точно моя любимая. Что скажешь, Сара?

— Ты про ту часть, где он заметил надзирателя у машины, верно, Макс?

— Ага.

— Да, тогда и моя тоже.

Чтобы не грызть ногти, Макс теперь просто щипал губу.

— Хотите, мы скажем, почему эта часть нам так нравится, Тед? Я ведь могу называть тебя Тед?

— Конечно… — Улыбка Теда Уэстона стала какой-то неловкой.

— Спасибо, Тед. Так что, сказать почему?

— Конечно… наверное.

— Потому что в ней нет вранья. Ей-богу! Пока ты рассказывал о том, как ты выглянул в окно, увидел машину и такой: «Эй, минуточку!» — у тебя аж лицо сияло от искренности.

— Правда сияло, — подтвердила Сара.

— Сияло, как от дорогущего увлажняющего крема. А вот все остальное — например, как ты поздно ночью вел захворавшего беднягу Берроуза в лазарет…

— Нарушив все тюремные протоколы, — добавила Сара.

— …или как он вдруг набросился на тебя…

— Не имея мотива.

— Да и вообще, Тед, ты ведь правша?

— Чего?..

— Ты правша? Я наблюдал за твоим лицом. Лицо как лицо, но всякий раз, когда ты говоришь что вывел Берроуза из камеры и повел в лазарет, твои глаза смотрят вверх и вправо.

— Явный симптом вранья, — отметила Сара.

— Не стопроцентный, но довольно точный. Правша, когда пытается что-то вспомнить…

— Во всяком случае, это верно для восьмидесяти пяти процентов людей, — вставила Сара.

— …смотрит вверх и влево, — закончил Макс.

— Макс, а еще у него глаза бегают.

— Верно, спасибо, Сара. Еще один занимательный факт, Тед, и он тебе, верно, понравится: когда кто-то лжет, его глаза бегают туда-сюда. Так не только с тобой, но с большинством людей. Хочешь, объясню?

Тед ничего не ответил. Однако Макс все равно продолжал:

— Ретроспектива, Тед. Возврат к той эпохе, когда люди глазами искали путь к отступлению, загнанные в угол животными, стихией или другими людьми.

— Ты точно доверяешь этому обоснованию, Макс? — поинтересовалась Сара.

— Ну, не знаю насчет обоснования, а звучит убедительно. Я к тому, чтобы он не сомневался: бегающие глаза и впрямь указывают на ложь.

— Это да, — согласилась Сара.

— Бегающие глаза, — повторил Тед Уэстон, всеми силами изображая уверенность. — Какая чушь!

— Очень по-мужски, Тед, — отозвалась Сара.

Уэстон встал.

— У вас нет никаких доказательств, что я вру, — заявил он.

— Разумеется, есть, — ответил Макс. — Ты же

не думаешь, что мы вычисляем всех только по глазам?

— Плохо он нас знает, Макс.

— И не говори, Сара. Покажи ему.

Сара пододвинула через стол к Теду Уэстону выписку с его счета в банке. Тот по-прежнему стоял, но при взгляде на выписку лицо его посерело.

— Сара весьма любезно выделила самую важную часть, Тед. Уже видишь?

— Ему стоило просить взятку наличными, Тед.

— Да, но смог бы он вынести ее из тюрьмы? А вообще, мило, что они кидали ему по десять тысяч. Наверное, думали, никто не заметит.

— Мы заметили.

— Не «мы», Сара, а ты. Ты заметила. И хорошо, иначе как бы Тед узнал, что ты лучше всех?

— Не заставляй меня краснеть, Макс.

У Сары зазвонил телефон, и она отошла. Тед Уэстон рухнул обратно на стул.

— Ну что, не хочешь рассказать, как все было на самом деле? — театральным шепотом спросил Макс. — Или лучше оказаться в тюрьме общего режима и узнать, как живется с той стороны решетки?

Тед все смотрел на банковскую выписку.

— Макс? — окликнула Сара.

— Как дела?

— Нашего парня, похоже, поймала система распознавания лиц.

— Где?

— На выходе из поезда на станции Ревир-Бич.

* * *

— Тебе нельзя здесь оставаться, — говорит тетя Софи. — Сегодня утром приходили люди из ФБР, и они вернутся.

— Можно мне поговорить с ним?

Она с печальным видом склоняет голову набок:

— Он спит. Это из-за морфина. Можешь заглянуть к нему, но вряд ли он поймет, что ты здесь был. Я провожу.

Мы проходим мимо фортепиано. На его крышке, накрытой кружевной тканью, стоят старые фотографии, причем наше с Шерил свадебное фото до сих пор красуется впереди всех. Не знаю, что и чувствовать по этому поводу. Большинство моих дворовых друзей росли вместе с братьями и сестрами, в их семьях бывало по два-три ребенка, а то и больше. А у моих родителей был только я. Я никогда не спрашивал почему, но подозреваю, что проблема с деторождением перешла ко мне

по наследству, буквально от отца к сыну, хотя последний мог вообще и не родиться. Но наверняка я не знаю.

Я сажусь на старый рабочий стул — папин стул — рядом с кроватью отца и гляжу сверху вниз. Отец мирно спит, но до чего же пугающая гримаса у него на лице. Позади меня стоит тетя Софи и тоже смотрит.

Я люблю своего отца, он лучший на свете, однако я толком-то его и не знаю. Он не умел делиться чувствами, надеждами и мечтами. Может, и хорошо, что я знаю о них не слишком много, хотя в наши дни люди бьют тревогу касаемо того, что мужчинам вредит токсичная маскулинность, мешая им выплескивать эмоции. Вдруг именно это и сделало моего отца таким? Он воевал во Вьетнаме, а его отец — во Второй мировой, и, как говорила бабушка, эти двое мужчин вернулись домой не такими, как прежде. Еще она говорила (и я с ней полностью согласен), что на войне они видели и совершали поистине страшное, но от этого они не стали другими людьми, просто им не хотелось выплескивать пережитое на родных. И с тех пор они держали ужас взаперти — не ради себя, а ради любимых. Отец и дедушка точно не были холодны или жестоки, они сохраняли

ясную голову — и всячески защищали самых близких, как преданные стражи. Помню, когда родился Мэттью, в общении с ним я начал подражать своему отцу, я хотел быть таким, как он. Я хотел наравне с ним защищать, любить и воспитывать своего сына. Я старался перенимать трюки отца, удивляясь им, как ребенок удивляется волшебным фокусам. И мне хотелось раскрыть все секреты воспитания, придуманные этим «фокусником», чтобы однажды поведать их Мэттью.

Я люблю своего папу. Он всегда приходил домой таким уставшим, но находил силы надеть белую футболку и пойти гонять со мной мяч во дворе. По субботам он водил меня обедать сэндвичами с ростбифом и молочным коктейлем. Он позволял мне смотреть собачьи бега и рассказывал о ставках и псах-фаворитах. Каждый год он играл в сборной на соревнованиях по софтболу ревирской полиции, а я за него болел. Он научил меня, как правильно завязывать галстук. Он позволял семилетнему мне «бриться» вместе с ним, сам намыливал мне лицо и давал в руки бритву без лезвия. Дважды в год мы ходили на игру «Бостон ред сокс» в Фенуэй-парке, сидели на трибунах: я с хот-догом и колой, он — с хот-догом и пивом, а чтобы игра запомнилась надолго, отец покупал

мне флажок команды соперников. А вот матчи «Бостон селтикс» мы смотрели у дяди Филиппа, по его огромному телевизору. Рядом с отцом я никогда не чувствовал себя лишним или обузой. Отец ценил каждую минуту, проведенную со мной, и я тоже был счастлив проводить с ним время.

Но даже после всего этого я ничего не знаю о его надеждах и мечтаниях, о боли и тревогах, о том, как он пережил смерть моей матери и чего ждал от собственной жизни.

А теперь я сижу в надежде, что он откроет глаза и узнает меня. Вот бы случилось чудо. Вот бы мое возвращение каким-то образом исцелило его, помогло встать с постели или хотя бы прийти в сознание, чтобы минуту-другую он мог поговорить со мной, своим единственным ребенком, и дать последнее напутствие.

Но ничего этого не случилось, и мой отец продолжал спать.

— Тебе здесь небезопасно, Дэвид, — произносит через какое-то время тетя Софи. — Нужно уходить.

Я киваю.

— Твой кузен Даги уехал на месяц изучать акул и оставил мне ключ от своего дома. Можешь жить

там, сколько пожелаешь.

— Спасибо.

Я встаю и еще мгновение рассматриваю обмякшую руку отца. Раньше в его руках таилась такая сила, а сейчас… Мышцы, прежде узловатые от частой работы с отверткой и гаечным ключом, выглядят как губка. Я целую отца в лоб, целую секунду надеясь, что он вот-вот откроет глаза. Они остаются закрытыми.

— Ты веришь, что это сделал я? — спрашиваю я тетю Софи.

— Нет.

Я смотрю на нее:

— А хотя бы раз ты…

— Нет. Ни на секунду.

Больше мы не говорим об этом. Я осознаю, что, вероятно, вижу своего отца в последний раз, однако сокрушаться некогда и незачем. Услышав вибрацию телефона, я проверяю сообщение.

— Все в порядке, Дэвид?

Я отвечаю, что Рейчел всего в получасе езды отсюда, пишу эсэмэску с адресом Даги и просьбой зайти через черный ход.

— Тебе помогает Рейчел? — спрашивает тетя.

— Ага.

— Она всегда мне нравилась. Жаль, что ей

пришлось столько выстрадать. У Даги будет безопасно и тебе, и ей. Свяжись со мной, если что-нибудь будет нужно, хорошо?

Тут я обнимаю ее и закрываю глаза, стараясь держаться стойко. Но все же у меня вырывается вопрос, такой дурацкий, но он не давал мне покоя, словно больной зуб, который вечно трогаешь языком:

— А папа не думал, что это сделал я?

Тетя Софи, как всегда, честна.

— Сначала не думал, — отвечает она.

— Ну а потом? — замираю я.

— Он привык доверять уликам, Дэвид, ты же знаешь. А все эти твои провалы в памяти, ссоры с Шерил, лунатизм в подростковые годы…

— Так он…

— Он не думал, что ты сделал это специально.

— И все-таки считал меня убийцей Мэттью?

Тетя Софи выпускает меня из объятий.

— Он не знал наверняка, Дэвид. Давай остановимся на этом.

* * *

Я едва узнаю Рейчел с новой стрижкой.

— Что думаешь? — спрашивает она, пытаясь казаться веселой.

— Тебе идет.

И это правда. Сестры Андерсон всегда были красивыми, хоть и по-разному. За Шерил, моей бывшей женой, головы поворачивали чаще, ее красота била в глаза и поражала в самое сердце. На то, чтобы разглядеть красоту Рейчел, нужно время. Ее лицо из тех, какие тетя Софи называет интересными, в самом лучшем смысле. Я только сейчас это осознал. Неприглядное в глазах окружающих, лицо ее, между тем, похоже на картину, которая с каждым разом открывает глазам все больше, при этом черты ее меняются в зависимости от времени суток, света в комнате или ракурса. На мой вкус, стрижка боб ей идет, подчеркивает скулы или как-то так.

Я как раз пересказываю Рейчел случившееся с Хильдой, Эдди и семейством Фишер, когда на мой телефон приходит сообщение от Эдди:

> Не приходи сюда больше. Здесь были копы, искали тебя.

Я пишу ему, что полиция, похоже, в курсе моего приезда, и в ответ получаю:

> Ревир кишмя кишит копами. Встреча будет в «Гараже Поупа» в Молдене, дом

280 по Хантинг-стрит. 15:00. Сможешь добраться?

Я отвечаю, что доберусь. Эдди добавляет:

Тебе в левое помещение. Приходи один, так они передали.

Рейчел читает все сообщения, глядя мне через плечо.

Все в доме Даги говорит о том, что здесь обитает пятидесятичетырехлетний холостяк. Стены обшиты темными деревянными панелями, как в каком-нибудь дайв-баре, на одной висит доска для игры в дартс, другую почти целиком занимает здоровенный телевизор. Ковер — зеленый и ворсистый, стулья — барные, из искусственной кожи, с металлическими подножками. За стойкой видны старый дубовый бар и огромные неоновые вывески с названиями пивных марок «Микелоб лайт» и «Блю мун бельгиан лайт». В комнате, куда я вошел, горят только эти вывески, давая единственный свет.

— Я тебя отвезу, — говорит Рейчел.

— Ты же читала: они требуют, чтобы я был один.

— До сих пор не понимаю: Фишеры занимаются

вымогательством, наркотиками, проституцией и так далее, но что их связывает с… — Она осеклась. — Не знаю, как и назвать.

— Назовем это похищением, — подсказываю я.

— Хорошо, так что их связывает с похищением Мэттью?

— Понятия не имею.

— И ты ждешь, что они тебе все расскажут?

— Других зацепок все равно нет, — пожимаю плечами я.

— Может, и есть… — Рейчел открывает свой ноутбук и загружает фотографии нажатием на какой-то файл. — Я запустила поиск изображений на основе фотки Ирэн в «Шести флагах». Нам известны и место, и дата, с этого-то я и начала. Например, я забила в поиск соцсети все фотографии с хештегом «Шесть флагов», опубликованные в тот день и последующие три дня, ведь не все же выкладывают снимки сразу. Система должна была искать лица Ирэн и ее семьи, случайно попавшие в чужой кадр; я надеюсь, где-то поблизости окажется и Мэттью.

— И как успехи?

— Система выдала шестьсот восемьдесят пять фото и видео из соцсетей, включая «Инстаграм»,

«Фейсбук»[3], «Твиттер», «ТикТок» и так далее. Можем просмотреть их, пока мы еще свободны.

Снимки рассортированы по времени публикации и дополнительно по соцсетям. Передо мной мелькают пары и семьи, катающиеся на аттракционах, стоящие в очереди на аттракционы, выходящие с аттракционов, машущие с колеса обозрения и каруселей, висящие вниз головой на «американских горках». Тьма постановочных фото, спонтанных фото, фото «горок» издали… Обожаю аттракционы. Я из тех взрослых, которые охотно берут с собой кузенов, племянников и племянниц, да кого угодно, на самые экстремальные покатушки. Мой папа тоже любил кататься, даже в пожилом возрасте. Не могу не думать об этом сейчас. Пару раз я водил Мэттью в парк аттракционов. Он еще был мал для серьезных «американских горок», но с удовольствием катался на детском поезде, маленьких самолетиках и медленных лодках. Все замечали, как Мэттью смахивал на моего отца, и после визита в отчий дом все мои мысли о том, как семейные черты

[3] Примечания: 3

Деятельность американской транснациональной холдинговой компании *Meta Platforms Inc.* по реализации продуктов — социальных сетей *Facebook* и *Instagram* запрещена на территории Российской Федерации.

передаются от деда к отцу, от отца к сыну, и, получается, родители отражаются в детях.

Я вижу много фотографий, где люди вместе едут в парк. Где они держат на руках животных после автомобильного сафари. Где едят бургеры и мороженое или стоят в длинных очередях за едой. На некоторых снимках есть аниматоры, переодетые Бэтменом, Багзом Банни или поросенком Порки. На некоторых посетители хвастают выигранными в тире призами: плюшевыми черепашками, синими собаками и всякими покемонами. В парках развлечений — своеобразных «плавильных котлах» — сходятся люди разных культур, вероучений, религий, и, будь то мальчики в ермолках или девочки в хиджабах, все они одинаково улыбаются мне с фотографий.

В подборке на удивление много групповых снимков, где по десять, по двадцать или даже по тридцать человек. Такие мы не пролистываем, но по очереди приближаем каждое лицо. Среди детей мы, конечно же, ищем Мэттью, а что касается взрослых, мы с Рейчел высматриваем либо знакомых нам, либо чем-то подозрительных людей. Снимок, на котором мы находим Тома и Ирэн Лонгли с детьми, в окружении еще шестнадцати человек, мы изучаем особенно тщательно, не

торопясь. И ничего не находим.

Я смотрю на часы и понимаю, что мы не успеем просмотреть все снимки до моей встречи в молденском «Гараже Поупа». Так что мы начинаем листать фото чуть быстрее, чтобы вернуться к ним позже, как вдруг мне на глаза попадается еще одна фотография семейства Лонгли с аниматорами-миньонами из «Гадкого Я». Рейчел успевает кликнуть мышкой еще пару раз, но я говорю:

— Подожди!

— Что?

— Вернись-ка назад.

Она кликает назад.

— Еще.

Снова клик, и я вижу снимок Лонгли. На нем только Лонгли, но меня интересуют вовсе не они.

— Что это там, позади них?

— Похоже на корпоративный баннер, — говорит Рейчел.

И правда, только это пресс-волл, перед которым фотографируют людей, скажем, на премьере фильма или корпоративном мероприятии. Обычно такие стенды украшают одним повторяющимся логотипом, а на этом логотипов много.

— Ирэн вроде бы говорила, что они ездили с

детьми в «Шесть флагов» на корпоративный праздник, — вспомнила Рейчел. — Помнишь, ее муж работает в «Мертон фармасьютикалз»? Вон их логотип.

Я вижу не только его, но и другие: один — от компании, производящей самый обычный безрецептурный обезбол, другой — от создателей популярной линейки средств по уходу за кожей.

— Этот праздник устраивал большой конгломерат, — рассказывает Рейчел. — В него входят и бренды питания, и фармацевтические фирмы, и сети ресторанов, и больницы.

— Как думаешь, он арендовал весь парк целиком?

— Не знаю. Могу спросить у Ирэн. А что тебя беспокоит?

— А есть другие подобные фотографии, у пресс-волла?

— Да их куча, наверное. Мы как раз к ним потихоньку переходим. Обычно такие снимки делают на входе, а тут, похоже, решили устроить фотосессию в самом конце.

— Кликай дальше, — говорю я — и застываю, увидев искомое уже на третьем клике. — Стоп.

— Что такое? — спрашивает Рейчел.

Я показываю ей логотип в правом нижнем

углу. На снимок с семьей Лонгли он попал лишь частично, всколыхнув во мне подозрения, зато теперь меня озарило. Рейчел смотрит туда, куда указывает мой палец — на лого в виде аиста с лентой, на которой написано: «Институт репродуктивной медицины Берга». Смотрит еще секунду, а потом переводит взгляд на меня.

— Туда она и ходила, — объясняю я пересохшим ртом. — Шерил, в смысле.

— Да, ну и что?

Я не отвечаю.

— Дэвид, какая между этим связь? А может, в деле замешана и парочка пиццерий, в которых ты ел? Они ведь тоже в этом конгломерате.

— Не пицца разрушила мой брак, — хмурюсь я.

— Не понимаю, что ты хочешь сказать.

— Твоя сестра ходила в этот… «институт», — показываю я кавычки в воздухе, — за моей спиной.

— Я знаю, — произносит Рейчел так мягко и заботливо, что ее голос почти ласкает слух. — Ну а ты знаешь, что она не стала пользоваться его услугами.

— А вдруг стала.

— Ты о чем?

— Я давно перестал ей доверять.

— Очень зря, Дэвид. Ты же видел, ей было боль-

но. Но она все равно не поддалась искушению.

Смысла спорить я не вижу, и потом, она, скорее всего, права. И все же я качаю головой, глядя на логотип:

— Это не может быть совпадением.

— Это чистое совпадение, Дэвид. Я хочу, чтобы ты это понимал.

— Чего ж тут непонятного? — отвечаю я на удивление буднично. — Наш брак летел кувырком, потому что я стрелял холостыми, и Шерил такая: забеременею-ка я от донора, а людям скажу, что от мужа! Удивляюсь, как она просто не переспала с кем-нибудь, чтобы институту не платить.

— Это несправедливо, Дэвид.

— А кстати, за кого она в итоге вышла? — возражаю я. — Ты об этом как-то не упоминала.

— Это не важно.

— За Рональда, не так ли? — Рейчел молчит, а мое сердце так и разрывается. — За этого «просто друга», как она говорила!

— Он и был просто другом.

— Не будь наивной, — качаю я головой.

— Я и не говорю, что Рональд не мечтал о…

— Да плевать! — перебиваю я, потому что он точно мечтал, и мне больно это слышать. — Сей-

час меня волнует только один вопрос: где искать Мэттью?

— И ты думаешь, что здесь, — тыкает она в дурацкий логотип с аистом, — найдешь ответ?

— Именно так и думаю.

— Но почему?

Тут я не знаю, что сказать, поэтому какое-то время мы сидим молча. Затем Рейчел спрашивает:

— Ты все еще собираешься искать этого твоего Скунса?

— Да.

— Вот и иди.

— И пойду. — Я смотрю на нее. — Что ты мне недоговариваешь?

— Ничего.

Но я продолжаю буравить ее взглядом.

— Это просто совпадение, — твердит Рейчел. — Совпадение, и все.

И непонятно даже, твердит ли она это мне или самой себе.

Глава 26

— Пикси?

Гертруда прекратила любоваться фантастическим видом из окна и устремилась к окликнувшему ее мальчугану. Еще одно поместье Пейнов, где они сейчас находились, ничем не походило на предыдущее, антикварное, отданное под музей. Да, и там и там хватало места для теннисного корта, бассейна, конных полей, однако здесь Гертруду окружал не старомодный мрамор, а панорамные окна и пространство, полное воздуха и света, этакий постмодерн. Гости всегда удивлялись такому выбору, но Гертруда была довольна.

— Да, Тео?

— А где папа?

Она улыбнулась. Тео был для нее лучом света в темном царстве. Мальчик рос добрым, умным и рассудительным, бегло говорил не только на английском, но также на французском и немецком, благодаря тому что большую часть жизни он провел в швейцарской школе-интернате Санкт-Галлена. Школа вмещала не больше трехсот учеников, в ней детям прививали любовь к верховой езде, альпинизму, парусному спорту;

за такое стоило отдавать двести тысяч долларов в год. Хейден часто катался в Санкт-Галлен, не желая, чтобы Тео рос без него. Поэтому сюда, в США, ее мальчики (какими видела их Гертруда) вернулись впервые за очень долгое время. Последние три месяца они прожили вместе с ней в поместье Пейнов. Неуклонно старея, Гертруда мечтала проводить с ними побольше времени и поэтому так радовалась их приезду!

Как выяснилось, зря.

В комнату вошел Хейден, явно искавший мальчика: «Я здесь, приятель», — и положил руки ему на плечи. Тео моргнул. В нем всегда была эта пугливость. Он с успехом прошел первую возрастную стадию, демонстрируя послушание и знание приличий, однако временами, как сейчас, он вздрагивал и ежился, словно в ожидании удара. Никто его не бил, об этом не шло и речи. Просто что-то внутри него, какая-то глубинная настороженность, иногда выходила наружу, хоть Тео и не понимал, что с ним происходит.

По скованной улыбке Хейдена Гертруда сразу поняла: что-то не так. Тут же она позвала Стефано и попросила его вывести Тео на улицу поиграть. Стефано прикрыл за собой дверь, давая бабушке и внуку поговорить наедине. Он не удивлялся,

так как был посвящен во все семейные дела.

— Что произошло, Хейден? — спросила она.

— Он избил полицейского.

Сегодня Гертруда еще не прерывалась на чтение новостей. Понимая, что теперь миром правят технологии и цифровые потоки, она связывала свое долголетие с тем, что умело сочетает домашнюю рутину и новые впечатления. Однако это не относилось к ее утренним занятиям, всегда одним и тем же: в семь утра она просыпалась, отдавала по двадцать минут зарядке и медитации, затем, если позволяло время, уделяла час кофе и любимому роману. И только после этого Гертруда садилась читать новости, после стольких лет жизни находя в этом скорее развлечение, порой весьма будоражащее, нежели пищу для ума.

— Я полагаю, его арестовали?

— Нет, пока что нет.

Гертруду удивило, что Дэвид Берроуз оказался изобретательнее, чем она думала.

— Вам нужно уезжать, и ты это знаешь, — сказала она.

— Думаешь, Дэвид что-то выведал?

Что-то? Наверняка. Но узнать всю правду он не мог при всем желании.

— Где произошло избиение? — спросила она.

— В Нью-Йорке.

«Почему он там?» — подумала Гертруда и снова спросила:

— Полиция выяснила, зачем он туда отправился?

— Говорят, он хотел свести счеты со свидетелем.

— Известно, с кем именно?

— Тогда свидетельствовали в основном местные эксперты.

— За исключением той женщины, — поняла Гертруда, — которая сказала, что якобы видела его с бейсбольной битой.

Хейден медленно кивнул:

— Возможно, он ехал именно к ней.

Это, конечно, озадачивало Гертруду. Пейны знали, что та свидетельница солгала, но не имели ни малейшего понятия, зачем ей это.

— Я устал прятать Тео, Пикси.

— Знаю, Хейден.

— А ведь в его жилах течет кровь Пейнов!

— И это мне тоже известно.

— Это подтверждают даже тесты! Он мой сын и твой правнук, он мужчина из рода Пейнов, в конце концов!

Гертруда едва не усмехнулась: надо же, муж-

чина из рода Пейнов… Что же в том хорошего. Пейны совершили много злодеяний, прикрыв их долларовыми купюрами. Случайные беременности, шантаж, вымогательства, даже убийства… и инцидент в Чаппакуидике с сенатором Эдвардом Кеннеди — Гертруду во всем этом удивило только то, что Пейны не успели скрыть случившееся до появления слухов. Она могла припомнить еще немало случаев, после которых Пейны все улаживали методом кнута и пряника. Пряник — это огромные отчисления семье очередного бедолаги. Кнут — это то, что случалось с семьей, если та начинала болтать. Конечно, многие пытались заступиться за близких, изнасилованных, раненных или убитых Пейнами, но никто не мог добиться справедливости. Становилось только хуже. Богачи все отрицают, всех запугивают, подкупают, шантажируют, разоряют, тащат в суд, а в тех редчайших случаях, когда все это не срабатывает, — просто-напросто избавляются от проблемы. Или обещают проблеме, что и другие ее дети могут пострадать. Вот так просто.

Поэтому, если кто-то выбирает деньги вместо того, чтобы бороться за правду после смерти дочери, это не говорит о жадности или аморальности, а только об отсутствии выбора.

— Я знаю, Хейден, — повторила Гертруда.

— Нужно решить дело как-нибудь иначе. — Не дождавшись ответа, Хейден продолжил: — Может быть… открыть правду…

— Нет.

— Я о том, что если они даже и найдут Тео…

— Хейден!

— …то кто им поверит?

— Хейден, помолчи. — Один ее тон заставил Хейдена проглотить язык. — Вы уезжаете сегодня же днем. Мы займемся необходимыми приготовлениями, а пока я не хочу, чтобы мальчик покидал поместье.

Часть 3

Глава 27

Понял ли по ее лицу Дэвид, что она лжет?

А ведь Рейчел почти проговорилась. Или же ей стоило так и сделать? Нет, сейчас она нуждалась в его безоговорочном доверии, а вся правда о визите Шерил в клинику по лечению бесплодия могла его оттолкнуть, вбить клин между ними. Поэтому на данный момент, правильно это или нет, Рейчел собиралась обманывать его и дальше. Никакая честность не стоила потери доверия.

После отъезда Дэвида в «Гараж Поупа» Рейчел снова просматривала фотографии, теперь ради новой цели. Она искала человека, знакомого ей и незнакомого Дэвиду. К ее облегчению, такой на снимках не мелькал. По-прежнему оставалась вероятность, что Дэвид ошибся и Институт репродуктивной медицины Берга случайно оказался среди спонсоров мероприятия, однако чем дольше Рейчел это обдумывала, тем больше понимала опасения Дэвида.

Но как во все это вписывалась клиника по лечению бесплодия?

Рейчел взглянула на свой телефон. Ох и долго же она откладывала этот звонок… Но теперь ей

нужны были ответы, которые мог дать именно он. Набрав номер, она услышала его голос уже на втором гудке.

— Рейчел? — протянул он игриво, чем заставил ее улыбнуться.

— Алло?

— Да?

— Привет, — ответила она.

— Боже, как давно я тебя не слышал!

— Я знаю, прости за это.

— Не извиняйся. Как ты?

— Нормально.

— Ты в курсе, что я тебе звонил?

— Знаю.

— Еще когда у тебя все пошло прахом из-за статьи и университета…

— Я знаю, — повторила она, — мне стоило взять трубку. С меня причитается.

— Брось.

— Нет, не спорь. Мне очень жаль, просто я… я была не в состоянии разговаривать.

Повисла тишина.

— Ты просто так звонишь?

— Хочу попросить об услуге, — ответила Рейчел.

— Любой каприз, ты же знаешь.

Как раз в этом она не сомневалась. Рейчел кашлянула:

— Ты читал о побеге моего зятя из тюрьмы? Не знаю, доходят ли такие новости до…

— Да, мне известно, о чем речь.

— Я надеялась, ты сможешь кое-чем помочь.

Он явно заколебался:

— Послушай, Рейчел, где ты сейчас?

— В каком смысле?

— Ты дома?

— Нет, я… — (Стоит ли говорить?) — Я неподалеку от Бостона.

— Отлично!

— Это почему?

— Сможешь приехать в ресторан «Торо» на Вашингтон-стрит? Скажем, через час?

— Постой, ты что, вернулся?

— Лучше обсудить это с глазу на глаз, не возражаешь?

Она не возражала.

— Буду счастлив увидеть тебя, Рейчел.

— Я тоже хочу повидаться, — ответила она.

— Тогда в «Торо», — повторил он, — через час.

— До встречи.

* * *

Квартал, в котором расположился «Гараж Поупа», выглядит подозрительно.

Очень подозрительно.

Я осматриваюсь за рулем авто, на котором Рейчел приехала в Ревир и которое якобы не в розыске; на мне одна из бейсболок Даги и его же очки «Рэй-Бен». Маскировка так себе, конечно, однако не думаю, что полиция выставит кордон между Ревиром и Молденом. Раз они знают, что я здесь, значит каким-то образом выследили меня на вокзале, а вот про машину им точно ничего не известно. Точно или наверное. В любом случае, риск вроде бы невелик.

Хантинг-стрит на окраине молденского центра — это причудливая мешанина жилых домов и автомастерских, поэтому «Гараж Поупа» втиснулся точно между «Автоцентром Эла» и «Автомастерской Гарсии», через дорогу от кузовного цеха и «Ремонтной мастерской Молдена». Я, конечно же, высматриваю копов, их фургоны, что угодно подозрительное — но сегодня эта городская магистраль пустует, хотя обычно забита под завязку. И это также подозрительно.

«Автоцентр Эла» стоит закрытым, то же самое

с точкой Гарсии и «Ремонтом Молдена». И не просто закрытыми, а точно вымершими: шторы задернуты, свет не горит, внутри ни движения. Как же мне это не нравится…

И вот появляется человек, один на всю улицу. Это мужчина в синем рабочем комбинезоне с именем, выведенным на груди при помощи трафарета и абсолютно нечитаемым с такого расстояния. Подобно сигнальщикам на взлетно-посадочной полосе, он машет мне рукой, указывая на единственный распахнутый отсек «Гаража Поупа». Я сворачиваю с Хантинг-стрит к широкому, темному проему, похожему на вход в пещеру; кажется, он вот-вот меня проглотит. Глядя в распахнутую пасть гаража, я колеблюсь, и в этот момент из темноты, точно призрак из могилы, возникает Скунс. Бледный, с жирными волосами, зачесанными назад, из-за чего белый чуб бросается в глаза еще сильнее, Скунс одной улыбкой вызывает холодок по спине. Он не слишком постарел, если вообще не законсервировался. Его костюм весь блестит и переливается на утреннем солнце.

Вот Скунс отходит в сторону и жестом манит меня заехать внутрь. Честно, а какой у меня выбор?

Пока я заезжаю, Скунс шагает впереди авто и показывает, чтобы я не останавливался. Но в какой-то момент он останавливается и движением руки требует от меня того же. Я торможу. Дверь гаража за мной захлопывается.

Мы один на один.

Стоит мне выбраться из машины, как Скунс приближается с широкой улыбкой: «Дэйви!» Он лезет обниматься — вот уже третий человек за сутки и за последние пять лет, — но это объятие не греет, а колет; я словно прижат к журнальному столику. От Скунса пахнет дешевым европейским одеколоном. Даже в тюрьме мне не приходилось нюхать ничего хуже.

— Дэйви, — повторяет он, отстранившись, — отлично выглядишь!

— Ты тоже, Кайл.

— Мне очень жаль, — произносит он.

А потом его кулак с силой врезается мне в живот.

Поганая, конечно, ситуевина, но ее я предвидел. Тюрьма, этот великий гуру, учит всегда быть начеку, причем учит каждый божий день. В Бриггсе ты снова превращаешься в первобытного человека, всегда настороженного, всегда готового к любой опасности. Учась в старшей школе, я был

атакующим в команде по лякроссу, и мой тренер все время выкрикивал: «Нос по ветру!» — напоминая о контроле слепых зон. Так вот, держать нос по ветру — это самое жизненное правило в тюрьме.

Поэтому я успеваю податься в бок и напрячь мышцы живота. Удар я все-таки пропускаю, но он приходится не в самое уязвимое место. Костяшки пальцев Скунса задевают бедренную кость, и держу пари, что ему сейчас больнее, нежели мне. Дальше я реагирую чисто инстинктивно, не слушая другую часть меня, которая твердит, что мне не победить, что Скунса еще нужно расспросить о Хильде Уинслоу… Да к черту! Ничего-то он мне не расскажет, нужно было с самого начала догадаться. Мой единственный вариант — выбить из него правду.

Еще до того, как кулак Скунса достиг цели, я начал замах правой рукой, напрягая трапециевидную мышцу и перенося свой вес ниже и левее; так мне удается и нейтрализовать его удар, и быстро перейти в контратаку. Спрятав большой палец под остальными, наношу мощный удар сбоку по черепу — сквозь всю руку пробегает вибрация, как у камертона, но мне некогда отвлекаться на это. Я знаю Скунса, знаю тысячу

проявлений его жестокости и свирепости, и, если я сдамся, он просто меня убьет. А вообще, это верно для любой драки — большинство людей не понимают, что смерть в драке нельзя назвать случайной. Любая увиденная вами стычка, будь то разборка пьянчуг в баре или безголовых фанатов футбола, может окончиться тяжкими увечьями или чьей-то гибелью.

Словив удар в голову, Скунс пошатывается, ну а я вытянутой ногой в развороте попадаю стопой ему в голень. Это не сбивает Скунса с ног, но явно выводит его из равновесия. Он пытается бежать, надеясь увеличить дистанцию между нами, однако я ему не позволяю: я прыгаю на него и опрокидываю на пол. Он сильно ударяется животом и тут же барахтается подо мной. Мне остается только лишь перевернуть его на спину, воссесть на грудь и приготовиться бить его по морде обеими кулаками. Так сказать, подготовить Скунса к нашей беседе о Хильде Уинслоу.

Однако я успеваю сжать только правый кулак, потому что от дверей раздается: «Стоять! Полиция!»

Мой желудок ухает вниз, когда, обернувшись, я вижу полицейского, наставившего на меня пистолет. Затем появляется еще один, тоже с

пушкой. Следом — еще один… Я лихорадочно размышляю, что теперь делать, игнорируя тихий внутренний голос, напоминающий мне о Скунсе.

И вот меня бьют по голове чем-то твердым. Монтировкой? Прикладом? Мои глаза закатываются, тогда кто-то — наверное, один из копов — бьет меня по спине. Я соскальзываю со Скунса, чувствую, как еще один коп прыгает уже на меня, и, как бы я ни пытался обороняться, меня скручивают и укладывают на живот. Копы тянут мои руки за спину. Я понимаю скорее по звуку, нежели по ощущениям, что на меня надевают наручники. Как вдруг еще один удар прилетает мне сбоку по голове — и окунает меня во мрак. Я успеваю только вдохнуть, прежде чем утопаю в нем.

* * *

Сидя в поезде, Рейчел написала Дэвиду, что отъедет по делам, не уточняя, куда и зачем. Ей пришлось дойти до вокзала, ведь Дэвид взял ее машину, а на резервный телефон нельзя было поставить приложение для вызова такси. Снова и снова она смотрела на часы. Дэвид отсутствовал почти целый час и за все это время не написал ни слова. Она опасалась худшего — хотя в подоб-

ных ситуациях нередко приходится нервничать, подумала она так, словно ей часто приходилось в них оказываться. Но опасения не должны были мешать ей двигаться вперед. Если этот Скунс что-то сделал Дэвиду, она не сможет помочь. Равно как и в том случае, если Дэвида найдет и арестует полиция.

Ей оставалось сосредоточиться на собственном деле.

Прибыв в «Торо», она вдруг подумала об отвлеченном, а именно — о своей новой прическе, которую ей сделали в Нью-Йорке. Прическа была нужна для маскировки, и Рейчел стало интересно, узнает ли ее человек, к которому она ехала, да еще после столь долгой разлуки?

Ответ на этот вопрос она получила мгновенно. Еще с порога Рейчел увидела, как он встает из-за столика и расплывается в самой теплой улыбке. Она тоже улыбнулась и на кратчайшее мгновение даже забыла, зачем она здесь, точно провалившись во временной портал. Вдруг вся эта встреча показалась ей своего рода воссоединением, полным глубины и печали, поскольку разрыв был связан с большой трагедией. Она спрашивала себя: как они оба позволили их дружбе разрушиться? Но ведь такова была жизнь.

Люди заканчивают колледжи, люди переезжают, люди меняют работу и встречают новых людей, создают семьи, разводятся и так далее. И тут как ни пытайся поддерживать связь, проверяя соцсети и время от времени строча сообщения старым друзьям, — годы пролетели без следа. И внезапно — вы снова вместе, хотя ехали всего лишь поговорить об услуге.

На пару секунд они замялись, не зная, как лучше поприветствовать друг друга; но затем Рейчел просто обняла его, он ее тоже — и стольких лет разлуки как не бывало. Ведь трагедии, подобные той, что объединила этих двоих, не позволяют расстаться навек.

— Рад тебя видеть, Рейчел, — сказал он и пробыл в ее объятиях еще мгновение.

— И я тебя, Хейден.

Глава 28

Я просыпаюсь. На мне наручники, а вокруг обстановка как в маленьком самолете. Это конец.

То ли Скунс, то ли Фишеры капнули на меня копам. Воистину, я идиот! А чего еще я, собственно, ожидал? Один раз эти ребята уже подставили меня, чтобы я сел якобы за убийство сына, так почему я оказался настолько тупым и не подумал, что они захотят снова упрятать меня за решетку?

Мне удается вытянуть шею и оглянуться назад, правда с трудом, поскольку наручники прикованы к подлокотнику. У нас тут двое лысых громил в черных футболках и синих джинсах, они сидят позади меня, уткнувшись в смартфоны. Полицейские в штатском? Федеральные агенты? Понятия не имею.

— Когда мы приземлимся? — спрашиваю я.

— Заткнись! — бросает мне сидящий в проходе громила без отрыва от телефона.

За отсутствием альтернатив, я решаю послушаться. А уже через полчаса самолет приземляется, и эти ребята тут же отстегивают ремни безопасности и идут ко мне. Без предупреждения

один из них набрасывает мне на голову черный мешок, пока другой возится с наручниками.

— А мешок-то зачем? — интересуюсь я.

Тогда Первый Громила снова велит мне заткнуться.

Я слышу, как открывается дверь самолета, поэтому встаю — и тут кто-то толкает меня вперед. Шестым чувством я понимаю: что-то не так, еще до того, как мы сходим на взлетно-посадочную полосу, — и понять, что именно не так, мне не мешает даже накинутый на голову мешок.

Мы не в Бриггсе.

Здесь слишком жарко и влажно, я моментально вспотел. Пусть я не могу видеть тропики, зато ощущаю их, обоняю, пробую на вкус и почти касаюсь. Да и солнце так печет, что его лучи проникают даже сквозь черный мешок.

Это точно не штат Мэн.

— Где мы, черт вас дери?! — спрашиваю я.

Кругом все молчат, что вынуждает меня добавить:

— Разве вы не должны сказать, чтобы я заткнулся?

Двое громил заталкивают меня в автомобильный кузов с включенным кондиционером. Вся поездка занимает, должно быть, минут десять,

хотя трудно следить за временем без часов, с мешком на голове и все время помня, что тебя вот-вот бросят в тюрьму на всю оставшуюся жизнь. И все-таки поездка кажется очень недолгой. Когда авто (кстати, высокое, наверняка какой-то внедорожник) тормозит, громилы выпихивают меня наружу, на раскаленную мостовую — я чувствую жар даже сквозь подошвы ботинок. Здесь звучит музыка — такая, что хочется оглохнуть. Какой-то инструментальный микс кантри и рока, вроде треков «Карнивал», под которые у бассейнов обычно проводят конкурсы на самую волосатую грудь.

Знаю, сейчас вам кажется, будто мне все нипочем. Самое странное, что именно так я себя и чувствую. Часть меня подавлена, потому что я опять подвел своего сына. Еще часть совсем приуныла от перспективы вернуться в тюрьму, если не хуже. Ну и еще часть — напугана. Но любопытствует. Потому что — какого черта, ей-богу, я делаю в тропиках?

Однако есть еще одна, возможно, самая большая часть меня, которая только сейчас шлет все известным адресом.

Сбегая из тюрьмы, я автоматически дал согласие на совершенно чокнутую вылазку, которая

теперь заканчивается самым ожидаемым образом. И с этим ничего не поделаешь. Не скажу, что совсем не переживаю, но впасть в панику себе тоже не даю. Возможно, так проявляется мой инстинкт выживания.

Двое головорезов (как я все же предполагаю, не имея возможности их рассмотреть) хватают меня под руки и провожают, в смысле тащат, в какой-то дом. Подо мной оказывается стул. Какое счастье, что и здесь кондиционер установлен на самый прохладный режим. Такой прохладный, что я начинаю мечтать о толстовке.

Тут меня хватают за запястье и, случайно защипнув кожу, стаскивают наручники.

— Не рыпайся, — предупреждает Первый Громила.

Я сижу тихо-тихо на своем жестком стуле и пытаюсь спланировать мой следующий шаг, но все варианты настолько беспросветны, что мозг старается спрятать их от меня. Мне точно конец. Судя по звукам, вокруг меня расхаживают трое или четверо человек, отвратительная музыка продолжает звучать, исходя будто бы из громкоговорителя. Но потом с меня (вновь без предупреждения) стягивают мешок, и свет неожиданно заливает глаза. Помаргивая, я смот-

рю вверх. Всего в нескольких дюймах от моего лица стоит морщинистый старичок в соломенной шляпе и желто-зеленой гавайской рубашке с марлинами. На вид старичку лет восемьдесят. За его спиной возвышаются те самые головорезы, нацепив солнцезащитные очки-авиаторы и скрестив руки на груди.

— Вставай, Дэвид. — Старичок подает мне руку в пигментных пятнах. — Давай прогуляемся.

Его голос напоминает звук старых шин на дорожном гравии. Ему нет нужды представляться: я знаю, кто он, и ему об этом известно. Не раз видел его на снимках, правда не стариком, а крепким и опасным, как бомба, мужчиной в окружении таких же громил. Но даже сейчас, сгорбленный из-за груза прожитых лет, он все еще выглядит очень опасным.

Его зовут Ники Фишер. В другую эпоху он точно слыл бы крестным отцом или доном, ну вы понимаете. Когда я еще был школьником, его имя произносили исключительно шепотом, как сейчас произносят имя Волан-де-Морта. Да что там, мой отец еще не был полицейским, а Ники Фишер уже рулил преступным синдикатом на территориях Ревира, Челси и Эверетта.

Именно ему подчиняется — или подчинял-

ся? — Скунс.

На улице я немедленно морщусь от солнца, глядя по сторонам. Где же я, черт побери? Кругом и впрямь тропики, но такое чувство, будто Дисней однажды перебрал с мохито и отгрохал версию «Эпкота» для пенсионеров. Что жилой комплекс, что тупичок выглядят по-мультяшному кругло — того и гляди навстречу мне выйдут Флинстоуны. Все дома одноэтажные, с пандусами для инвалидов, и построены из какого-то подозрительно чистого сырцового кирпича. В тупичке расположен гигантский фонтан со светомузыкой — ее-то я и слышу без перерыва.

— Слыхал, что я вышел на пенсию? — начал Ники Фишер.

— Да мне было как-то не до новостей, — отвечаю я, с трудом пряча сарказм в голосе.

— Ах да, конечно. Тюрьма. Сильно же я тебя подвел.

— Мистер Фишер, что вы сделали с моим сыном?

Тут Ники Фишер останавливается и смотрит на меня, вытянув шею. Его голубые глаза будто пронзают мои острыми льдинками — мне приходит в голову, что десятки и сотни людей ушли на тот свет, взирая на эти глаза.

— Я не трогал твоего сына, — отвечает Ники Фишер. — Так мы дела не ведем, малышей не обижаем.

Я изо всех сил стараюсь не скривиться. Знаю я этот их кодекс честности, знаю и презираю. Малышей мы, значит, не обижаем, церкви десятину платим, соседям помогаем, а ведем себя при этом как полные социопаты, пытаемся прикрыть тот факт, что мы — преступники!

— Мы сейчас в Дейтона-Бич, — говорит Ники Фишер, — штат Флорида. Бывал когда-нибудь?

— До сих пор не приходилось.

— Так или иначе, я решил провести старость именно здесь.

Мы обходим фонтан. Пляшущие струи воды плещут на искусственный мрамор, мягко обдавая нас мельчайшими брызгами. Как хорошо… За нами на почтительном расстоянии следуют оба громилы, а вокруг бесцельно разгуливают прочие пенсионеры, обмениваясь с нами кивками.

— А большую вывеску в дороге ты видел? — спрашивает Ники Фишер.

— Так на мне же мешок был.

— Точно-точно, — вспоминает Ники. — Кстати, этого делать я им не говорил. Мои мальчики вечно сгущают краски, понимаешь, о чем я? И

за Скунса тоже прости. Сам знаешь, он такой, какой есть. Ему надо было просто посадить тебя в самолет, и я предупреждал его: пальцем трогать не смей! А он разве послушался? — Ники кладет руку мне на плечо, и я стараюсь не отшатнуться. — Дэвид, ты же не в обиде?

— Все нормально.

— Да и вся эта сцена с подставными копами оказалась такой нелепой, хотя Скунс, конечно, здорово это придумал. Он хотел заставить тебя поверить, что тебя везут обратно в тюрьму. Забавно, правда?

— Животики надорвешь.

— Это было уже чересчур, но Скунс есть Скунс. Я попрошу его больше так не делать, договорились?

Мне трудно подобрать слова, и я просто киваю.

— В общем, та вывеска над въездом гласит: «Набережная». Просто Набережная. Так назвали эту деревеньку. Глупо, конечно. Я возражал, хотел другое название, причудливое, с выдумкой, понимаешь? И чтобы оканчивалось на «мьюс», или «виста», или «заповедник». Но название выбирали большинством голосов, так что… — Ники пожал плечами и вернулся к прогулке. — А чуть дальше находится другое поселение для преста-

релых, и знаешь, как называется оно?

— Нет, не знаю.

— Маргаритавиль! Как в песне. Слышал же наверняка?

— Песню? А как же.

— «Прожигаю новый день, мой Маргаритавиль»… Или «прошагаю»? Не помню. А все-таки поселение так и зовется. Вообрази: на свете есть пенсионное общество имени Джимми Баффета! И не одно, между прочим. Второе в Южной Каролине, третье… Забыл где, но, наверное, в Джорджии. Далось же им всем это название. Оно больше подходит дрянной сети пиццерий.

Я молчу, потому что само это место похоже на дрянную пиццерию.

— В любом случае это подало мне отличную мысль. Я ведь никогда в своей жизни, чтоб ты знал, не лежал на пляже, глотая «Маргариту». Предпочитаю иные виды отдыха, если угодно. Поэтому мы организовали кое-что интересное прямо здесь, на Набережной. Идем за мной, я тебе покажу.

Мы прогуливаемся по тротуару в тени высаженных пальм до знака с яркими стрелками. Все они указывают в разные стороны. «Бассейн» — написано на одной. «Кафе» — сообщает другая.

Третья, ведущая влево, именуется «Променад». Мы идем влево, Ники Фишер молчит, но я чувствую его взгляд. Только когда мы выходим на открытую местность, я понимаю, что он ждал моей реакции. Ведь перед нами слева направо простирается гигантская дощатая набережная, явно не старая, а специально состаренная. Еще одна постройка в стиле Диснея… Выглядит красиво, но ощущается как эпизод из «Сумеречной зоны» пятидесятых годов. Здесь есть аттракционы, автоматы для видеоигр, автоматы с газировкой, ларьки с недорогими лакомствами и карусель — причем все аттракционы работают, но никто не катается, отчего ощущение ирреальности только усиливается. Сахарной ватой торгует какой-то мужик в галстуке-бабочке и с завитыми усами, другой разгуливает в костюме Мистера Арахиса из рекламы «Плантерс». На стенде я вижу приглашение поиграть в скибол, пинбол и мини-гольф.

— Набережная, — говорит Ники Фишер, — да еще какая! Мы хотели построить здесь свой пляж Ревир-Бич, но также вдохновлялись Кони-Айлендом, Атлантик-Сити и даже Венис-Бич в Калифорнии! Как видишь, среди аттракционов есть «американские горки» и колесо обозрения, только сидушки там помягче, нежели раньше,

они идеальны для наших дряхлых костей. — Ники Фишер дружески хлопает меня по руке и улыбается: — Не правда ли, это фантастика? Ты словно круглый год в отпуске, и в конце концов — почему бы и нет? Разве мы не заслужили?

Ясно, он поглядывает на меня так, чтобы я со всем соглашался. Я пытаюсь кивнуть, но получается не слишком-то восторженно.

— О, а теперь позволь показать тебе главную жемчужину, Дэвид. Вон там. Как бы мне хотелось привести сюда твоего старика и посмотреть на его реакцию… Знаю, знаю. Мы всю жизнь враждовали, Ленни и я, но разве это ему бы не понравилось?

Ники Фишер указывает на белую будку с вывеской «Неаполитанская пиццерия». За прилавком — трое мужчин в белых фартуках, а перед ними — табличка с надписью «Настоящая итальянская кухня» и какой-то напиток под названием «Коутс Тоник, С. В.». Я вопросительно смотрю на Ники, и тот восклицает:

— Да это же копия старой пиццерии из Ривер-Бич, которая позже стала называться «Пиццерия Сэла»! Ты только представь, так она и выглядела в тысяча девятьсот сороковом году. Присаживайся, я заказал нам парочку. Ты ведь любишь

пиццу? — Тут Ники Фишер подмигивает мне, и от этого становится невообразимо жутко. — Если ты скажешь, что не любишь пиццу Сэла, я прикажу Джоуи всадить тебе пулю в мозг, чтобы ты не мучился за ужином! — И он хохочет над собственной шуткой, хлопая меня по спине.

Вскоре один из поваров приносит нам, сидящим под пляжным зонтом и двумя холодными вентиляторами, две маленькие пиццы. И уходит, оставляя нас одних.

— Как там твой старик? — спрашивает меня Ники Фишер.

— Он умирает.

— Да, мне сообщили. Сожалею.

— Мистер Фишер, зачем я здесь?

— Прошу, зови меня просто Ники. Дядей Ники!

Я не откликаюсь; ну уж дудки: не стану я звать его «дядя Ники»!

— Ты здесь для того, — продолжает он, — чтобы мы побеседовали немного.

Речь Ники Фишера будто списана с киношных гангстеров. Я успел повидать много крутых парней, и никто из них не общался так, как Ники. Один наемный убийца, отбывающий пожизненное в Бриггсе, рассказывал мне, что с возросшей популярностью фильмов про гангстеров насто-

ящие мафиози стали подражать киношным. Бывает, жизнь подстраивается под искусство…

— Я вас слушаю.

Тогда он наклоняется вперед и смотрит на меня снизу вверх. Наконец-то время для серьезного разговора. Становится тихо, даже музыка на фоне умолкает.

— Мы с твоим отцом никогда не ладили.

— Он работал в полиции, — отвечаю я, — а вы держали преступный синдикат.

— «Преступный синдикат», — с легким смешком повторяет Ники. — Красивые слова. Твой отец ведь тоже не был белой овечкой. И ты это знаешь, не правда ли?

Я предпочитаю не отвечать. Он смотрит на меня еще какое-то время, из-за чего даже в этом тропическом аду мне становится прохладно.

— Ты любишь своего старика?

— Очень.

— Он был хорошим отцом?

— Лучшим в мире, — признаюсь я и тут же спрашиваю: — При всем уважении, э-э… Ники, почему я все-таки здесь?

— Потому что и у меня есть сыновья. — Теперь он слегка огрызается. — Припоминаешь? Трое чудесных мальчиков.

Припоминаю и… Ага, теперь я почти уверен, что разговор будет не из легких.

— Вернее, у меня *было* трое чудесных мальчиков. Ты помнишь, что стало с моим Майки?

И это я помню: Майки Фишер умер в тюрьме еще лет двадцать назад. Там, куда его засунул мой отец. Убедившись, что я не отвожу взгляда, Ники Фишер добавляет:

— Это дело начинает проясняться для тебя, сынок?

Как ни странно, боюсь, что в самом деле начинает.

— Мой отец отправил вашего сына в тюрьму. Вот и вы отплатили ему той же монетой…

— Близко, — говорит он, и я жду продолжения. — Как я уже сказал, твой отец был не очень-то справедлив. Он и его напарник Маккензи арестовали Майки за убийство Лаки Крейвера. Майки должен был просто помучить Лаки, но, увы, моего мальчика частенько заносило… Ты был знаком с Лаки?

— Нет.

— Нельзя прожить жизнь счастливо с таким-то именем[4], что и стало очевидно под самый ее ко-

---

[4] Примечания: 4

Лаки (*англ.* Lucky) — Везунчик (от *англ.* luck — счастье, удача).

нец… Но как бы там ни было, твой старик пришел и взял Майки под стражу. Не мне тебе рассказывать. Но беда в том, что твой старик с Маккензи не смогли доказать, что именно он убил Лаки. В смысле, все и так знали, что это сделал Майки. Но одно дело — знать, а другое — доказать в суде, я прав?

Я не отвечаю.

— Твой отец носом пропахал это дело, без сомнения. Отыскал ряд ключевых свидетелей, привел бывшую Лаки для дачи показаний. Но, видишь ли, копы обязаны следовать правилам. А вот я — нет. Вот почему я послал своих приятелей, чтобы те кое-что объяснили свидетелям. Твой старый приятель Скунс им очень понравился, и внезапно у всех свидетелей слегка отшибло память. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Да, понимаю.

— Бывшая Лаки оказалась немножко упрямее, но и с ней мы в итоге договорились. А кроме того, в полицейском шкафчике хранились улики: «ангельская пыль», отбойный молоток… И вот они испарились куда-то — пуф-ф-ф! Из-за этого твоему старику нелегко было вести это дело. Он, должно быть, очень переживал.

Я сижу не двигаясь и едва дышу.

— И вот тогда твой отец и Маккензи перешли черту, внезапно придумав новые доказательства! Не стану останавливаться на том, как им это удалось, поверь, это не важно. Однако те фальшивые улики, из-за которых мой сын оказался в тюрьме, подложили именно эти двое. — Ники Фишер смакует откушенный кусочек пиццы и откидывается на спинку стула. — Почему ты не ешь?

— Потому что внимательно слушаю.

— Не умеешь слушать и есть? — Он по-прежнему жует. — Понимаю. Тебе нужны подробности, но ты и так уже наверняка видишь всю картину. Моего Майки признали виновным, что не так уж и важно, ведь я договорился с другим судьей, моим другом, чтобы тот отменил приговор. Я сказал Майки сидеть тихо в общей камере и просто выждать пару недель, но характер ему не позволил. Мой Майки был милым мальчиком, только очень вспыльчивым. Мнил себя крутым только потому, что его отец считался авторитетом. Он нарвался во дворе на драку с двумя большими парнями из банды Дорчестера. Один из них держал Майки за руки, а другой ударил моего сына ножом прямо в сердце. Но ты это и так знаешь, верно?

— Да… В смысле, я об этом слышал.

Ники Фишер подносит ко рту очередной кусок,

однако не кусает из-за нахлынувших воспоминаний. Он опускает заблестевшие глаза, и в его голосе я слышу гнев, ярость и тоску.

— Поверь, ты не пожелаешь знать, что стало с теми парнями. Скажу лишь, что им долго пришлось умолять…

Не дождавшись продолжения, я спрашиваю:

— Вы причиняли боль моему сыну?

— Нет! Я ведь уже говорил, я не такой. И первое время я даже не винил твоего отца, но, знаешь, когда живешь с этим годы… Однажды я прочел в газетах о том, что ты убил своего сына.

— Я не…

— Тише, Дэвид, просто послушай. Ох, до чего торопливая пошла молодежь! Тебе нужно узнать больше или нет?

Я признаюсь, что мне действительно нужно.

— Итак, твой отец не гнушался прогибать закон, когда мог извлечь из этого выгоду. Ровно так он поступил с Майки. Мы ведь с тобой знаем, что многие копы ведут себя нехорошо. Например, подбрасывают пакетики с наркотой в чужую машину или кладут оружие рядом с безоружным, пытаясь скрыть собственную шальную пулю… Ну, да что я объясняю. Ну а после того, как твоего сына… Как его звали?

— Мэттью, — сообщаю я и сглатываю.

— Точно, прошу прощения. Так вот, после того как твоего сына Мэттью убили, один коп обнаружил ту самую бейсбольную биту в твоем подвале.

— Ее нашли вовсе не в подвале, — морщусь я.

— Нет-нет, именно там.

Но я качаю головой.

— Ты спрятал ее там, сунул в вентиляционное отверстие или в трубу, да мало ли мест.

Даже продолжая все отрицать, я, кажется, понимаю, куда он клонит. Или я понял это, уже когда мы сели за столик?

— Так на чем я остановился? Ах да, верно, бейсбольная бита. Ее нашел в подвале новичок из полиции, кажется, его звали Роджерс. Почему я помню его имя, сам не знаю… И значит, этот Роджерс мечтал подлизаться к твоему старику. «Мы — тонкая голубая линия» и так далее. Он рассказал о бите твоему отцу, а уж тот-то знал, что раз бита нашлась, то недолго тебе, сынок, разгуливать на свободе. Да ты, считай, покойник с того момента, как об улике прознает окружной прокурор. Но твоего старика это не устраивало, он жаждал защитить своего мальчика! Однако не мог же он уничтожить улику: последствия

не заставили бы себя ждать. — Ники Фишер улыбается, я вижу на его нижней губе томатный соус. — Ты уже и сам догадываешься, что решил сделать твой отец, не правда ли? Ну же, Дэвид. Скажи, что догадываешься.

— Вы думаете, это он зарыл бейсбольную биту в лесу?

— Нет, не просто думаю. Я это знаю.

С ним бессмысленно спорить.

— Весьма умный ход. Ведь если бы убийцей был ты, бейсбольная бита нашлась бы в тайнике посреди подвала, в вентиляции например. Но если убийца — кто-то другой, то чего удивительного, что тот сбежал, а заодно бросил или закопал биту где-то поблизости.

— Все было не так, — качаю я головой.

— Все было в точности так. Ты, Дэвид, убил своего сына, после чего спрятал оружие, решив избавиться от него при первой возможности. — Ники Фишер наклоняется через стол и снова улыбается маленькими острыми зубами. — Все отцы и дети ведут себя одинаково. Я бы сделал все, чтобы Майки не угодил за решетку, даже зная, что тот виновен. Точно так же решил и твой отец.

Я могу сколько угодно качать головой, однако

от его слов веет правдой. Мой родной отец, человек, которого я люблю больше всех на свете, действительно считал меня убийцей внука… Эта мысль пронзает сердце.

— У окружного прокурора возникла проблема, — продолжает Ники Фишер. — В ночь убийства шел дождь, и размыло весь лес, повсюду была одна грязь. А когда криминалисты осмотрели всю твою одежду и обувь, то не обнаружили ни пятнышка. Ни следа слякоти. Выходит, когда твой старик решил перенести улику с тем, чтобы ее нашли в лесу, он спас тебя от тюрьмы, а это не устраивало уже меня. Понимаешь, о чем я?

Я киваю: теперь все и впрямь яснее некуда.

— Значит, вы заставили Хильду Уинслоу подтвердить, что это именно я закапывал биту.

— В точку!

— Вы все подстроили.

— Да.

— Вы хотели таким образом отомстить за Майки?

Ники Фишер тыкает в меня пальцем:

— Если ты еще раз произнесешь имя моего мальчика, я вырву твой язык и съем его вместе с этой пиццей.

Я затыкаюсь.

— И ради всего святого, ты слышал хоть одно сказанное мною слово?! — рявкает он, ударяя кулаками по столу; его телохранители переглядываются между собой, но ничего не предпринимают. — Мною двигала не жажда мести, а стремление поступить правильно!

— Я не понимаю…

— Я сделал это, — цедит он, и теперь я слышу в его голосе неподдельную угрозу, — потому что ты убил собственного сына, больной, никчемный сукин ты сын.

Поверить не могу…

— Твой старик и я, мы оба это знали. О, может, ты и сделал это в беспамятстве или в невменяемом состоянии — я не знаю, но мне насрать. Окружной прокурор чуть не взял тебя за жопу, и тогда твой отец, заслуженный офицер, который подделал улики против моего сына, придумал, как избавить тебя от подозрений. Видал когда-нибудь статуэтку Госпожи Справедливости? Когда твой отец положил палец на одну чашу весов, я положил свой палец на другую. Теперь дошло?

У меня нет слов.

— Правосудие свершилось. Ты сел в тюрьму и мотал положенный срок — во имя вселенского баланса, мать его! Но теперь возникла проблема.

Мой сын, мой Майки, все еще мертв, а ты, Дэвид, сидишь здесь, живой и здоровый, наслаждаешься чертовой пиццей!

Между нами повисает такая мертвая тишина, будто весь променад разом вымер. Ники Фишер продолжает тихим голосом, но тот взрезает влажный воздух подобно косе жнеца:

— Я стою перед нелегким выбором. Либо я возвращаю тебя в тюрьму — ведь пожизненный срок, по моему мнению, равен смерти, — либо я тебя убиваю, а мои ребята бросают твое тело аллигаторам.

И он принимается вытирать руки о салфетку с таким видом, словно уже все решил.

— Вы ошибаетесь, — бросаю я.

— И в чем же?

— В том, что сделанное моим отцом не равно тому, что совершили вы.

— Почему не равно?

— Майки… — я рискую назвать это имя еще раз, — совершил преступление, вы сами сказали.

— О, и сейчас ты скажешь, что сам, в отличие от него, невиновен? — усмехается Ники Фишер и жестом подзывает к нам своих громил.

Глядя, как те приближаются, я размышляю, стоит ли продолжать беседу. Здесь полно пенсио-

неров, и если я побегу, может, громилы просто не рискнут в меня стрелять? И все же убежать мне вряд ли удастся, но можно попробовать другой вариант.

Поэтому я смотрю прямо в эти бездушные льдисто-голубые глаза и говорю:

— Я не просто невиновен… Мой сын жив.

А затем я рассказываю ему все. Буквально все, что знаю. Я сыплю доводами, перечисляю их с таким пылом, такой напористостью, что и сам изумляюсь. Ники Фишер уже скомандовал громилам «по местам», а я все продолжаю говорить, — он молча слушает, не выказывая эмоций.

Едва я заканчиваю, как Ники Фишер берет еще салфетку. Не торопясь разглядывает ее, складывает пополам, затем вчетверо и аккуратно кладет обратно на стол.

— Не история, а бред сумасшедшего, — резюмирует он.

— Я говорю правду.

— Твоя правда не вернет мне сына, ты ведь понимаешь.

— Тут я бессилен.

— И верно, тут ты бессилен, — качает он головой. — А ты ведь в самом деле веришь в то, что

говоришь.

Я не знаю, вопрос это или утверждение, но на всякий случай отвечаю:

— Да.

— А я вот не верю. — Уголок его рта слабо дергается. — От твоей истории несет дерьмом.

У меня екает сердце, но тут Ники Фишер усаживается ровнее, моргает, трет в ладонях лицо. Он переводит взгляд на узкую крохотную лагуну, которую здесь жалостливо зовут океаном.

И говорит:

— Но нутром я все-таки чуял: тут что-то не сходится.

— Например?

— Например, действия Филиппа Маккензи.

— И что же вы думаете?

— Он помог тебе сбежать из тюрьмы, я точно это знаю. Вот я и пытаюсь понять: зачем он на это пошел? Уж не ради спокойствия твоего старика. И почему именно сейчас? Впрочем, в голову лезут и другие странности. — Он забарабанил пальцами по столу. — Сразу после побега ты не ушел в подполье, не попытался начать новую жизнь, нет. Ты, как безмозглый психопат, первым делом побежал к нашей подставной свидетельнице, но зачем? А повидавшись с ней, ты вконец теряешь

мозги, — кстати, как у тебя со склонностями к суициду, ты бы проверился, — и затеваешь драку с моими ребятами в Ревире. Со Скунсом, черт тебя дери!

Пусть продолжает, я не стану перебивать.

— Вот же загвоздка, Дэвид: если ты говоришь правду, то я помог посадить тебя за то, чего ты не совершал. Не то чтобы я мнил себя выше этого — поверь, нам уже приходилось уламывать людей взять вину на себя, однако… Не до такой же степени. Потерять ребенка — уже кошмар. Но ошибочно сесть в тюрьму за его убийство?.. Даже не знаю. Мне это претит. Я-то думал, что уравновешиваю чаши весов, ради справедливости для себя и для моего Майки, да и для всего мира, наверное. Ты же понимаешь, о чем я? — Он замирает в ожидании ответа, поэтому я медленно киваю. — Я был уверен, что ты убил сына. Но если ты этого не делал и есть шанс, что твой мальчик все еще жив…

Ники Фишер, качая головой, вновь встает и глядит на лагуну-океан. По его до сих пор влажным глазам я понимаю, что он думает о Майки.

— Ты можешь идти, — произносит он. — Мои парни доставят тебя туда, куда скажешь.

На меня он и не смотрит, а я не рискну его пе-

ребивать.

— Я уже стар. Я совершил в жизни немало ошибок и перед смертью, верно, позволю себе еще парочку. Не мое дело заискивать перед парнем на облаке — для этого уже слишком поздно. Разве что… Это место, оно для меня не просто дань ностальгии. Иногда я думаю, что именно здесь я смогу стать кем-то новым. Понимаешь?

Нет, не совсем.

— Я был бы рад привезти сюда твоего старика, если он вдруг поправится. Пусть приедет сюда как гость, мы с ним сядем и отведаем пиццы. Думаю, и ему бы этого хотелось, ты со мной согласен?

Я никак не согласен, но, опять же, не спешу это объявлять.

А затем Ники Фишер покидает меня.

Глава 29

— Я взял на себя смелость положиться на вкусы повара, — сказал Хейден. — Уверяю, таких тапас ты еще не пробовала.

Рейчел согласилась, стараясь казаться Хейдену не слишком рассеянной. Оставив телефон на виброрежиме, в мыслях она умоляла, чтобы тот зазвонил, ведь Дэвид не проявлялся уже слишком долго. Страх, что его схватили — или того хуже, — камнем лежал на сердце. Но, переборов его, Рейчел все-таки взглянула в зеленые глаза Хейдена, одетого, как и подобает настоящему богатенькому бездельнику. Его наряд состоял из брюк цвета хаки и синего блейзера с каким-то гербом на груди. Поредевшие волосы Хейдена прилипли к черепу, однако он был по-прежнему красив и моложав, разве что чуть-чуть полноват. Его щеки слегка отвисли, лицо зарумянилось еще сильнее прежнего, и у Рейчел даже мелькнула мысль, что Хейден понемногу превращается в один из старых семейных портретов из музея Пейна.

Последовал обмен любезностями. Хейден прокомментировал ее новую прическу, сказав, что

ему она очень нравится, но сделал это как-то неискренне. О разводе Рейчел он знал из ее же электронного письма, а потому не было нужды обходить эту тему. Сам Хейден несколько лет назад обнаружил, что одна итальянская киноактриса категории В, с которой он некогда встречался, родила от него мальчика по имени Тео, теперь он помогал ей воспитывать сына. Еще Хейден утверждал, что провел за границей большую часть из последних десяти лет, якобы защищая интересы Пейнов в Европе. Рейчел же полагала (возможно, несправедливо), что вместо этого он катался на лыжах в Санкт-Морице и отрывался на Французской Ривьере.

Обсуждая сюжет, который разрушил журналистскую карьеру Рейчел, Хейден произнес:

— Ты всего лишь хотела одолеть старого врага.

— Да, но я перешла все границы…

— Тебя можно понять.

— Знаю, я должна была рассказать тебе…

Но Хейден лишь отмахнулся. Много лет назад он присутствовал на той самой вечеринке в честь Хеллоуина в Лемхоллском университете, когда они с Рейчел учились на первом курсе. В тот вечер он и она, наряженная, как Мортиша Аддамс, столкнулись возле бочки с пивом, немного по-

флиртовали. Ее это веселило, ведь она знала, кто такой Хейден Пейн, — в их кампусе имена всех представителей богатых семейств были на слуху. Хейден вел себя мило и обаятельно, но сердце Рейчел так и не зажег.

Должно быть, она сильно перебрала на той вечеринке, но погубило ее все же не спиртное. Позже она узнала, что ее накачали наркотиками и где-то через пару часов после знакомства с Хейденом она словно с цепи сорвалась. Думая сейчас об этом, Рейчел ругала прежнюю себя за то, что не следила за своим стаканом, хотя ее сто раз предупреждали.

И был там молодой профессор гуманитарных наук — Эван Тайлер, чья мать входила в попечительский совет. Он-то и подсыпал наркотик ей в напиток. Остаток ночи прошел для Рейчел как в тумане. Сохранились лишь обрывки воспоминаний, видений, которые проступали сквозь пелену: вот ее разорванная одежда, вот его кудри, а вот его губы на ее губах. Она чувствовала вес Эвана Тайлера, он был словно свинцовый и не давал ей дышать. Рейчел пыталась сказать ему «нет», или позвать на помощь, или хотя бы оттолкнуть его… Этот образ въелся в ее мозг. Эван Тайлер. На ней. С маниакальной ухмылкой, пол-

ный ликования. Разумеется, этот образ приходил к ней во снах, однако и наяву он не покидал ее, выпрыгивая, словно чертик из табакерки, всякий раз, когда ей удавалось немного расслабиться. Даже сейчас, по прошествии стольких лет, Эван Тайлер был рядом, шел в нескольких шагах позади нее, порой насмехался над ней, хлопая по плечу, чем лишал ее всякой уверенности. Днем и ночью, днями, месяцами и годами он разжигал ее гнев, побуждал работать без устали, собирать материал, добиваться справедливости, гнать из головы ту страшную маниакальную ухмылку, давить на всех, включая Кэтрин Тулло…

Однако в ту ужасную хеллоуинскую ночь, когда Рейчел уже задыхалась и думала, что все кончится для нее еще хуже (или что лучше бы ей потерять сознание и все позабыть), Эван Тайлер вдруг исчез.

Ушла его тяжесть. Раз — и нет ее.

Кто-то мутузил Тайлера. Рейчел пыталась сесть, но мышцы пока не воспринимали поступающие от мозга команды. Так что она просто лежала, склонив голову набок, и слушала первобытный рев Хейдена Пейна. Хейден бил Тайлера, еще, еще и еще. Его кулаки молотили, разбрызгивая кровь по комнате. Казалось, он может вечно вот

так бить и не ослабевать, но тут двое парней услышали шум, ворвались и оттащили Хейдена, иначе Эван Тайлер не пережил бы этой драки, Рейчел в этом ни капли не сомневалась.

Следующие две недели профессор находился в коме.

Рейчел собиралась выдвинуть обвинения, тем более что она была не первой жертвой Тайлера, однако на кафедре дело хотели поскорее замять. Рейчел говорили: разве он недостаточно пострадал? Он ведь в коме, а на заживление травм лица уйдут месяцы. Вдобавок его мать была важной шишкой. И неужели Рейчел нужно похоронить репутацию всего заведения? Ради чего?

Все это ее не волновало — в отличие от судьбы Хейдена. Он был в беде. Избиение Тайлера вышло далеко за рамки самообороны, поэтому семейство Пейн тоже хотело замять ситуацию, хотя его состояние, безусловно, позволило бы Хейдену избежать наказания. В итоге стороны заключили сделку, деньги перекочевали из рук в руки, и все договорились молчать ради всеобщего блага. Но, по сути, вопреки ему.

Спустя много лет Эван Тайлер, чей образ навсегда застрял в мозгу Рейчел, возглавил ее факультет.

А что до Хейдена, он и Рейчел стали близкими друзьями. Как она поняла, такое часто случается, когда двое связаны общей трагедией или общей тайной. В их случае — и тем и другим.

Однажды, когда Дэвид и Шерил приехали в Лемхоллский университет, Дэвид отвел Рейчел в сторонку.

— Этот парень влюблен в тебя по уши, — сказал он тогда.

— Что ты, вовсе нет!

— Возможно, его устраивает роль друга, — добавил Дэвид, — но решать тебе.

Рейчел хотела оставить все как есть, и оказалось, что это была та самая история про дружбу полов в студенческом городке, когда ты нравишься парню, он хочет с тобой переспать, обламывается, потом соглашается быть просто другом, и напряжение между вами исчезает. Да девяносто процентов разнополых друзей узнали бы в этой истории свою. Как бы там ни было, Рейчел и Хейден стали очень близки, в том смысле, что они знали друг о друге достаточно, чтобы ни при каких обстоятельствах не отваживаться на роман. Даже если очень хочется.

— Паэлья с лобстером, — объявил подошедший официант и поставил между ними тарелку.

Хейден улыбнулся — «спасибо, Кен!» — и взял вилку. Паэлья пахла волшебно.

— Не жди, пробуй скорее, — предложил он.

— Я звонила тебе не по поводу Лемхолла и всей той истории, — вдруг сказала она.

— Правда?

— Ты не помнишь, двадцать седьмого мая в парке «Шесть флагов» проходило мероприятие от «Пейн индастриз»?

Хейден нахмурился. Рейчел отметила, что он все еще носит гербовую печатку Лемхолла, эту безвкусицу с пурпурным камешком. Она так и не поняла, что Хейден нашел в этом украшении, однако прямо сейчас он вертел его туда-сюда вокруг пальца, будто это как-то спасало его от стресса. Возможно, что и спасало, и все же она не хотела видеть это кольцо. Пока Рейчел пыталась забыть университет, Хейден почему-то окружал себя напоминаниями о нем.

— Двадцать седьмого мая? — повторил он. — Серьезно, не могу вспомнить. А в чем дело?

Тогда Рейчел достала телефон, провела пальцем по экрану и показала ему фотографию семьи у стенда. Взяв у нее телефон, Хейден внимательно рассмотрел фотографию.

— Припоминаю, — наконец сказал он, возвра-

щая телефон. — Почему ты спрашиваешь?

— Это был какой-то корпоративный праздник, вроде того?

— Вероятно. Мы часто берем уйму билетов в театр, на бейсбол или в парк развлечений, раздаем их сотрудникам и клиентам в качестве бонуса. Ты что, готовишь какой-то сюжет?

— Вы нанимали фотографов, верно? — расспрашивала она.

— Полагаю, что да.

— Я имею в виду фотографов. Если вы их наняли, то, вероятно, они и снимали людей у стенда?

— Еще раз: я полагаю, что да. Рейчел, в чем проблема?

— Можешь достать для меня все эти фотографии?

Глаза Хейдена на мгновение вспыхнули.

— Не понял, что именно?

— Мне нужно их отсмотреть.

— Да для подобных корпоративов, — начал он, — мы иногда арендуем полпарка! Там могли присутствовать пять, десять тысяч человек! Что ты все-таки ищешь?

— Если я расскажу, ты не поверишь.

— Все равно рассказывай. — И тут Хейден добавил: — Я предполагаю, это как-то связано с

побегом твоего зятя.

— Да, так и есть.

— Как ты можешь до сих пор сохнуть по нему, Рейчел?

— Что? Нет, я в жизни не сохла по Дэвиду!

— Но только о нем ты и говорила…

— Хейден, я слышу чуть ли не ревность.

Он улыбнулся:

— Возможно, я действительно ревновал.

Тут было минное поле, которое лучше было обойти стороной.

— Ты мне доверяешь? — спросила Рейчел.

— Ты прекрасно знаешь, что да.

— Сумеешь добыть для меня фотографии?

Хейден взял стакан с водой, сделал глоток.

— Сумею.

— Спасибо.

— Что еще нужно?

Рейчел так и знала, что он это спросит.

— Еще услуга, уже посложнее.

Тут к ним подошел официант со вторым блюдом.

— Хамон иберико с икрой, — объявил он, и Хейден вновь поблагодарил его. — Наслаждайтесь.

— Ешь, тебе понравится, — произнес Хейден и положил ей немного паэльи.

Несмотря на восхитительные ароматы, Рейчел все еще будто не замечала еду. Зато Хейден попробовал блюдо и, смакуя его, закрыл глаза. Когда же он снова взглянул на Рейчел, то поинтересовался:

— Что за услуга?

— Один из логотипов с пресс-волла принадлежит Институту репродуктивной медицины Берга.

— В этом есть смысл, — ответил Хейден. — Это ведь один из наших холдингов, если помнишь.

— Я помню.

— Итак?

— Итак, десять лет назад я записывалась к ним на прием.

Хейден так и не донес вилку до рта.

— Прости, что?

— Я записывалась у Барб, — продолжила та, имея в виду Барб Маттесон, в ту пору менеджера института. — Ты же нас и познакомил.

— Да-да, на семейном празднике…

— Именно так.

— Я не понимаю, — положил вилку Хейден. — Зачем ты к ним записывалась?

— Я сказала ей, что хочу забеременеть с помощью донорской спермы.

— Ты серьезно?

— О встрече с доктором? Да. О беременности? Нет.

— Рейчел, я перестал улавливать…

— Я записывалась не для себя, а для Шерил.

— Допустим… — медленно произнес он. — Нет, все еще не понимаю.

— Она не хотела, чтобы Дэвид узнал.

— Ага.

— Вот-вот.

— Значит, Шерил назначила встречу от твоего имени и не сказала мужу?

— Все так.

Хейден наклонил голову:

— Ты ведь понимаешь, что это, скорее всего, незаконно?

— Нет, законов мы не нарушали, разве что всевозможные этические нормы. Как бы там ни было, Шерил зарегистрировалась в институте под моим именем, использовав мое удостоверение личности. Мы с ней достаточно похожи внешне. Институт направил счета за прием на мой адрес.

— Ладно… — протянул он.

— Мы даже учли возможность, что Барб работает в Бостоне, где много знакомых, поэтому я назначала прием в другом филиале, в Лоуэлле.

— И все это для того, чтобы муж ни о чем не догадывался?

— Да.

— Интересно, — прокомментировал он.

— Ей тогда нелегко приходилось. Я подумала, что это не повредит.

— Тем не менее могло и повредить, — возразил Хейден. — Дэвид-то в итоге узнал?

— Узнал.

— Должно быть, обозлился на тебя страшно.

— Он не знает, что я к этому причастна.

— Но он знает, что Шерил пошла искать донорскую сперму.

— Это да.

— И ты так и не сказала ему о своей роли в этом… Можно я использую слово «обман»?

— Я ничего ему не рассказала, — мягко сказала Рейчел.

Подошел официант и налил обоим вина. Когда он ушел, Хейден спросил:

— Так, и что тебе теперь нужно?

— Дэвид не верит, что все могло так совпасть…

— Совпасть — что? Что именно?

— Ты решишь, что я спятила.

— Рейчел, мы уже давно прошли этот этап.

— Он думает… то есть мы думаем… — Ее слова

звучали настолько нелепо, что Рейчел с минуту размышляла, как завершить свою мысль. — Мы думаем, что вместе с вашими сотрудниками в парке был еще и Мэттью.

Хейден быстро моргнул, словно получил пощечину, и сразу закашлялся.

— Кто такой Мэттью? — спросил он наконец.

— Мой племянник. Сын Дэвида.

Хейден моргал не переставая.

— Тот самый, которого Дэвид убил?

— В том-то и дело: мы вовсе не считаем его мертвым.

Рейчел вновь подала Хейдену телефон — на этот раз там была открыта фотография мальчика, похожего на Мэттью.

— Он на заднем плане, держит кого-то за руку.

Хейден поднес телефон к самому лицу, увеличив изображение. Рейчел ждала.

— Очень размытое фото, — прищурился Хейден.

— Знаю.

— Ты ведь в самом деле не думаешь…

— Я не уверена.

— Рейчел…

— Понимаю, это безумие. Одно сплошное безумие.

Качая головой, Хейден вернул ей телефон так быстро, словно тот загорелся.

— Не думаю, что тут я могу чем-то помочь, — резко ответил он.

— Тогда можешь хотя бы прислать снимки из парка?

— Для чего?

— Чтобы мы могли прочесать их.

— И что вы ищете?

— Любые снимки, где изображен этот мальчик.

— Этот пиксельный мальчик, похожий на миллион других мальчиков?

— Я не жду, что ты меня поймешь.

— В этом ты права.

— Но ради меня, Хейден. Пожалуйста. Ты поможешь?

Хейден вздохнул и ответил:

— Да, разумеется.

Глава 30

Макс, как и большинство хороших следователей, отрабатывал на преступниках самые разные тактики допроса. Пока что лучше всего ему удавался метод психологической раскачки, когда он и Сара, желая вывести подозреваемого из равновесия, намеренно чередовали обвинения, шутки, осуждение, упование, панибратство, угрозы, переговоры и скептические высказывания. Кто-то из них был хорошим, а кто-то плохим полицейским, но посреди разговора они вдруг менялись ролями, а то и даже становились двумя хорошими или двумя плохими полицейскими. «Неразбериха, детка, больше неразберихи!»

Они обрушивали на подозреваемых лавину вопросов, а затем неожиданно замолкали и молчали очень долго. Подобно крутейшим питчерам из высшей лиги (а бейсбол был единственным спортом, в котором Макс хоть что-то понимал), они все время меняли подачи: так, за фастболом следовал чейнджап, крученый, слайдер или что-нибудь этакое.

Но сейчас, расположившись напротив надзирателя Филиппа Маккензи в углу паба «Макдер-

мотт», Макс послал к черту все свои тактики. Сара отсутствовала и, более того, не знала, что он здесь. Она, та еще блюстительница правил, не одобрила бы такое самоуправство — и потом, если продолжать говорить терминами из бейсбола, за попытку бросить спитбол (скользкий наслюнявленный мяч) пускай лучше с поля удаляют только его, Макса.

Маккензи заказал себе ирландский виски «Райтерс тирс». Макс сидел с газировкой, так как плохо переносил алкоголь.

— Итак, чем я могу помочь, спецагент Бернстайн? — спросил Маккензи.

Макс специально назначил встречу в любимом баре Маккензи, он уже не хотел запугивать и давить, а как раз таки наоборот.

— Мне нужно, чтобы вы помогли найти Дэвида.

— Конечно же, я помогу! — выпрямился Маккензи. — Я тоже хочу его поймать, это ведь мой заключенный.

— И ваш крестник вдобавок.

— Ну да… Тем больше причин желать, чтобы он вернулся целым и невредимым.

— Удивляюсь, как никто до сих пор не догадался.

— О чем?

— О ваших родственных отношениях. Но мне тоже наплевать. Слушайте, мы оба знаем, что именно вашими стараниями он на свободе.

Маккензи улыбнулся, сделал большой глоток виски.

— Вы же слышали моего адвоката. Да и записи с камер подтвердили, что у Берроуза был пистолет…

— Учтите, мы просто ведем беседу, не под запись. Я не пытаюсь вас как-то облапошить. — И Макс выложил свой телефон на омерзительно липкий стол между ними.

— О боже, — с сарказмом сказал Маккензи, — ваш телефон на столе! И не осталось ни единого способа записать наш разговор.

— Я не стану так делать. Думаю, вы и сами это понимаете. Но раз вам кажется, что нас могут подслушивать, то я подчеркиваю: все, сказанное здесь, — это чистые гипотезы. И не более того.

— Серьезно? — нахмурился Маккензи.

— Послушайте, Фил, я пришел сюда с добрыми намерениями. Мне вовсе не улыбается угрожать вам, ясно? Но, как вы помните, я шью против вас дело о пособничестве и соучастии. А значит, сядете и вы, и ваш сын. Вас обоих ждет тюрьма,

но даже если я облажаюсь с этим делом, вы так или иначе потеряете работу и хорошую пенсию. А облажаться мне совсем не хочется. Взбесите меня… да что там меня, вот взбесите Сару — пеняйте на себя. Та сунет руку по локоть прямо в вашу задницу, и мало вам не покажется.

— Весьма яркое описание.

— Но сегодня я даже не хочу говорить об этом. Сегодня я хочу разобраться, почему вы ему помогли. Почему именно сейчас. Гипотетически.

Маккензи снова отхлебнул виски.

— Похоже, у вас возникла теория, специальный агент Бернстайн.

— Вот именно. Желаете послушать?

— Конечно.

— Дэвид Берроуз годами не контактировал с внешним миром — и тут внезапно приезжает его невестка. Я проверил, до ее визита он не получал ни писем, ни телефонных звонков, ни единой весточки. И на записи их первого разговора ясно видно, что он не ожидал ее увидеть. Вы следите за мыслью?

— Слежу.

— Она показывает ему некую фотографию. Мне не удалось разглядеть, что на ней, однако Берроуз, увидев изображение, полностью меняется в

поведении. В этом легко убедиться по видеозаписи. После свидания он идет прямо к вам — опять же впервые, насколько я знаю. Кстати, может, заодно и расскажете, чего он хотел?

— Я уже все сказал…

— Ладно, можете не сотрудничать, если не хотите. Я продолжу. Его визит побуждает вас приехать к вашему давнему напарнику-полицейскому, который приходится Берроузу отцом. А сразу по возвращении вы помогаете Берроузу бежать из тюрьмы. Не знаю, как во все это вписываются драка с Россом Самнером и также произошедшее с охранником Тедом Уэстоном. Уэстона вы знаете лучше меня, это ведь ваш подчиненный. Как бы там ни было, он потребовал адвоката, ведь мы узнали, что кто-то его подмазал. Вы слышали об этом?

— Нет.

— Удивлены?

— Удивлен ли я, что он взял деньги?

— Ага.

Отпив виски, Маккензи пожал плечами.

— Что ж, не отвечайте, — продолжал Макс. — Но эта история со взяткой довольно странная, и вот почему: я не думаю, что Берроуз напал на Уэстона. Скорее всего, дело было наоборот, и это

Уэстон инициировал драку. Вкупе со взяткой — выглядит подозрительно. И последнее: когда Берроуз сбежал, то первым делом поехал не к кому-нибудь, а к ключевому свидетелю. К этой пожилой даме, сразу после суда сменившей имя и место жительства. И что же она? Пока мы разговаривали, она вешала мне лапшу, якобы Берроуз с ней и словом не обмолвился. И мне кажется, что она по какой-то причине его выгораживает, — развел руками Макс. — Итак, Фил, если сложить весь этот пазл, то что же мы увидим?

— Что же?

— Невестка Берроуза, Рейчел Андерсон, она же некогда выдающаяся журналистка, нашла что-то, что поможет его освободить. Она принесла доказательство, показала ему через стекло. Берроуз пришел к вам, рассказал о ее находке, и вы согласились ему помочь. Правда, вы, с вашим умом, не стали бы лепить план на скорую руку, так сильно полагаясь на волю случая. Поэтому я считаю, что нападение Самнера или Уэстона, а может, сразу оба вынудили вас поторопиться.

— Да уж, вот так история, специальный агент Бернстайн!

— Зовите меня Макс. Но это еще не вся история, в ней не хватает деталей. Однако мы оба понима-

ем, что она близка к правде. Напоминаю, мы все еще должны поймать Берроуза. Ага, вот именно. Лично я не понимаю, почему доказательства его невиновности нельзя было просто передать адвокату, хотя, наверное, у Дэвида была веская причина этого не делать.

Маккензи и здесь не поддался.

— Ну а Сара? Сара все делает по правилам. Если Берроуза подставили и он не убивал сына, лично я не стану вести себя, как тот парень из «Беглеца»… Смотрели фильм?

— Я и сериал видел, — кивнул Маккензи.

— Сериал я не застал, а вот в фильме есть замечательная сцена, где Харрисон Форд говорит Томми Ли Джонсу — помните, Томми играет федерального агента, который гоняется за Фордом, — так вот, он говорит: «Я невиновен!» А что ему отвечает Томми Ли Джонс?

— Он отвечает: «Мне плевать».

— Верно! — кивнул Макс. — Так вот, Сара — это Томми Ли Джонс. Ей плевать. Нам дали задание поймать Берроуза, все, точка. И поэтому мы с вами общаемся в баре, с глазу на глаз. Я ведь здорово подставляюсь — вдруг вы всем растрезвоните о нашей встрече. Вот только мне, в отличие от Томми Ли Джонса, не плевать. Если Берроуз

невиновен, я хочу ему помочь.

Надзиратель принялся разглядывать на свет свой стакан.

— Предположим, — наконец ответил он, — я скажу, что вы во многом правы.

У Макса участился пульс.

— Предположим также, что реальная история еще безумнее той, что вы придумали, — продолжил Маккензи.

— В каком смысле «безумнее»?

— Предположим, я раскрыл бы настоящую причину, которая заставила Дэвида бежать из тюрьмы, и причина заключалась бы в том, что одному мальчику может грозить серьезная опасность…

— Вы имеете в виду еще одного мальчика? — растерялся Макс.

— Не совсем.

— Может, объясните?

Филипп Маккензи улыбнулся, однако совсем не радостно.

— Ну вот что, — сказал он, допив виски и встав со своего места. — Сначала оформите бумаги, дающие полный иммунитет моему сыну, тогда и продолжим разговор.

— А что насчет вашего иммунитета?

— Я его не заслуживаю, — ответил Маккензи. — По крайней мере, пока.

* * *

Обратно к самолету меня провожают все те же двое громил. В этот раз обходится без наручников, мешков на голову и прочих жестких штучек. Только глядя, как лайнер выезжает на взлетно-посадочную полосу, я решаюсь открыть рот:

— Верните мне мой телефон.

Парень, что прежде велел мне заткнуться, тут же полез в карман и бросил мне телефон со словами:

— Во, зарядил для тебя.

— Спасибо…

— Слыхал, ты вздул копа.

— Неправда…

— В Нью-Йорке же? По новостям передали. Коп в больнице.

— Я просто пытался сбежать…

— Все равно мужик. Респект!

— Ага, — впервые слышен голос другого головореза. — Респектище.

После такого обычное «спасибо» прозвучит как-то слабо, поэтому я просто не отвечаю. Мы садимся на тот же самолет и занимаем прежние

места. Я проверяю входящие: уйма эсэмэсок, все, конечно же, от Рейчел, и в них читается нарастающая паника.

Я пишу:

Я в порядке, извини. Была засада.

На экране тут же пляшут точки — это Рейчел набирает ответ.

Узнал что-нибудь важное?

К чести Рейчел, она не тратит время на расспросы о том, как все прошло или где я хотя бы был. Она по-прежнему сконцентрирована на деле.

Я набираю:

Хильда Уинслоу не приведет нас к Мэттью.

Что, тупик?

Вроде того.

Я дожидаюсь взлета и набора высоты, чтобы подключиться к Wi-Fi. Обернувшись, вижу, что мои сопровождающие сидят в наушниках и пялятся в телефоны. Тогда я звоню Рейчел.

— Что за шум? — сразу вопрошает она. — Я тебя

почти не слышу!

— Я в самолете.

— Стоп, что?

Если я не введу ее в курс дела, нормального разговора не получится. Так что я вкратце и без неприглядных подробностей описываю ей свои приключения с того момента, как мы с ней распрощались в Ревире.

— Ну а ты? — спрашиваю я, завершив пересказ. — Нашла что-нибудь?

Повисает тишина, на секунду даже кажется, что звонок прервался.

— Кажется, у меня есть зацепка, — говорит она. — Ты помнишь Хейдена Пейна, моего старого приятеля?

Несколько секунд я вспоминаю, что за Хейден.

— А, тот богатый парень, который на тебя запал? — И вдруг меня осеняет: — О, погоди-ка. Его семья связана с теми корпорациями, я прав?

— Она ими владеет. Они в конгломерате Пейнов.

Обдумав это, я признаю:

— Вот это уже точно не совпадение.

— Что ты имеешь в виду?

Но мне не хочется взрывать ей мозг.

— Так что там с Хейденом?

— В «Шести флагах» они проводили корпоратив, там же и сделано и фото. Я попросила его раздобыть все фотографии с того дня.

— А не может ли он заодно прислать список приглашенных?

— Спросить, конечно, можно, но он сказал, это тысячи людей.

— Надо же с чего-то начинать.

— И то правда. Но учти, корпорация арендовала не весь парк, а лишь половину. Мэттью мог прийти с кем-то со стороны.

— И все же стоит проверить.

— Я знаю.

— Что-нибудь еще?

— Ты летишь назад в Бостон? — вопросом на вопрос отвечает Рейчел.

— Нет.

— Куда же тогда?

— Я лечу в Нью-Джерси.

— Но зачем?

— За Шерил, — отвечаю я. — Пора нам поговорить лицом к лицу.

Глава 31

— Прошу, скажите, что это шутка, — услышал Макс и попытался установить зрительный контакт, глядя сверху вниз.

Хотя, вообще-то, он не любил смотреть людям в глаза. На дух не выносил. Он часто повторял, что визуальный контакт не так важен, как принято считать, — но тут ему пришлось об этом забыть. В глазах у его оппонентки Лорен Форд, главы криминального следственного отдела Бостона, разгоралось бушующее пламя.

— Из меня плохой шутник, — ответил Макс.

— Тогда позвольте убедиться, что я все поняла правильно! — Встав из-за стола, Лорен принялась расхаживать по комнате. — Вам надо, чтобы я поручила своей лаборатории еще один ДНК-тест для опознания Мэттью Берроуза в качестве жертвы убийства?

— Так и есть.

— Жертвы в деле — сколько там прошло? — пятилетней давности?

— Шестилетней, я бы сказал.

— В деле, по которому уже приговорили и посадили человека?

— Все правильно.

— Человека, недавно сбежавшего из федеральной тюрьмы!

— И снова истинная правда.

— Причем именно вы, если мне память не изменяет, должны были найти его и вернуть куда полагается, а не добиваться пересмотра дела!

Макс не ответил.

— Ну что ж, — раскинула руки Лорен, — признавайтесь, как анализ ДНК давно почившей жертвы поможет найти сбежавшего преступника?

— Вы вообще его проводили?

— Вы вообще слышали, как я произнесла «еще один»?

— Я слышал.

— Что, по-вашему, означала эта фраза?

— Что тест вы проводили, — согласился Макс.

— Причем по личной инициативе, спешу добавить. Мы и без всяких тестов установили личность погибшего, невзирая на то состояние, в котором нашли тело. Люди насмотрелись «C.S.I.: Место преступления» и думают, что мы проводим ДНК-тесты направо и налево, хотя в реальности такая необходимость возникает очень редко. А полиция так вообще этим не занимается! То же самое касается поиска по отпечаткам пальцев:

мы лезем в базу только в том случае, если есть сомнения в личности жертвы. А здесь сомнений не было. Было имя жертвы.

— Но вы все же сделали тест?

— Да, потому что, как я и сказала, жюри присяжных насмотрелось телевизора. Без ДНК и всей судебной экспертизы они решили бы, что мы тут бьем баклуши. Так что тест мы провели, хотя это было не обязательно.

— Как вы его проводили?

— Что вы имеете в виду?

— Вы сравнивали ДНК жертвы с образцами, взятыми у отца, или у матери, или еще у кого-нибудь?

— Да кто сейчас это помнит. Вы ведь отдаете себе отчет, что расследование этого дела признано образцовым в нашей структуре?

— Да, я это понимаю.

— Мы безошибочно установили личность убийцы.

— Я и не говорю, что вы якобы ошиблись. Слушайте, у вас же в архиве до сих пор хранится кровь жертвы, верно?

— Ну разумеется. То есть мы поместили ее на склад улик, но так-то да, кровь мы сохранили.

— А в вашей базе остался образец ДНК Дэвида

Берроуза?

Насколько знал Макс, такие базы стали обычным делом, и в них автоматически попадали образцы всех осужденных.

— Провести повторный тест означает заново открыть дело, — произнесла Лорен Форд, — а это уйма бумаг.

— Так проведите его по-тихому, — предложил Макс. — Так, чтобы знали только вы и я.

— Я похожа на лаборанта?

— Значит, вы, я и лаборант. И все шито-крыто.

Лорен нахмурилась:

— Вы сейчас действительно сказали «шито-крыто»?

Макс принялся ждать ее решения. Наконец она произнесла:

— Я ведь могу просто потребовать, чтобы вы убирались к черту из моего офиса.

— Еще как можете.

— Имейте в виду, мы отстаивали идеалы справедливости и действовали в полном соответствии с законом. Убийца — сын полицейского, заслуженного офицера, поэтому для нас была важна беспристрастность.

— Весьма похвально.

Вдруг Лорен откинулась на спинку стула и при-

нялась грызть ноготь, совсем как Макс.

— С какой стороны ни посмотри, мы всячески добивались правосудия. А потому — могу я шепнуть вам кое-что по секрету? — произнесла она.

— Я вас слушаю.

— В тот раз ДНК-лаборатория…

— Что же?

— …допустила парочку ошибок.

— И насколько серьезных?

— Достаточно, чтобы ответственный лаборант с началом внутреннего расследования вдруг уволился и переехал за границу.

Тишина оглушала.

— Черт! — не выдержала Лорен. — Хотите сказать, это был не тот ребенок?

— Я хочу сказать, — ответил Макс, — чтобы вы немедленно провели повторный анализ. Как только будут результаты, прогоните их по всем базам без вести пропавших. Кем-то ведь был тот мальчик, если не Мэттью Берроузом, и мы должны выяснить кем.

* * *

Владеть частным бортом круто уже потому, что можно потребовать машину прямо к трапу.

Мы с громилами покидаем самолет, после чего

они поочередно и с большим удовольствием жмут мне руку.

— Без обид? — спрашивает Первый Громила.

— Без обид, — отвечаю я и сажусь в машину Рейчел.

— Вот они, привилегии воров в законе, — произносит она, разглядывая самолет.

— Да уж.

И машина уезжает со взлетно-посадочной полосы.

— Ты хочешь встретиться с Шерил, — начинает Рейчел. — Это из-за института репродуктивной медицины?

— Рейчел, это не может быть совпадением.

— Ты постоянно это говоришь. — Она крепче хватается за руль. — Я должна кое-что прояснить.

— О чем ты?

— Это дело прошлого. Оно никак не влияет на настоящее.

Но несмотря на сказанное, ее голос звучит так, словно она говорит о самом важном на свете. Она буравит взглядом дорогу перед собой.

— Продолжай, — говорю я.

— Это я помогла Шерил записаться на прием в Институт репродуктивной медицины, — произ-

носит наконец Рейчел.

Что-то я не совсем понимаю.

— «Помогла» — в смысле…

— Хейден Пейн познакомил меня с менеджером Института Берга, а потом я позвонила ей и попросила назначить время.

— Звонила ты, а не Шерил?

— Да.

— Ну, ничего страшного, — отвечаю я. — Нет, конечно, я бы хотел, чтобы ты не держала это в…

— Запись была на мое имя. — И Рейчел сглатывает, не сводя глаз с дороги. — Шерил пришла туда по моим документам.

Я долго разглядываю ее профиль, а затем до странности спокойно говорю:

— Почему же ты это сделала?

— Да, почему же, Дэвид?

Ответ очевиден.

— Чтобы скрыть поступок Шерил от меня, — заканчиваю я.

— Именно так…

Почему-то у меня глаза на мокром месте.

— Рейчел, меня достала вся эта ложь.

— Ты не так понял…

— Я понял так, что Шерил рассматривала получение спермы от донора и не хотела, чтобы я

об этом узнал. Что вы обе сговорились за моей спиной. Я ошибаюсь?

Рейчел цепляется за руль обеими руками.

— Тюрьма учит, что человек человеку волк, — говорю я.

— Я твой друг!

На это я не отвечаю.

— А она — моя сестра. Ты же должен это понимать!

— И ты, значит, согласилась помочь!

— Я говорила ей, что это плохая идея.

— Говорила — и все равно согласилась.

Рейчел прилежно включает поворотник и, глядя в зеркало заднего вида, начинает перестраиваться. Я не видел ее пять лет, но до сих пор помню, какой аккуратный из нее водитель.

— Рейчел?

Она молчит.

— Что еще ты мне не сказала?

— Мне не нравилось, что она затеяла все это, не сообщив тебе.

Я сижу и жду, когда же разговор дойдет до самого неприятного.

— Но раз Шерил так и не пошла до конца, то я думала…

— Думала — что?

Та только отмахнулась.

— Как ты узнал, что Шерил ходила в Институт Берга?

— Кто-то оттуда оставил сообщение на нашем домашнем автоответчике, — отвечаю я.

— Пораскинь мозгами: ну кто бы вам звонил, если в медицинской карте были только мои данные?

Я так и замираю, раздумывая над этим даже слишком долго.

— Ты?

Рейчел все еще глядит на дорогу.

— Это ты оставила то сообщение?

— Шерил тогда все уже решила — в смысле, что не станет пользоваться услугами института. Но мне так не нравилось, что она меня в это втянула, да и потом, я предала тебя, Дэвид, как бы ни пыталась это отрицать. Мне было так плохо… И вот, однажды ночью, сильно напившись, я все думала: «Черт, Шерил должна была ему рассказать, ради себя, ради него, ради меня!» Чтобы нам всем не пришлось жить под покровом этого вранья. И чтобы вы двое создали нормальную семью!

Это финиш. Каждый раз, как подумаю, что меня уже ничто не удивит, — вот, пожалуйста.

— Я на собственном горьком опыте узнала, что

ложь, даже скрытая, никуда сама не исчезает. Она навсегда с тобой. Она медленно съедает тебя изнутри. Из-за нее у вас с Шерил не получилось бы никакой семьи. И да, признаю, тайна была не моя, но из-за Шерил я оказалась к ней причастна. Так что ложь отравляла и наши отношения. Вклинилась между мной и тобой.

— Ты решила открыть эту тайну.

Когда Рейчел кивает, я отворачиваюсь.

— Дэвид?

— Не обращай внимания. Ты правильно сказала: это было давно.

— Мне так жаль…

Внутри меня снова что-то надламывается; нет, надо оставить эту тему.

— Шерил знает, что я еду?

— Ты же просил меня не говорить ей, — качает головой Рейчел.

— Выходит, она думает…

— …что буду только я. Она ждет у себя в кабинете.

— В какое время будет встреча?

— Через полчаса.

И мы замолкаем.

Глава 32

Рейчел паркуется на стоянке для посетителей возле больницы Святого Варнавы в Ливингстоне, штат Нью-Джерси, и мы оба нацепляем медицинские маски. После пандемии Covid-19 люди в масках, особенно рядом с больницей, стали обычным явлением. Опять же, маска очень удачно скрывает лицо.

Мы движемся к главному входу в медцентр.

— Как долго Шерил здесь работает?

— Года три. У них тут хорошее отделение трансплантации почки.

— Ей же так нравилось в Бостонской клинической.

— Нравилось, — подтверждает Шерил, — но после суда ей стало трудно там работать. В больнице говорили, что она… — показала Рейчел кавычки в воздухе, — «привлекает внимание».

Я смотрю в небо.

— И еще кое-что: она теперь доктор Шерил Дрисон.

Сердце снова сжимается.

— Она еще и фамилию его взяла?

— Для большей анонимности.

— Очень умно с ее стороны.

— Ты серьезно?

Я только морщусь.

— Она ведь тоже все потеряла. — Слова Рейчел звучат так, словно у Шерил нет ни мужа, ни новой беременности, ни по-прежнему любимой работы, но я молчу, чтобы не показаться козлом.

Войдя в здание, Рейчел направляется к стойке регистратуры и получает два пропуска для посещений. Мы поднимаемся на лифте на четвертый этаж и, следуя указателям, идем до отделения трансплантации почки и поджелудочной железы. Там Рейчел стягивает маску и машет администратору:

— Привет, Бетси!

— Здравствуйте, Рейчел. Она ожидает в своем кабинете.

Рейчел снова улыбается и возвращает маску на лицо; я стараюсь идти рядом с ней так, будто уже бывал здесь и знаю, где нужный кабинет. В какой-то момент мой пульс резко учащается и дыхание сбивается. Шерил, моя бывшая жена, мать моего ребенка, любовь всей моей жизни, — всего в нескольких метрах отсюда. Я чувствую, что воспаряю. Одно дело — представлять этот момент или думать о нем, но, оказавшись здесь…

— Дерьмо, — вдруг останавливается Рейчел.

«Копы», — успеваю подумать я за ту миллисекунду, прежде чем соображаю, в чем, собственно, дело. Рейчел среагировала не на представителей порядка, а на Рональда Дрисона, нового мужа Шерил. О, конечно, я знаю Рональда, администратора из Бостонской клинической, который всегда «был добр» к Шерил. Ну вы понимаете. Он хотел быть «просто другом», и то, какая это чушь собачья, было прямо-таки очевидно и для меня, и для всех остальных, включая жену Рональда (ну хорошо, если быть честным, они тогда уже не жили вместе). Естественно, мне не нравились их вечные переписки «только по работе», потому что… тоже очевидно почему. А Шерил только смеялась: «Ну ладно, наверное, Рональд и впрямь немножко влюблен, но это же ничего не значит».

«Ничего не значит!» — усмехаюсь я теперь едва ли не вслух.

Рональд видит пока только Рейчел, и та начинает улыбаться. Сестры близки, так что Рейчел, наверное, сюда заглядывает. Такие встречи с Шерил, даже если и происходят нечасто, никого, наверное, не удивляют. Опустив лицо в маске, я шагаю чуть правее, замедляюсь и оборачиваюсь

в коридор, будто я вовсе не с Рейчел. Не сбиваясь с шага, она подходит к Рональду, берет его за руку и щебечет преувеличенно весело:

— Привет, Рональд!

Тот целует ее в щеку — весьма чопорно, но что поделать, таков уж он во всем. Нет, лучше не развивать эту мысль. Теперь уже я приближаюсь к ним, вплотную держась к стене и глядя только на нее. Шаг твердый. Взгляд мимо Рональда. А лучше вообще пройти мимо, не открывая глаз. Так безопаснее.

Рейчел, как может, пытается увести Рональда, однако тот ее останавливает:

— Не ожидал тебя здесь увидеть. Ты слышала про побег Дэвида?

Я удаляюсь от них быстрым шагом и оказываюсь перед тремя дверьми без опознавательных знаков. За одной из них — моя жена. Прошу прощения, бывшая жена. Времени не так много, и я берусь за ручку первой двери, поворачиваю ее, вхожу…

Вот и Шерил.

Она смотрит вверх, оторвавшись от печати на планшете. Моя маска, моя обритая голова не обманывают ее: она узнает меня сразу. Целую секунду никто из нас не решается пошевелиться.

Мы просто смотрим друг на друга, и я не знаю, что чувствую в этот момент… А вернее, есть ли то, чего я не чувствую, потому что все эмоции, каждая из возможных, смешались и забурлили в измученных венах. Их наплыв ошеломляет.

Шерил тоже в шоке. Неудивительно, мы ведь любили друг друга со старшей школы. Мы встречались, были помолвлены, затем женаты, а потом стали родителями лучшего мальчика на всем белом свете.

«Рональд может вернуться в любой момент, — вонзается странная мысль мне в голову, — или медсестра, или другой врач». Ведомый ею, я запираю дверь. Ага. Это буквально первое, что я делаю при виде бывшей.

Я так и стою к ней спиной, не уверенный в ее возможной реакции, как вдруг… Шерил вскакивает, оббегает стол и достигает меня, чтобы не задумываясь, безо всяких колебаний обхватить меня и притянуть к себе; я чуть ли не падаю, а она, клянусь, поддерживает меня на ногах.

— Дэвид… — произносит Шерил с такой тихой нежностью, что мое сердце словно выпархивает из груди и разбивается на мелкие кусочки.

Я держу ее, плачущую, в объятиях и плачу сам. Не могу. Я просто не могу, мне не сдержать-

ся. Я пришел к ней с миллионом вопросов, но, оказывается, не ради них. Резко, наверное, но я сбрасываю с себя ее руки, потому что нам некогда ходить вокруг да около.

— Возможно, наш сын еще жив, — говорю я.

— Дэвид… — Шерил жмурится.

— Прошу, выслушай меня!

— Никто больше меня не мечтает, чтобы это было правдой, — так и не открывает глаз она.

— Ты же видела фото?

— Дэвид, это не Мэттью.

— Как ты можешь быть настолько уверена?

По ее щекам пробегают слезы. Шерил берет в ладони мое лицо, и на мгновение я чувствую, что вот-вот упаду и не найду сил встать.

— Потому что Мэттью мертв, — произносит она еле слышно. — Потому что мы его похоронили. Нашего маленького мальчика. Ты и я. Мы вместе стояли, держались за руки и смотрели, как крошечный белый гроб опускают в землю.

— Я не убивал его, Рейчел, — мотаю я головой.

— Как бы я хотела в это верить…

Ее слова жалят сильнее, чем я думал. Шерил смотрит под ноги, на ее лице — отпечаток боли.

Я не хочу задавать ей следующий вопрос, сейчас или когда-либо, однако он вырывается:

— Шерил, почему ты отвернулась от меня?

Звучу как нытик и ненавижу себя за это.

— Я никогда от тебя не отворачивалась. Никогда.

— Ты ведь тоже думала, что я это сделал?

— Я винила не тебя. Точнее, не только тебя.

И я вновь открываю рот, желая спросить, почему она так во мне разуверилась… Но здесь лучше остановиться. Повторяю себе еще раз: сейчас не об этом. Сконцентрируйся на самом главном.

— Он жив, — чуть тверже повторяю я. — И не важно, веришь ты мне или нет. Я только узнаю у тебя кое-что, а затем оставлю тебя в покое.

О, как жестока жалость в ее глазах!

— Что тебе нужно, Дэвид? Что ты хочешь узнать?

— Это по поводу твоего визита в институт, — отвечаю я, глядя, как жалость оборачивается замешательством.

— Какой еще институт?

— Институт репродуктивной медицины Берга.

— Почему ты про него говоришь?

— Потому что он как-то связан с тем, что случилось с Мэттью.

Шерил отшатывается:

— Что… Нет, это не так!

— Та фотография, которую показала тебе Рейчел, была сделана на корпоративном празднике для института. Здесь есть связь.

— Нет-нет, — качает головой Шерил, а я молчу. — Как ты можешь так думать?

— Просто скажи мне, Шерил.

— Я сказала тебе все, что знаю!

— Да, но не о том, как ты притворялась Рейчел.

— Это она тебе рассказала? — Но Шерил не нужен ответ: она зажмуривается и будто ждет, что я исчезну. — Не понимаю… Какое значение все это имеет сейчас?

Ее голос скорее молит, чем вопрошает. Я вижу, как боль нарастает в ней, поглощает все тело. Во мне пылает желание утешить ее хоть как-то — да, даже теперь! — но я сопротивляюсь ему.

— Мне не следовало приходить в тот институт, — сама говорит она. — Это все я виновата.

Тембр ее голоса мне совершенно не нравится, от него сразу становится холоднее градусов на десять.

— Что ты имеешь в виду? — спрашиваю я.

— Я посещала его у тебя за спиной. Мне очень жаль.

— Я знаю, но это уже не имеет значения.

— Я не должна была так с тобой поступать…

— Шерил… — почти вздрагиваю я.

— Наш брак разваливался на глазах. Почему, Дэвид? — Она по привычке склоняет голову так, когда задает вопросы; это переносит меня в прошлое, где в школьном дворе, позолоченном солнцем, мы пили кофе и вместе читали книги. — Мы ведь не единственная пара, которая столкнулась с проблемой деторождения…

— Конечно нет.

— Так почему же мы тогда разошлись?

— Я не знаю.

— Может, наша связь с самого начала была не такой уж и крепкой?

— Может, — говорю я, отчаянно мечтая заткнуть себе уши. — Теперь это не важно.

— Но я совершила ужасное предательство!

Я никак это не комментирую. Не думаю, что могу.

— И из-за этого… — слышу я ее дрожащий голос, — из-за того, что я сотворила… с тобой и сыном…

И она разрыдалась.

Конечно, я достаточно давно знаком со своей бывшей и видывал ее в разных состояниях, в том числе и плачущую, но не помню, чтобы она хоть раз так сильно рыдала. Даже когда не стало

Мэттью. Шерил никогда не позволяла себе сорваться, по крайней мере сорваться полностью. Занимаясь сексом или качая на руках ребенка, она все равно не давала чувствам полной воли. Шерил бывает холодной, отстраненной, осуждающей, однако это она всегда держит себя под контролем.

Точнее, держала до этого момента.

Меня тянет что-то сделать, хотя бы обнять, хотя бы подставить плечо… Но внезапно в сердце закрадывается льдинка.

— Что ты сделала, Шерил?

Она не переставая плачет.

— Шерил!

— Я решилась на это.

Вот так.

Я застываю. Мне понятно, о чем она говорит, но я все-таки переспрашиваю:

— На что ты решилась?

— Ты все знал! — говорит она, и я качаю головой. — Ты знал! — повторяет она. — Весь твой гнев, и обида, и стресс…

— Нет.

— Ты снова начал ходить во сне…

— Нет.

— Ты сделал это, Дэвид… из-за того, что сделала

я… Ты разозлился. Ты начал терять себя. Я должна была это понять, это я виновата! А потом… а потом однажды… не знаю, быть может, ты был слишком пьян… или злость тебя одолела…

— Нет, нет, нет!

— Дэвид, послушай меня…

— Думаешь, я убил нашего сына?

— Нет, — говорит она. — Это я убила его. Это я тебя подтолкнула.

Как же трудно дышать.

— Я была уверена, что процедура не сработала и Мэттью все же твой, но это больше не играло роли. Ты пережил такое предательство… Ты изменился.

Нужно держаться, держаться на ногах, не воспринимать все эти эмоциональные удары…

— Ты пыталась забеременеть с помощью донорской спермы?

— Да…

— Но ты сказала мне, что не рискнула!

— Я знаю. Я наврала.

Что тут скажешь.

— А после ты думала…

В этот момент я понимаю, как все это выглядело в ее голове: я узнал, что она пошла на процедуру оплодотворения, понял, что Мэттью не мой сын,

и съехал с катушек. «Весь твой гнев, и обида, и стресс…» Плюс лунатизм. В ее представлении, я сделал это ненамеренно, просто выплеснул скрытую ярость, а еще много выпил, а еще смешал выпивку с антидепрессантами, а еще, верно, пустил в свою неустойчивую психику всплывшую старую травму и… безотчетно встал, схватил бейсбольную биту, вошел в комнату к Мэттью… Вот оно. Теперь многие события становятся понятными. Так Шерил винила себя все это время. Она потеряла не только сына, нет — она уверена, что он мертв от моей руки, которую якобы вела именно она.

— Шерил, послушай меня.

Моя бывшая вновь заливается слезами, и ее колени едва не подгибаются. Как бы там ни было, я не могу дать ей упасть. Я спешу к ней — она хватает меня за рубашку.

— Мне очень жаль, Дэвид! — рыдает она.

Не хочу этого слышать. «Думай о цели», — говорю я себе.

— Все это больше не важно.

— Дэвид…

— Прошу, пожалуйста, посмотри на фото.

— Я не могу…

— Шерил.

— Я не могу обмануться такой надеждой. Я не могу, я сломаюсь.

На такое ничего не ответишь.

— Я так сильно хочу в это верить, Дэвид, но если допущу саму мысль… — Она прерывается и качает головой: — Я же снова ношу ребенка.

— Да, знаю, — киваю я.

И тут в замке двери звякает ключ. Через секунду та распахивается, и мы видим на пороге Рональда. Пара секунд на узнавание — и его глаза расширяются.

— Что тут происходит, черт возьми?

На него у меня нет времени. Я вновь смотрю на Шерил.

— Иди, — говорит мне она, вытирая глаза. — Он ничего не скажет.

Я спешу к двери. Рональд явно размышляет, стоит ли преграждать мне путь, и колеблется. В конце концов он отходит в сторону; я же глотаю самоуверенное «ты уж будь с ней поаккуратнее» и даже «искренне рад за вас, ребята». Хватит на сегодня мелодрам.

Поэтому я лишь слегка киваю и удаляюсь.

Глава 33

На телефоне Макса высветился звонок из офиса Лорен Форд. Прежде чем взять трубку, он убедился, что сидит в комнате один. Саре лучше не знать об их совместной работе. Как правильно отметила Лорен, работа федеральных агентов заключалась в поимке Дэвида Берроуза, а не в попытках его оправдать. Сара этого не одобрила бы.

— Слушаю?

— Кое-что нашла, — сказала Лорен.

— Берроуз — отец?

— Пока что не это. Хотите — верьте, хотите — нет, мне не сразу удалось войти в базу данных заключенных. Зато я успела пробить ДНК жертвы по базе пропавших без вести детей.

— И?

— Ни одного совпадения.

— Ну что ж, шансы были малы.

— Не в этом дело, Макс… Могу я называть тебя Макс?

— Конечно.

— Так вот, Макс, дело не в шансах. В базе можно найти данные почти всех пропавших детей. Когда

исчезает ребенок, его ДНК с огромной вероятностью оказывается в базе. Бывают исключения, но они подтверждают правило. И это еще не все.

— О чем речь?

— Я прогнала описание мальчика по полной базе, куда вносится не только ДНК. В ней есть вообще любые данные пропавших детей: возраст, рост, вес, что угодно. И чтобы точно ничего не пропустить, я запустила федеральный поиск, по всем штатам. Сейчас над этим работают мои лучше люди. Ведь… ну, если жертва не Мэттью Берроуз — боже, ну и безумие! — значит той ночью умер какой-то другой малыш.

— Согласен, — ответил Макс. — И что вы нашли?

— И ничего мы не нашли. Ноль совпадений. Ноль. Нет таких мальчиков даже близко.

Макс принялся сновать по комнате.

— Макс, меня слышно?

— Слышно.

— Мы никого не нашли. В той кроватке, скорее всего, был Мэттью Берроуз.

Макс вгрызся в ноготь.

— Может, вы обнаружили еще что-нибудь?

— В смысле — еще что-нибудь? Ты меня не слушал?

— Что ты, вовсе нет.

— Вот черт, — догадалась Лорен, — ты явно хочешь, чтобы мы провели тест на отцовство.

— Да, хочу.

— Но я-то этого не хочу!

— Я в курсе.

— Ну что за дерьмо… Ладно. И тогда мы закроем дело раз и навсегда. Договорились?

— Договорились.

— Скоро позвоню, сообщу результаты. — И Лорен повесила трубку.

Из-за его спины раздался голос Сары:

— Кто это был, Макс?

— Да так, дело одно, — пробурчал он. — Чем занята?

— Какое еще дело?

Макс знал, что Сара не отстанет.

— Просто парень один, ясно?

— Парень, вот как?

— Лайкнули друг друга в приложении для знакомств. Недавно совсем. Не хотел ничего говорить.

— Рада за тебя, — ответила Сара.

— Спасибо.

— Только это бред сивой кобылы. Позже об этом поговорим, идем-ка.

— А что случилось?

— Берроуз только что был в больнице Святого Варнавы в Нью-Джерси. Там работает его бывшая.

* * *

— Я просто хотел провести с ним день, как обычные люди, — оправдывался Хейден. — Разве это странно? И потом, Пикси, видела бы ты его лицо, пока он катался в парке развлечений, как обычные дети! Я никогда не видел Тео таким счастливым. Тот день был таким волшебным и таким… — тут Хейден глянул в потолок, подыскивая нужное слово, — таким нормальным.

«Нормальным», — мысленно повторила Гертруда. Да ничто в их семье или их жизни не бывало нормальным. Никто даже не хотел быть нормальным. Ну разве что в тот раз, миллион лет назад, когда она возила своих детей, включая папу Хейдена, в Диснейленд. Она отвалила администрации кучу денег, чтобы парк открылся для них немножко раньше. Семейство Пейн целых два часа одиноко гуляло по пустому парку, что, конечно же, было совершенно «нормальным». Когда же парк все-таки открылся, их проводником стал сам старший вице-президент Диснейленда.

Он лично водил их по территории и пропускал на все аттракционы вперед очереди, и поверьте, ни один человек, два часа прождавший из-за Пейнов своего подъема на Космическую гору, не хотел быть среди «нормальных людей» в тот день.

— Очень жаль, что ты не поделился со мной своими планами.

— Ты бы не дала мне отвезти его в парк, — ответил Хейден.

— И теперь ты понимаешь почему.

— Я был очень осторожен! Надел бейсболку, солнцезащитные очки и никому не сказал, куда собираюсь. Я держал Тео в стороне от всех фотообъективов. И вдобавок, Пикси, ну кто может его признать? Он был совсем малышом, когда я его спас. Можно смотреть на него пристально в упор, да так и не понять, что это он. Он ведь не какой-нибудь без вести пропавший. Весь мир считает его мертвым.

Гертруде пришла на ум та самая ночь, пять лет назад. Тогда Хейден тоже с ней не посоветовался. Тогда он тоже ее не предупредил — и тоже потому, что знал, что та воспрепятствует. Занимался рассвет, а Хейден стоял на пороге поместья Пейнов вместе с незнакомым малышом.

«Пикси, мне нужно кое в чем признаться…»

Поразительно, сколько всего может оправдать человеческий разум. Самооправдание — это воздух для всего человечества, включая саму Пикси. Ну а мораль, она слишком субъективна. Гертруда и могла бы поступить «правильно» в ту ночь, однако правильные поступки совершают лишь те, кому это ничего не будет стоить. Это как в той этической задачке о вымирающих цыплятах: если бы мы не ели цыплят, цыплята бы вымерли, а значит, им же лучше, когда их едят. Правда, один веган, друг Гертруды, кричал, что все это сплошная ерунда. Но суть-то не в этом. Да, в мире рождаются миллионы цыплят, и пускай их жизнь коротка, а смерть — жестока, это же лучше, чем вообще не жить? Что выберет курица: прожить шесть недель или никогда не существовать? И кто мы такие, чтобы решать за курицу? Не лучше ли нам вообще перестать есть курятину и обречь цыплят на природное вымирание? Поедание курицы — это действительно благо?

Но невзирая на все этические споры, дело не в том, какая из сторон права, а какая — нет. Просто Гертруда верила: кто хочет съесть курочку, тот ее съест. И это «хочу» перебьет в нем любую заботу о выживании вида. Потому что «хочу» — это уже аргумент.

В семье же этот аргумент работает с десятикратной силой, ведь существуют «семейные ценности», и главная среди них — члены семьи. Во все времена для богатых и бедных не было ничего важнее семьи, как нет и сейчас. Этот закон общеизвестен, он не терпит по этому поводу лжи и заблуждений. На словах все превозносят некое «всеобщее благо», пока дело не затрагивает их интересов. На самом деле люди не любят заботиться о других в тех случаях, когда им это невыгодно. Не верите? Тогда спросите себя: сколько жизней вы бы променяли на жизнь вашего сына или внука? Одну? Пять? Десять?

Миллион?

Будьте честны с собой, и тогда вы, возможно, поймете, почему Гертруда сделала то, что сделала. Выбрала Хейдена, а значит — семью. Говорят, что нельзя приготовить омлет, не разбив нескольких яиц, и это правда. Однако в той ситуации, в которую попала Гертруда, яйца уже были разбиты. Ей оставалось лишь приготовить из них омлет — или разгромить всю кухню.

— Ты был осторожен, но тем не менее… — развела руками Пикси. — Дело сделано. Тебе пора уезжать, Хейден. Вам обоим.

Хейден увел взгляд в сторону.

— Это родимое пятно… — тихо произнес он, и Гертруда зажмурилась, не желая слышать все в очередной раз. — Господь не зря наградил его пятном на лице.

— Хейден, это всего лишь родинка.

— По ней его и вычислили. Это Божий промысел.

Гертруда знала, что это не так, что не существует судьбы, Божьей воли или чего-то еще. Просто есть пешеходный переход, по которому в год переходят миллионы людей, — и с ними все хорошо. А затем приходит день, когда совпадает множество факторов (гололед, отвлекшийся на эсэмэс водитель, алкоголь, что угодно), — и кто-то умирает на этом переходе. Это всего один случай на десять миллионов, но ничуть не случайность. Это просто жизнь. Она-то и пишет историю человечества.

Поэтому и фотография Тео — далеко не случайность.

Или же Хейден был прав и некое высшее существо желало, чтобы все так вышло…

— Пусть так, — ответила Гертруда. — Вы должны уехать.

— Это будет выглядеть подозрительно, — возразил Хейден. — Рейчел просила меня раздобыть

фотографии из парка, а я вдруг возьму и вылечу за границу?

«Пикси, мне нужно кое в чем признаться…»

Говоря эту фразу в ту ночь, Хейден и сам походил на маленького мальчика, что вполне нормально, когда мужчина снова наворотил дел и нуждается в спасении. Так что она спасла и его, и свою семью, всех и сразу. Снова.

Спасла ли она Тео?

Это уже не важно. Лучше хранить все в тайне.

Снова.

Вдобавок у нее была еще одна особенная тайна, касавшаяся этого мальчика, о которой не подозревал даже Хейден. Но сейчас все это и правда не имело значения. Гертруде Пейн снова нужно было спасать семью. И она собиралась преуспеть — независимо от цены.

* * *

На пороге больницы Святого Варнавы у Макса, пришедшего с Сарой, вновь зазвонил телефон. Это была Лорен.

— Дай мне секунду, — попросил он Сару и отошел от нее подальше, провожаемый ее взглядом. — Что случилось? — приложил он телефон к уху.

— Есть результаты теста на отцовство. — И Лорен рассказала ему все как есть. — Не хочешь объяснить, что вообще происходит?

— Возможно, ничего не происходит. Позвоню через час.

Он повесил трубку и вернулся к Саре.

— Кто это был? — спросила она.

— Э-э, мой новый парень.

— Опять он названивает? Он что, обеспокоенный?

— Сара…

— Вы будто в летнем лагере познакомились. Он из Канады?

— Хм?..

— Да брось, Макс. Кто тебе звонил?

— Узнаешь через минуту.

— В каком смысле?

— Где бывшая супруга Берроуза?

— В своем кабинете.

— Идем туда.

— Вместе со своим новым мужем, — добавила Сара, — Рональдом Дрисоном.

Макс задумался:

— Попробуем тактику «разделяй и властвуй»?

— Не думаю, Макс. Будет лучше надавить на нее вместе, пока Рональд прохлаждается в соседней

комнате.

Он не стал возражать. Пройдя по коридору, они вошли в кабинет Шерил Берроуз. Та поприветствовала их деловым тоном, словно они явились на консультацию. Она села за стол, Макс и Сара заняли стулья. Обстановка в кабинете была скромной. Макс высматривал дипломы на стенах, но не увидел.

Сара позволила ему действовать первым, и Макс перешел сразу к делу:

— Что вам сказал ваш бывший муж?

— Ничего.

Так же говорила и Хильда Уинслоу. Макс заерзал на стуле.

— Он хотел видеть вас, не так ли?

— Я не знаю, зачем он приходил.

— Вы не поговорили?

— Нет, он выбежал, не успев ничего сказать.

Сара с Максом переглянулись. Вздохнув, его напарница решила начать сама:

— У нас есть записи с камер наблюдения, доктор Берроуз.

— Теперь я доктор Дрисон, — парировала та.

— Бога ради, — благодушно ответила Сара. — Однако ваш бывший муж, сбежавший преступник, убивший вашего сына, торчал в этом самом

кабинете восемь минут до того, как вошел мистер Дрисон. И вы хотите сказать, что Берроуз и словом с вами не обмолвился?

Шерил не торопилась отвечать. Она повернулась к окну, и тогда Макс заметил красноту ее глаз. Она плакала, в этом нет сомнений.

— Я не обязана отвечать на ваши вопросы, не так ли?

Сара и Макс снова переглянулись.

— Почему же вы не хотите ответить на наши вопросы? — спросила Сара.

— У меня полно пациентов. Поэтому я попрошу вас уйти.

Тут Макс решил, что пора перейти к разрывным новостям.

— Ваш бывший муж… — сказал он, — он ведь Мэттью вовсе не отец, правда же?

Обе женщины ошеломленно уставились на него.

— Что вы имеете в виду? — спросила Шерил, пока Сара выражала лицом тот же вопрос. — Разумеется, Дэвид приходился ему отцом.

— Вы уверены?

— На что это вы намекаете, спецагент Бернстайн?

Сара посмотрела на него, как бы говоря: «Я тоже

хочу услышать ответ».

— На момент убийства Мэттью, — продолжал Макс, — вы уже знали своего нынешнего мужа, Рональда Дрисона. Я ведь не ошибаюсь?

— Мы работали вместе.

— А спали вы тоже вместе?

Шерил не попалась на удочку, ответив ему ровным тоном:

— Нет.

— Вы уверены?

— Абсолютно. К чему вы клоните, специальный агент? Не ходите вокруг да около.

— Я был в офисе окружного прокурора, который вел дело об убийстве вашего сына. Образец ДНК Мэттью по-прежнему хранится на складе.

В лице Шерил точно что-то дрогнуло — он ясно это видел.

— Равно как и образец вашего бывшего мужа, поскольку осужденные обязаны его сдавать. Я запросил тест на отцовство и…

Шерил Дрисон отрицательно замотала головой.

— И согласно его результатам, Дэвид Берроуз, осужденный за убийство Мэттью Берроуза, не приходится отцом мальчику, которого нашли в кроватке.

— Макс?.. — Глаза Сары расширились от удивления.

— Боже мой… — еле-еле вымолвила Шерил.

Макс не сводил с нее глаз.

— Доктор Дрисон? — позвал он, но та только и делала, что качала головой.

— Дэвид был отцом Мэттью, — пробормотала наконец Шерил.

— Но и в офисе окружного прокурора не могли ошибиться.

— Господи, — произнесла Шерил со слезами на глазах. — Тогда Дэвид прав…

— Насчет чего?

— Мэттью все еще жив…

Глава 34

Мне наконец-то удается пробиться в свою старую электронную почту, когда Рейчел заруливает на парковку у гольф-маркета ПГА недалеко от платной дороги Гарден-Стейт-Паквэй. Я ищу письмо восьмилетней давности через поисковую строку — и нахожу. Перечитываю его, просто чтобы убедиться. И еще раз перечитываю…

— Дэвид?

Эта парковка просто огромна, слишком большая для одного магазина; интересно, здесь отгрохают еще центр или два? В дальнем углу парковки, на окраине леса, стоит одинокая «тойота-хайлендер». Сквозь деревья виднеется поле для гольфа. Удобно.

— Так что случилось с Шерил? — спрашивает Рейчел.

— Она согласилась на оплодотворение донорской спермой.

В ответ — ни звука.

— Ты знала? — спрашиваю я.

— Нет, — тихо произносит Рейчел. — Дэвид, мне очень жаль…

— Это ничего не меняет. Мэттью — мой сын,

биологический или нет.

— Я знаю…

— И он от меня. Это не так уж важно, однако я в этом уверен.

— Я тоже. — И Рейчел паркуется рядом с «той-отой».

Из чужой машины выходит мужчина в бейсболке «Янкис».

— Пойдем, — говорит мне Рейчел, оставляя ключи в замке зажигания.

Стоящий возле «тойоты» мужчина в бейсболке говорит нам: «Выезжайте переулком, вдоль деревьев. Там нет видеонаблюдения». И мы с ним меняемся машинами. Раз — и все. Адвокат Рейчел чудесно все устроила. Покидая больницу, мы оба понимали, что не можем доверять Рональду или другим свидетелям, способным донести на нас полиции.

Рейчел выезжает обратно на шоссе. На сиденье авто мы обнаруживаем новенькие одноразовые телефоны и настраиваем их так, чтобы нам переадресовывались любые сообщения, отправленные на старые номера. Мы также находим продуктовые пакеты, а в одном из них — молоток, поэтому, притормозив на шоссе у «Бургеркинга», я закрываюсь в туалете забегаловки, уничтожаю

старые телефоны прихваченным молотком и выбрасываю обломки в мусорное ведро.

Рейчел успела сгонять за едой, и мы едим прямо в машине. Прежде я ненавидел фастфуд, а вот после тюрьмы гамбургер с картофелем фри заходит лучше любой проповеди. Я уплетаю за обе щеки.

— Что будем делать теперь? — спрашивает Рейчел.

— Осталось всего две зацепки, — отвечаю я между укусами. — Парк развлечений и Институт репродуктивной медицины.

— Я попросила Хейдена переслать нам все снимки корпоративных фотографов. — Пока на светофоре горит красный, Рейчел успевает проверить свой телефон. — Подожди-ка…

— Что?

— Сообщение от Хейдена.

— Он прислал фотографии?

Светофор как раз вспыхивает зеленым, так что Рейчел просит:

— Давай я остановлюсь, и посмотрим.

Она заворачивает на пандус перед «Старбаксом» и парковой зоной, тормозит, возится с телефоном.

— Фотографии хранятся в каком-то «облаке», к которому у нас есть доступ. Размер файлов слиш-

ком велик для загрузки.

— Значит, на одноразовый телефон их не скачать?

— Похоже, нам понадобится ноутбук или что-то вроде него. Я могла бы использовать мой, только боюсь, что его отследят.

— Думаю, нужно рискнуть.

— Тогда зайду через VPN. Этого должно хватить.

Рейчел лезет в сумку и достает ультратонкий ноутбук. Зайдя в нужное «облако», мы листаем фотографии, стараясь не задерживаться на каждой подолгу. Все снимки сделаны на фоне того пресс-волла.

— Да когда же это закончится? — не выдерживает Рейчел.

— Я не знаю. Может, вернешься за руль? За нами погоня, а движущуюся цель, вероятно, труднее отследить.

— Сомневаюсь… Но ладно.

Я продолжаю просматривать фото, постепенно ускоряюсь, но все это пустая трата времени. Приводя в парк похищенного ребенка, вы вряд ли бы стали позировать перед фотографами. Или я ошибаюсь? Все-таки прошло пять лет, мальчик вырос, и все считают его мертвым. В его гибели никто

не сомневается. Так что, может, вы и рискнете в надежде, что через столько лет все позабылось. А даже если это и риск, неужели вам хочется вечно держать малыша взаперти?

Я пролистываю «облако» до конца — все зря. Тогда я принимаюсь увеличивать фотографии, чтобы тщательно рассмотреть дальний план, где, как я надеюсь, меня ждет подсказка. Качество файлов настолько хорошее, что можно увеличить каждую деталь на этих снимках. И в какой-то момент я даже замечаю мальчика примерно возраста Мэттью… Но стоит увеличить его лицо, как мнимое сходство исчезает.

Тут звонит одноразовый телефон Рейчел. Взглянув на номер, она принимает вызов и жестом предлагает мне приблизиться, послушать разговор.

— Алло?

— Можешь говорить?

— Да, Эстер.

А, это, насколько мне известно, Эстер Кримстайн, адвокат Рейчел.

— Ты там одна? — спрашивает Эстер. — Просто скажи «да» или «нет», без имен.

Она, конечно же, имеет в виду мое имя — вдруг нас все-таки кто-то подслушивает.

— Я не одна, — произносит Рейчел, — но мы можем говорить без опаски. Что-то случилось?

— Значит, так, ко мне только что заглядывали ребята из ФБР, — сообщает Эстер, — И угадай, кто у нас теперь «лицо, представляющее интерес»?

Рейчел смотрит на меня, но Эстер произносит это сама:

— Ты, Рейчел. Ты.

— Да, я примерно так и подумала.

— Тебя засняли видеокамеры возле больницы, где работает твоя сестра. На записи ты мило прогуливаешься с предполагаемым беглецом. Поздравляю, отныне твоя новая стрижка бесполезна. Я заявила ФБР, что на видео вовсе не ты, что это фотошоп, а даже если и ты, то тебя явно привели туда силой. Я им еще много всякого наговорила, всего не упомнить.

— И что, помогло?

— Да ни на йоту, ты уже в розыске. Скоро твоей прической в новостях будет любоваться вся страна. Ты прославишься.

— Потрясающе, — вздыхает Рейчел. — Спасибо, что предупредила.

— И позволь мне дать тебе последнее напутствие, — говорит Эстер. — Для всего мира твой зять — сбежавший убийца. Детоубийца. Худший

из убийц. Он стырил пистолет у тюремного надзирателя, напал на полицейского — тот до сих пор в больнице… Ты понимаешь, к чему я веду?

— Наверное.

— Тогда буду с тобой очень откровенна. Дэвид Берроуз проходит под грифом «вооружен и очень опасен». По такой одежке его и будут встречать. Попадетесь полиции — она будет стрелять не колеблясь. Ты же, Рейчел, моя клиентка, а я не люблю, когда мои клиенты гибнут под перекрестным огнем! С мертвой тебя я не получу ни цента! — И Эстер вешает трубку.

Я от нечего делать пялюсь на снимок с колеса обозрения с тремя улыбающимися мужчинами лет тридцати. Интересно, их лица такие красные из-за солнца или из-за спиртного?

— Ты должна позволить мне сделать все самому, — говорю я Рейчел.

Но та только шикает на меня, и я улыбаюсь. Она явно решила меня не слушаться, а я и не настаиваю на этом, ведь мне нужна Рейчел. Машинально мои пальцы все еще приближают-отдаляют изображение, пока мне не приходит в голову мысль.

— Фотография Мэттью, — осеняет меня.

— Что?

— Ты говорила, твоя подруга Ирэн показывала тебе фотографии?

— Да.

— И сколько?

— Не знаю, наверное, десять-пятнадцать штук.

— Ты, конечно же, просмотрела их все, как только увидела на одной из них Мэттью?

— Да, так и сделала.

— На что она их снимала?

— В каком смысле?

— На пленку, на цифру, на телефон?

— А, поняла. Ее муж Том знатный фотолюбитель, однако я не знаю, что у него за техника. Я спрашивала Ирэн о других фотографиях — она сказала, это все, что есть.

— Так мы можем связаться с «довольно забавной Ирэн»?

— Я звонила им прямо перед тем, как ехать в Бриггс, но они уехали в Аспен на чью-то свадьбу. Должны были вернуться прошлой ночью. А что?

— Может быть, Ирэн или Том смогут увеличить фотографию Мэттью или другие, те, что у них остались. Увеличить, как здесь. Видишь, какое качество? Кто бы ни привел Мэттью в парк, он явно сторонился профессиональных фотокамер. А единственный человек, который, как мы знаем

наверняка, смог сфотографировать Мэттью, — это Том.

— И так мы найдем какую-нибудь другую подсказку на его фотографиях!

— Именно.

Рейчел размышляет над этим, но затем возражает:

— Я не могу просто взять и позвонить Ирэн.

— Почему нет?

— Мое лицо скоро будет во всех выпусках новостей, и если Ирэн их увидит…

— …она может позвонить в полицию, — заканчиваю я за нее.

— Я бы не стала отметать такую возможность. Во всяком случае, она уж точно не примет меня с распростертыми.

— Ее может вообще не быть дома.

— Нельзя так рисковать, Дэвид.

И она права.

— Где живут Лонгли? — все равно спрашиваю я.

— В Стэмфорде.

— Так это же всего в часе езды отсюда!

— И какой у нас план, Дэвид? Мы приезжаем, я звоню в дверь и говорю, что хочу посмотреть фотографии?

— Чем не план?

— Она все еще может вызвать полицию.

— Мы сразу поймем по ее лицу, видела ли она новости, и в случае чего успеем сбежать.

— Рискованно, — хмурится Рейчел.

— Я думаю, мы должны воспользоваться этим шансом. Давай пока поедем туда, а потом решим.

* * *

Много лет назад в одной крошечной балканской стране родился мальчик, оставленный умирать в общественном туалете. Его родителей так и не нашли, поэтому отправили малыша в детдом, где ему дали имя Майло. Мальчик выглядел здоровым, но все время плакал, ведь ему было больно. Вскоре врач поставил ему редкий диагноз — синдром Мелейн, абсолютно летальное наследственное заболевание, вызванное дефектным геном. Такие дети, как Майло, доживали максимум до пятилетнего возраста, хотя большинство умирало уже в первые недели жизни.

Но и пять лет в комфортных условиях требовали таких вложений, которые даже этот детдом, щедро спонсируемый одной американской семьей, не мог выделить на безнадежного ребенка.

Чтобы продлить ему жизнь, при этом полную боли и страданий, требовались крайние меры — и крайне большие деньги. В подобном случае, как сказало бы большинство, лучше уповать на тихую, милосердную смерть.

Но с малышом Майло все вышло по-другому.

Член того самого семейства и наследник огромного состояния Хейден Пейн узнал о бедственном положении Майло и сразу проявил к нему живейший интерес, хотя никто не понимал почему. Ходила сплетня, что Хейден втайне от большинства служащих детдома поручил немедленно сообщить ему, если вдруг найдется малыш, подходящий ему по внешним критериям. А когда Хейден узнал, что этот мальчишка еще и плох, то еще сильнее заинтересовался. Зачем столь богатому человеку искать себе мальчика по определенному описанию, не осмелился бы спросить никто в детдоме. Почему? Очень просто: Пейны обеспечивали приют, и какими бы ни были их недостатки, без них у детей не было бы крова, а у взрослых — рабочих мест.

Однако те немногие, кто когда-либо видел Хейдена и Майло вместе, признавали в Хейдене настоящего благодетеля. Он делал для Майло все, что было в его силах. Для Хейдена было так

важно, чтобы короткая жизнь этого малыша ничем не омрачалась, что он совершенно не жалел денег. Почти ежедневно Хейден устраивал Майло увлекательные приключения: так, в один день мальчик работал пожарным и катался на большой пожарной машине; а в другой день — был полицейским и сам запускал полицейскую сирену. Хейден водил малыша на футбольные матчи, показывал раздевалки команд, разрешал наблюдать за игрой прямо с поля. Также он возил Майло на скачки, на ралли, на городские ярмарки, в зоопарки и океанариумы. Все дни, отмеренные Майло судьбой, Хейден сделал по-настоящему счастливыми.

Конечно, он мог бы и не стараться так сильно, но Хейден действительно видел в этом нечто правильное. Не вмешайся он, Майло давно умер бы от боли, а так, благодаря Хейдену и его щедрости, мальчик прожил жизнь, полную радостей и веселья. Хейден считал, что заслуживает похвалы. Никто не просил его делать столько для Майло. Он мог быть более прагматичным в этом вопросе, мог выбрать здорового мальчика, которого никто бы не хватился, и тогда его план воплотился бы быстрее, легче, с меньшими рисками. Но нет, вместо этого Хейден предпочел подождать. Он

верил, что поступает правильно. Поступает по совести. Он нашел жизнь, которой суждено было давным-давно угаснуть, и наполнил ее светом, яркими красками.

Никто из нас, живущих на земле, не вечен. Мы живем, зная это каждый свой день. Майло же прожил дольше и лучше, чем мог бы, — и все благодаря Хейдену Пейну.

Но вот однажды подошел срок. Майло был как раз подходящего роста и веса, и самое главное — ему уже не помогали лекарства. Продумав свой план до последней детали, Хейден взял мальчика на борт частного самолета и улетел с ним в США.

Он привез его в частный дом в Массачусетсе. Хейден дал Майло немного снотворного, которое не обнаруживалось в составе крови. Эта доза позволяла спать, не чувствуя боли. Затем Хейден отнес Майло наверх, в детскую другого малыша. Последнего он накачал тем же снотворным и положил спать в своей машине, заодно убедившись, что в виски отца семейства достаточная доза более сильного препарата.

Затем Хейден переодел Майло в пижамку с героями «Марвел», которую снял с другого ребенка.

Майло мирно спал в кроватке в тот самый

момент, когда Хейден занес над его головой бейсбольную биту. Он закрыл глаза и вспомнил профессора Тайлера, того восьмиклассника-хулигана, ту девочку, что страшно кричала, — все те случаи, когда он калечил людей, и всегда по уважительной причине, естественно. Собрав всю эту ярость, он открыл глаза и…

Хейден надеялся и верил, что убил Майло с первого же удара.

Но он занес биту снова. И снова. И снова. И снова.

И только когда он привез другого ребенка в поместье Пейнов — самое безопасное место на этой земле, — как ни странно, им овладела настоящая паника.

«Пикси, мне нужно кое в чем признаться…»

Что же он совершил? И почему в нем только сейчас проснулись сомнения — после стольких лет ожидания, стольких планов, после того, как он исправил большую ошибку?

А что, если он сам совершил ошибку?

И если мальчик на самом деле не его, можно ли как-нибудь вернуться в прошлое и все изменить?

Или уже слишком поздно?

Но, даже услышав это, Пикси, как всегда, оста-

валась рассудительна и спокойна. Она послала Стефано убедиться, что Хейден не напортачил и не оставил ниточек, которые приведут к семейству Пейн. После этого, чтобы развеять все сомнения, она потребовала у Хейдена тест на отцовство. Целый день в ожидании результатов показались Хейдену вечностью, но в конце концов Пикси с гордостью объявила: тест подтвердил, Хейден все сделал правильно.

Тео, еще недавно известный как Мэттью, действительно был его.

— Хейден?

Голос Пикси вернул его в настоящее, и он кашлянул:

— Да, Пикси.

— Ты переслал ей фотографии? — спросила Гертруда.

— Только те, которые просмотрел сам. Все от двух фотографов из четырех, они снимали не там, где гуляли мы.

— Как бы там ни было, полагаю, вы с Тео должны уехать как можно скорее.

И Хейден ответил:

— Мы выезжаем утром.

Глава 35

Мы подъезжаем к ранчо с тремя спальнями на Барклай-драйв в Северном Стэмфорде, где живут Том и Ирэн Лонгли. По пути я нашел их дом на риелторском сайте «Зиллоу»: расположенный на угловом участке площадью в один акр, дом стоил восемьсот двадцать шесть тысяч долларов. Задняя часть дома вмещала две с половиной ванных и внутренний бассейн.

Барклай-драйв — типичная улица в пригороде, где кто угодно мог обратить внимание на мужчину, одиноко сидящего в машине. Поэтому я ложусь на заднее сиденье и накрываюсь пледом так, чтобы меня не увидели.

— Тебе удобно? — спрашивает Рейчел.

— Просто замечательно.

Рейчел звонит со своего одноразового телефона на мой, говорит пару фраз, а я слушаю — так мы тестируем связь и громкость звука. Теперь я смогу слышать ее разговор с Ирэн или Томом, смотря кто откроет дверь, если дом вообще не пустует. Способ весьма примитивный, но, надеюсь, сработает.

— Я оставлю ключи в замке зажигания, — го-

ворит она. — Если что-то пойдет не так, сразу газуй.

— Понял. К слову, у меня тут пистолет. Если что, не забудь сказать копам, что я ко всему тебя вынудил.

— Ну уж нет, — хмурится Рейчел.

Я снова укрываюсь пледом и жду. У меня нет с собой наушников — приходится прижимать трубку к уху. Так странно прятаться на заднем сиденье машины, однако это сущая ерунда на фоне других проблем.

Из динамика доносятся шаги Рейчел и слабое эхо дверного звонка. Проходит несколько секунд. Вдруг Рейчел тихо говорит:

— Кто-то идет.

Судя по звукам, дверь открывается, и я слышу женский голос:

— Рейчел?

— Здравствуй, Ирэн.

— Зачем ты приехала?

Ох, как же мне не нравится ее тон. Я уверен, она уже знает про розыск. И как же теперь Рейчел из этого выпутается?

— Помнишь те снимки из парка развлечений, которые ты мне показывала?

— Что? — Голос Ирэн звучит растерянно.

— Вы снимали их на цифру?

— Да… Подожди, ты здесь что, ради снимков?

— Я тайком сфотографировала один из них на телефон.

— Да, я видела.

— И я хотела бы увидеть остальные. Распечатанными или сразу файлами.

Наступившая тишина сильно меня тревожит.

— Слушай, — говорит Ирэн, — ты не подождешь здесь? Я на секунду.

Так, сейчас я собираюсь сделать кое-что глупое, но меня снова ведут инстинкты. Ненавижу инстинкты. Только ленивый доверяет своей интуиции, чтобы самому не думать, не анализировать и нисколько не запариваться ради принятия верного решения. Но сейчас у меня нет на все это времени.

Когда я выпрыгиваю из машины, в моей руке уже блестит пистолет. Я бегу к входной двери и даже с такого расстояния замечаю, как глаза Ирэн расширились от удивления. То, как она замирает, мне только на руку: нельзя позволить ей вбежать в дом и запереть дверь. Ради этого я и прихватил пистолет.

— Дэвид?!

Но Рейчел не успевает произнести свое корон-

ное «черт возьми, что ты делаешь?!»: я оказываюсь рядом с Ирэн и страшным шепотом требую:

— Не двигаться.

— О боже, пожалуйста, только не убивай!

Рейчел бросает на меня взгляд, я отвечаю ей тем же, мол, у нас не было выбора.

— Послушайте, Ирэн, я не причиню вам вреда. Просто не хочу, чтобы вы вызвали полицию.

Но Ирэн так и стоит с поднятыми руками, выпучив от страха глаза.

— Нам только нужно взглянуть на фотографии. — Я опускаю пистолет и достаю из кармана снимок. — Вы видите мальчика на заднем плане?

Она слишком напугана, чтобы оторвать от меня взгляд.

— Ну же, смотрите, — требую я и понимаю, что это было слишком громко. — Пожалуйста.

— Давайте продолжим внутри, хорошо? — предлагает Рейчел.

Мы заходим в дом. Мне больно видеть, что Ирэн смотрит только на пистолет. Не важно, как все обернется, — она уже не будет прежней. Я поверг ее в страх, принес ей ночные кошмары; я забрал у нее не жизнь, но какую-то ее часть, как только достал пистолет. Вот что делают с людьми угрозы

и насилие: они больше не исчезают из памяти. Никогда.

— Я вас не трону, — говорю я уже тише прежнего. — Последние пять лет я провел в тюрьме за убийство своего сына. Но я этого не делал. Мальчик на снимке — это мой сын, живой. Вот почему я сбежал из тюрьмы. Вот почему мы с Рейчел приехали к вам. Мы просто пытаемся отыскать моего ребенка. Умоляю, помогите нам!

Она мне не верит, а может, ей все равно. Сейчас ею тоже руководит инстинкт, самый древний — инстинкт выживания.

— Он говорит правду, — добавляет Рейчел, но вряд ли это поможет.

— Чего вы от меня хотите? — спрашивает Ирэн.

— Только фотографии, — говорю я, — и больше ничего.

Через три минуты мы оказываемся у Ирэн на кухне. Холодильник украшен десятками фотографий Ирэн, Тома и двух их сыновей. Ирэн садится за кухонную тумбу, трясущейся рукой открывает ноутбук, и я замечаю, как она поглядывает на холодильник, то ли черпая силы в любви к близким, то ли напоминая себе о них.

— Все будет хорошо, — говорю я ей. — Даю вам

слово.

Ее это, кажется, не утешает. Мое сердце снова болит — не за меня, за нее. Она ведь ни в чем не виновата. Меня утешает лишь надежда, что ее посттравматическое расстройство, которое я ей подарил, исчезнет само, как только меня реабилитируют.

— Что вам от меня нужно? — спрашивает Ирэн и ежится, когда Рейчел пробует успокоить ее прикосновением к плечу.

— Просто откройте фотографии того дня, пожалуйста, — повторяю я.

Нервничая, Ирэн не сразу попадает в нужную папку. Я спрятал пистолет, чтобы больше ее не пугать, но она, разумеется, помнит, что он поблизости. В конце концов ей удается открыть нужную папку, и на мониторе появляются фотографии. Ирэн встает с табурета, жестом приглашает кого-то из нас сесть за ноутбук. Рейчел садится и кликает первую фотографию — на ней один из сыновей Лонгли с ухмылкой показывает на зеленые «американские горки» за его спиной.

— Я могу идти? — дрожащим голосом просит Ирэн.

— Простите, но нет, — отвечаю я так мягко, как только умею. — Иначе вы вызовете полицию.

— Я не стану, обещаю.

— Просто побудьте с нами еще минутку, ладно?

Как будто у нее есть выбор. Я ведь парень с пистолетом. Мы листаем фотографии, все эти кадры «американских горок», аниматоров в костюмах и какого-то водного шоу с дельфинами, тщательно рассматривая людей на фоне. Наконец мы находим снимок, с которого все началось.

— Вы не помните мальчика на заднем плане? — спрашиваю я у Ирэн, и та смотрит на меня так, словно выражение моего лица подскажет ей правильный ответ.

— Я не помню… Мне очень жаль…

— А винное пятно у него на лице?

— Нет, простите… Он же… Он позади меня, я его не помню… Мне правда жаль…

Тут Рейчел приближает его лицо, отчего мое сердце бешено колотится. Качество фотографии тем лучше, когда сравниваешь его со снимком, сделанным Рейчел. Ей удалось разве что снять распечатанное фото на телефон и распечатать его еще раз. Не представляю, сколько пикселей в этом файле, но чем больше Рейчел нажимает клавишу «плюс», медленно увеличивая лицо мальчика, тем сильнее кровь приливает к моему

лицу. Я украдкой бросаю быстрый взгляд на Рейчел и понимаю, что та тоже это видит.

Вскоре лицо мальчика занимает весь монитор. Мы с Рейчел смотрим друг на друга, уже не сомневаясь: это Мэттью.

Или же мы снова принимаем желаемое за действительное? Хоть бы все это оказалось правдой. Не знаю как, да и не важно. Но едва я задаю себе вопрос «и что дальше?», как Рейчел бросается нажимать клавишу «вправо», постепенно отдаляясь от лица Мэттью.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я.

Рейчел молча продолжает жать ту же клавишу. Так мы «переползаем» по ручке Мэттью на руку взрослого, который был с ним в парке. И когда мы добираемся до цели, Рейчел громко вдыхает.

— Рейчел?

— Боже мой…

— Что?

— Видишь кольцо? — Она указывает на мужскую ладонь, сжимающую ладошку моего сына.

На руке действительно кольцо с пурпурным камнем и каким-то студенческим гербом. Я прищуриваюсь, рассматривая его.

— Похоже на выпускную печатку.

— Именно, — говорит Рейчел и оборачивается

на меня: — Выпускную печатку Лемхоллского университета.

Глава 36

— Макс, не желаешь мне рассказать, что, черт возьми, происходит?

Сара была за рулем, пока Макс маялся на пассажирском сиденье, и хотя ее глаза были устремлены на дорогу, казалось, ее взгляд колет все его тело.

— Я не уверен, что Берроуз это сделал.

— Сделал — что?

— Убил своего ребенка.

— А ты у нас теперь адвокат?

— Нет, я сотрудник правоохранительных органов.

— Который должен ловить беглого заключенного, — напомнила Сара. — Если он этого и не делал, на то, чтобы его оправдать, есть суды, законы, целая правовая система. Это не твоя работа и не моя. Наша работа — привезти его в тюрьму.

— Достижение справедливости — вот наша работа.

— Он из тюрьмы сбежал!

— Это как посмотреть.

— В смысле?!

— Мы оба знаем, что ему помогли.

— Ты имеешь в виду надзирателя.

— Да. Я побеседовал с ним. — И Макс ввел ее в курс дела, лицо Сары при этом медленно наливалось краснотой.

— Боже ты мой! Мы должны арестовать Маккензи.

— Сара…

— Макс, ты себя слышишь? Из тебя же лепят дурачка!

— Но ДНК-тест…

— …доказывает, что не он отец. Тоже мне важная улика. Она лишь сильнее его закапывает.

— Почему это?

— А жена? Та, у которой мы только что были. Тебе самому очевидно, что она о многом умалчивает.

— Это да…

— История — простая, как дважды два, Макс. Она изменила, гуляла с другим, черт, да наверняка со своим нынешним мужем. Так, может, Мэттью на самом деле сын этого Дрисона и Дэвид Берроуз узнал об этом?

— Узнал, а затем пошел и убил невинного ребенка?

— Конечно, почему нет-то? Думаешь, он первый такой олень, убивший чужого отпрыска? Но в

любом случае — и мне нужно, чтобы ты намотал это себе на ус, — такими делами занимаемся не мы, а наша правовая система. Идеальная ли? Нет. Можно пройтись по тюрьмам и выцепить оттуда уйму невиноватых, чьи дела надо бы пересмотреть. Так сделай это, проведи отпуск с пользой. Я только похлопаю! Но не помогай им сбежать, Макс. Не давай им в руки оружие. Не помогай им добить нашу и без того ветхую, драную систему. Нам нужно поймать Берроуза — и все на этом. Он вооружен и очень опасен. Именно так его и нужно воспринимать. Ты понял?

— Я хочу знать, действительно ли он убил.

— Ну, тогда мне придется позвонить куда надо.

— То есть?

— Макс, я отстраняю тебя от дела. Тебе не стоит над ним работать.

— Ты правда так со мной поступишь?

— Я люблю тебя, — ответила Сара, — люблю тебя, наши клятвы и нашу систему. Ты сам не понимаешь, что творишь. Яблонски, — ответила она, подняв зазвонивший телефон.

«Берроуз только что вломился в дом в Коннектикуте, взяв заложницу. У него оружие».

* * *

Вот и что я мог сделать?

Не стрелять же в Ирэн Лонгли или связывать ее, в самом деле. По телику такое выглядит интересно, но на практике пользы не приносит. Думаю, будь у нас чуть больше времени, мы бы заперли ее в шкафу, отобрав телефон… Да, только она бы умоляла нас уйти до того, как ее сыновья вернутся домой; мало того, что я нанес бы столько душевных травм этой бедной женщине, так еще представьте, что было бы с мальчиками, обнаружившими собственную мать в шкафу?

Вот почему это мы умоляли ее не вызывать полицию. Мы объясняли, как могли, что просто спасаем моего сына. Ирэн кивала, однако, как я уже несколько раз упоминал, этим она всего лишь пыталась не разозлить меня. А сама не слушала. Нам оставалось с силой нажать на педаль газа и верить в лучшее.

А что еще делать-то?

Полиция уже близко, и наша поимка оставалась вопросом времени. Мы с Рейчел снова спорили о том, не поменять ли номера на машине, не выпросить ли у Эстер Кримстайн очередное авто, а может, просто вызвать «Убер»? В итоге мы со-

шлись на том, что все это нас замедлит и лучше всего ехать прямо к поместью Пейнов. Дорога от дома Ирэн до него занимала чуть больше пары часов, а полиция пока не знала, куда мы едем.

Мы почти распутали этот клубок. Бежать больше некуда и нет причин.

За рулем теперь я. Я превышаю скорость, но не так, чтобы нас тормознул патруль. Так странно сидеть за рулем после пятилетнего перерыва… Не то чтобы я забыл, как водить: поговорка «нельзя разучиться ездить на велосипеде», как мне кажется, применима и к автомобилям. Но поездка за рулем после стольких лет за решеткой изрядно бодрит. Я думаю лишь о том, как найду и спасу моего сына, как узнаю правду о той ужасной ночи. Только ради этого я и отважился бежать, а вовсе не ради жизни на воле. Но теперь воля дает мне попробовать ее на вкус, и уже нельзя ее не желать. Больше я не принимаю свободу как должное, однако после смерти Мэттью мне было ни до чего.

— Я не понимаю, — говорит Рейчел. — Что делает Мэттью с Хейденом Пейном?

У меня есть некоторые предположения, но пока я не хочу их озвучивать.

— Мне ему позвонить?

— Хейдену?

— Да.

— И что ты ему скажешь?

Подумав, она соглашается:

— Сама не знаю.

— Нам нужно туда добраться.

— А что потом, Дэвид? У них же там ворота и охрана.

— Значит, снова возьму заложника.

— Ты серьезно?

— Рейчел, нельзя говорить ему, что мы едем.

— Я это понимаю, но разве можно вот так свалиться им на голову? Мы даже не знаем, дома ли Хейден!

Да какое это имеет значение? Мы едем в Ньюпорт, в поместье Пейнов на Истон-Бэй, и точка. Если Хейдена Пейна там нет, мы паркуемся где-нибудь рядом и, затаившись, ждем столько, сколько потребуется.

У него мой сын.

— Может, стоит позвонить в полицию? — предлагает Рейчел.

— А им ты что скажешь?

— Что Мэттью жив и мы рассчитываем найти его у Хейдена Пейна.

— И что, по-твоему, полиция сделает с этой

информацией? Побежит получать ордер на арест одной из богатейших семей страны на основании… чего? Одной фотографии?

Рейчел молчит.

— И потом, если этот мальчик превратится в угрозу для Пейнов, как думаешь, они отдадут его нам или все-таки уберут?

Я еду, подолгу глядя в зеркало заднего вида, готовый в любую минуту увидеть полицейские мигалки. Кажется, мы успеваем на место.

— Возьми мой телефон, — говорю я Рейчел.

— Что?

— Я сделал скриншот старого электронного письма. Прочитай, что там было.

Так и сделав, Рейчел вскоре откладывает трубку и спрашивает:

— Хочешь, поговорим об этом?

— На это сейчас нет времени. Сначала — Пейны.

Пролетая южную трассу RI-102, мы с Рейчел придумываем какой-никакой план. После чего она берет свой мобильный и все-таки звонит Хейдену. Я слушаю гудки, а мое сердце бьется где-то в горле.

— Рейчел?

Это его голос, голос Хейдена Пейна. Одного его

достаточно, чтобы понять: у него мой сын. Хейден забрал его у меня. И кажется, теперь я даже понимаю почему, но это ничего не меняет.

Рейчел откашливается и отвечает:

— Привет, Хейден.

— Ты в порядке?

— О да.

— Ты получила фотографии, которые я высылал?

— Да, спасибо, я поэтому и звоню. Можно я приеду?

— Когда?

— Ну… минут через десять.

— Я сейчас в поместье Пейнов.

— А я как раз еду в Ньюпорт. Могу я зайти?

Наступает долгая пауза, в течение которой Рейчел смотрит на меня. Я стараюсь дышать ровно. Еще секунда — и Рейчел не выдерживает:

— Хейден, я хочу обсудить с тобой некоторые фотографии.

— Неужто на них ты нашла своего таинственного мальчика? — спрашивает он.

— Нет, и вообще я думаю, ты был прав.

— О!

— Похоже, я не найду Мэттью ни на одной из этих фотографий, потому что мой племянник

все-таки умер пять лет назад. Но мне кажется, кто-то пытается подставить Дэвида.

— И каким же это образом?

— Я пойму это, если ты сумеешь опознать некоторых людей на этих снимках.

— Рейчел, на то мероприятие пришли тысячи наших сотрудников… Сам я был за границей, и я правда не знаю…

— Но ты же можешь поспрашивать о них, не так ли? Дай я просто укажу тебе этих людей, а ты попробуешь узнать, кто они такие. Я уже подъезжаю к твоим воротам. Ты ведь не откажешь мне в помощи?

— Дэвид с тобой?

— Что? Нет, конечно.

— Полиция считает тебя причастной к его побегу. Видел в новостях.

— Он не со мной, — убеждает его она.

— Но ты знаешь, где он?

— Не по телефону, Хейден, — отвечает Рейчел, уже увидев ворота неподалеку. — Буду через пять минут.

Она вешает трубку.

Мы находим укромное место и ненадолго останавливаемся, чтобы я смог распахнуть заднюю дверь кузова и протиснуться внутрь. Там

я нашариваю черный пластиковый футляр для перевозимых грузов и накрываюсь им целиком. Все, меня не видно. Мы с Рейчел созваниваемся, чтобы слышать друг друга, и тогда она снова садится за руль.

Минут пять я лежу в полной темноте, а потом Рейчел говорит:

— Я у караулки.

До меня доносится приглушенный разговор. Рейчел называет свое имя, и я, совершенно неподвижный, перестаю понимать, что происходит; мне ничего не видно из темного кузова.

— Спасибо! — фальшиво радуется Рейчел, и мы едем дальше. — Дэвид, ты меня слышишь?

— Слышу, — отвечаю я, включив снова микрофон на своем мобильном.

— Секунд через пятнадцать будет тот поворот, о котором я говорила. Готов?

— Да.

До этого мы обсудили, что на территории поместья дорога, что по обе стороны усажена вечнозелеными деревьями, уходит в слепой поворот; там я могу выскочить и спрятаться за деревьями, возможно оставшись незамеченным.

— Давай, — говорит она, остановив машину.

Всего за три секунды я выпадаю из кузова авто и

закрываю заднюю дверь. Пригнувшись, я перекатываюсь за дерево, пока Рейчел трогается с места. Я перебегаю на другую сторону кустарников, выпрямляюсь — и увиденный пейзаж заставляет меня замереть в благоговейном восторге. Поместье Пейнов стоит на скале, с которой видна волнистая линия Атлантического океана. До нее простирается зеленая гладь, сады и лужайки, за которыми, верно, присматривают олимпийцы. Я вижу кусты в форме животных, людей, даже городских высоток, а посередине — масштабный скульптурный фонтан в виде гигантской головы, покрытой зеркалами, с бьющей изо рта водой. Страшно похоже на скульптуру «Металморфозис» Давида Черни в Северной Каролине. Особняк высится справа. Вопреки всем ожиданиям, он выглядит не как старинное произведение искусства, а как нагромождение белых кубов. Тем не менее, несмотря на современный дизайн, по его стенам сбоку вьется виноградная лоза и плющ. Слева же — что-то, напоминающее поле для гольфа, правда только с двумя лунками. С другой стороны, на частной территории, раскинувшейся вдоль престижного Истон-Бэй, больше лунок, наверное, и не нужно. Еще я вижу два водопада и вроде как пейзажный бассейн, уходящий прямо

в воды океана.

И ни души кругом. И тишина, если не считать далекого эха волн, разбивающихся о скалу.

И куда теперь?

Наш план, который теперь выглядит никудышным, состоял в том, чтобы я спрятался у поместья и поискал… Вот да, что именно? В идеале — Мэттью. Да знаю я, знаю, что план наш — дерьмо, но другого-то нет. Рейчел будет говорить с Хейденом, возможно, даже спорить с ним, и если ни одна наша идея не сработает, если мы не найдем Мэттью или какие-нибудь подсказки…

Что ж, на этот случай у меня до сих пор при себе пистолет.

Странное дело: почему-то я чувствую себя неуязвимым. Хотя «довольно забавная Ирэн» наверняка уже вызвала полицию, и та скоро отследит нас по дорожным камерам до самого Ньюпорта, однако до ее прибытия остается еще какое-то время. Или, по крайней мере, мне так кажется.

Я крадусь по дорожке, держась поближе к вечнозеленым кустарникам. Расположившись так, чтобы хорошо видеть входную дверь, я пригибаюсь и жду. Рейчел как раз направляется к входу в поместье. Нас с ней разделяет где-то пятьдесят-

шестьдесят ярдов. Да уж, имение действительно немаленькое.

Едва Рейчел приближается к входной двери, как та открывается. И из нее выходит Хейден Пейн.

Глава 37

Гертруда Пейн заканчивала кружить в крытом бассейне. Последние тридцать лет она ежедневно по сорок пять минут занималась плаванием — чаще здесь, в Ньюпорте, где она в основном и обитала, однако в ее особняке на Палм-Бич и на ранчо в Джексон-Хоул тоже были и крытый, и открытый бассейны. Занятия плаванием были важны для Гертруды: это ведь отличное упражнение. Теперь она плавала не так быстро, как раньше, что неудивительно в ее возрасте. В детстве Гертруда мечтала стать профессиональной пловчихой, однако у нее не было ни минуты свободного времени — все оно отдавалось более серьезным занятиям, а не «девчачьему спорту», по словам ее отца. Все же Гертруда до сих пор любила воду и ее тишину, затапливающую тишину в голове, когда главным звуком в мире становится лишь твое дыхание.

Один из ее правнуков называл плавание «маленькой отдушиной Пикси» — и был прав.

Когда она выскользнула из воды, Стефано немедленно подал ей полотенце.

— В чем дело?

— В поместье только что прибыла Рейчел Андерсон.

И он пересказал ей весь разговор Хейдена с его старой приятельницей по колледжу. Звонки Хейдена отслеживались с той самой поры, как Берроуз совершил свой дерзкий побег. Хейден бывал иррациональным и ребячливым, жил одними эмоциями и страдал перепадами настроения.

Дослушав, Пикси спросила:

— Что же нам делать?

— Ситуация выходит из-под контроля.

— Ты же не веришь, что она на самом деле едет опознать людей с фотографий?

— А вы верите? — нахмурился Стефано.

— Нет. У тебя есть план?

— В новостях передали, что Рейчел Андерсон — пособница и соучастница осужденного детоубийцы, недавно сбежавшего из тюрьмы, — начал Стефано в своей обычной манере: ровным голосом, как всегда спокойно, как всегда хладнокровно, без нервов и раздражения, даже если ситуация к ним располагала. — Нужно действовать с холодной головой. Мы схватим ее прямо на месте. Узнаем, где прячется Дэвид Берроуз; ей это, разумеется, известно. Дальше мы найдем его и

поможем обоим исчезнуть. Так всем будет лучше. Я поручил одному из своих людей отогнать ее машину от поместья. Если полиция узнает, что Рейчел была здесь, мы покажем, что она уехала. Если нас спросят, зачем она приезжала, мы скажем, что она хотела видеть некие фотографии.

— Выходит, они оба просто… исчезнут? — сказала Гертруда.

— Да.

— А что решит полиция? Что они сбежали?

— Вероятно. Их будут и дальше искать.

— Но никогда уже не найдут.

— Никогда, — подтвердил Стефано.

— А вдруг Рейчел и Дэвид уже поделились с кем-нибудь своими планами?

— Кто бы им поверил? — улыбнулся Стефано. — А если и да, я вместе с вашими адвокатами сумею жестко прикрыть это дело.

Гертруда задумалась. Конечно же, план Стефано был неоригинален. Лучший способ решить проблему — это избавиться от нее.

— Другого пути нет, не так ли?

Стефано не ответил, ведь вопрос был риторический.

— Так когда прибудет Рейчел?

— Она только что приехала, — ответил Стефа-

но. — Я жду только вашего одобрения.

— Считай, ты его получил.

* * *

Хейден вышел на улицу и обнял Рейчел. Та позволила ему это сделать, всеми силами постаравшись не отстраниться и даже не сжаться. Теперь она знала, знала без всяких сомнений: Хейден сотворен изо лжи, притворства, чистого зла. Она могла бы давно уже догадаться, на протяжении тех долгих лет, когда видела в нем склонность к насилию, последствия которой устраняла его семья. Рейчел понимала это и принимала даже, ведь именно его жестокость спасла ее той ночью. В это она долго и свято верила. С тех пор ее отношение к Хейдену было неоднозначным: часть ее знала, каков он, другая часть — только чувствовала, но охотно обманывалась. Он помог ей, а вдобавок его деньги и влияние делали их совместный досуг таким захватывающим.

— Хорошо, что ты приехала, — сказал Хейден, все еще прижимая ее к себе. — Ты слишком давно не бывала у меня дома.

Когда он отстранился и посмотрел ей в лицо, Рейчел попробовала улыбнуться.

— Что-то не так? — спросил Хейден.

— Мы можем просто прогуляться по саду?

— Разумеется. Хотя я думал, ты везешь мне какие-то фотографии.

— До них дело еще дойдет. Сначала я хочу просто поболтать, если ты не против.

— Я только рад, — кивнул Хейден.

Молча они направились в сад сбоку от поместья. Впереди Рейчел видела зеркальный фонтан в виде головы, а еще повсюду слышался шум океана.

— Красивая скульптура, правда? — спросил он.

— О да.

— Ты, верно, видишь в ней то же, что и я?

— Я не понимаю, Хейден.

— Мы оба способны видеть красоту. И оба испытываем одно и то же. Знаешь, в поместье Пейнов работает много людей, как внутри дома, так и снаружи, и все они смотрят на мир такими же глазами, как у меня, видя то же, что и я. Мы живем в одном и том же мире, он существует не только для богачей. Так почему же люди такие завистливые? Мы любуемся одним и тем же, а значит, можем ценить это одинаково.

О, как же Хейден любил это делать — сотней способов оправдывать свое положение. Ей не хотелось ввязываться в бессмысленный спор.

Рейчел поглядывала на живую изгородь в поисках Дэвида, но тот либо бродил где-то еще, либо очень хорошо прятался.

— Хейден.

— Да?

— Я все знаю.

— А именно?

— Мэттью живет у тебя.

— Прошу прощения?

— Давай ты только не будешь фальшиво оправдываться, ладно? Я все знаю. И актрису-итальянку ты придумал, а за границу переехал, чтобы никому не показывать мальчика. Твоя семья богата до неприличия, но о тебе не ходит никаких сплетен, и пресса не топчется у твоего дома, умирая от желания заснять твоего якобы сына.

Хейден прогуливался рядом с ней, заложив руки за спину, и прищуренно глядел в небо.

— Мне удалось получить цифровую копию той фотографии, а потом увеличить ее, — продолжала Рейчел. — На том снимке мальчик держит за руку мужчину. И это твоя рука, Хейден.

— Как ты можешь это утверждать?

— Я узнала твое кольцо.

— Думаешь, я один на всем свете ношу такое кольцо?

— Ты был в парке развлечений? Да или нет?

— А если я скажу «нет»?

— Я тебе не поверю. Чье тело в итоге нашли в кроватке Мэттью?

— Ты бредишь, Рейчел.

— О, хотела бы я бредить, Хейден, правда. Дэвид, возможно, знает, как все было.

— Дэвид Берроуз, — произнес Хейден, сдерживая смешок, — беглый преступник, которого ты укрываешь.

— Да, именно.

— И что же он знает? Умираю от желания послушать.

— Он считает, ты был влюблен в меня.

— Ничего себе!

— Я и сама отчасти это понимала. Я явно нравилась тебе в колледже. Мне казалось, это потому, что нас сблизил тот страшный случай.

— Под «страшным случаем», — уточнил Хейден с еле слышной сталью в голосе, — ты имеешь в виду то, что я спас тебя от изнасилования?

— Да, Хейден, я именно об этом.

— Ты должна быть благодарна за это.

— Я и была! Я до сих пор благодарна. Но мы поступили неправильно, утаив это. Мы должны были обнародовать факты — и будь что будет.

— Меня бы исключили из колледжа.

— Значит, такова была бы цена.

— Цена за то, что я спас тебя?

— Возможно, однажды власть имущие поняли бы, что ты сделал доброе дело. Но мы этого никогда не узнаем, потому что решили держать все в секрете. А ведь это так похоже на Пейнов, не так ли, Хейден? Ваша семья жмет на все возможные рычаги, лишь бы похоронить то, что ей не мило.

— О да. Богатые люди — корень всех бед. До чего же интригующее откровение.

— Дело не в том, кто плохой, а кто хороший. Просто вы не умеете нести ответственность.

— Ты веришь в Бога, Рейчел?

— Какая разница?

— А я верю. Я верю, что Он есть. И посмотри, что Он дал мне. — Раскинув руки, Хейден описал круг. — Взгляни, Рейчел, взгляни, чем Бог наградил семейство Пейн. Думаешь, это лишь цепь случайностей?

— Вообще-то, да.

— Чушь! Знаешь, почему богатые люди чувствуют себя особенными? Потому что они и есть особенные. И ты веришь либо в справедливого Бога, давшего вам по заслугам вашим, либо в мир, созданный как хаос и цепь случайностей. Во что

же веришь ты?

— В хаос и случайности, Хейден. Где Мэттью?

— Нет-нет, я желаю дослушать про теорию Дэвида. Значит, по его словам, я был влюблен в тебя, а что же дальше?

— Ты и был, не правда ли?

Он остановился и с раскинутыми руками повернулся к ней:

— А кто сказал, что эти чувства прошли?

— И когда я попросила Барб Маттесон записать меня в Институт репродуктивной медицины, она все тебе рассказала, или я ошибаюсь?

— А что, если так?

— Ты бы наверняка расстроился. Ты ведь хотел, чтобы я была только твоей, а тут вдруг — какой-то ребенок от донора… Тебе от этого не было бы никакого проку.

Хейден ухмыльнулся:

— У тебя с собой телефон?

— Да.

— Давай его сюда.

— Зачем это?

— Хочу убедиться, что ты не записываешь наш разговор.

Рейчел заколебалась: он ухмылялся, как настоящий псих. Снова она огляделась, высматривая

Дэвида, но нигде его не обнаружила.

— Дай мне свой телефон, Рейчел! — резко произнес он.

Делать нечего. Она полезла в карман, нашаривая красную кнопку на телефоне, чтобы прервать звонок до того, как это увидит Хейден. Тут же он помешал ей, схватив ее за руку.

— Ой! Хейден, какого черта?!

Он сам залез в ее карман, достал оттуда телефон и взглянул на экран:

— Что за странный гаджет?

— Одноразовый.

Хейден осмотрел его со всех сторон и сказал:

— Продолжай. Я хочу услышать твою теорию, Рейчел.

— Что ты ощутил, узнав, что я получила сперму донора? — спросила она.

— То же самое я всегда чувствовал, узнав, что у тебя какой-то там новый, жалкий, ничтожный бойфренд. «Какая потеря!» — думал я.

— Это должен был быть ты, — сказала Рейчел.

— Да, я. Именно я спас тебя, Рейчел, а значит, ты должна была быть моей.

— Твоя семья владела Институтом репродуктивной медицины.

— Продолжай.

— Так что тебе легко было все устроить. Ты угрожал докторам или заплатил им?

— В угрозах редко есть необходимость. Обычно достаточно денег и подписок о неразглашении.

— И ты позаботился о том, чтобы у меня оказалась именно твоя сперма.

Хейден закрыл глаза и с улыбкой вскинул лицо к небу.

— Здесь только ты и я, Хейден. Можно уже и признаться.

— Я бы очень хотел, чтобы ты этого не делала.

— Чего не делала?

Он покачал головой, больше не улыбаясь.

— Что же ты в итоге планировал, Хейден?

— Я думал, ты родишь именно моего сына и когда-нибудь я тебе об этом расскажу.

— И это заставит меня полюбить тебя?

— Возможно. А если и нет, мы в любом случае стали бы семьей, не так ли? Хуже было бы, отвергни ты меня, чтобы самой воспитывать моего ребенка. Но ведь ты могла бы и впустить меня в свою жизнь. Тебя завораживает влияние моей семьи. Помнишь, на весенние каникулы мы летали на частном самолете в особняк на Антигуа? О, Рейчел, какое у тебя тогда было лицо! Тебе нравились такие путешествия. Вечеринки. Власть. И

отчасти поэтому мы с тобой сблизились. Так что да, мой план состоял в том, чтобы оплодотворить тебя. Зачем нужна сперма анонимного донора, когда есть моя?

— Любимчик Господа Бога, — добавила она.

— Точно. С отличными генами. Да еще и тот, кому ты важна. План был идеален.

— Конечно, если не считать того, что я-то не ходила за донорской спермой.

— Да уж, твоя уловка одурачила всех докторов в Берге. Это весьма иронично, если подумать. Вот ты говоришь, что моя семья плохо делает, раз хоронит свои тайны…

— …и в то же время мы с сестрой поступили так же.

— Вот именно, Рейчел.

— Когда ты понял, что в институт ходила Шерил, а не я?

— Когда ты так и не забеременела, зато забеременела Шерил. Тогда я пошел в Институт Берга, в котором ты якобы была. Показал доктору твое фото — она тебя не узнала. Зато фото Шерил… — Он пожал плечами.

— А потом?

— Потом я решил подождать. Понаблюдать. Придумать новый план. Дэвид уже потихоньку

сдавал, ты ведь знаешь, правда? Их браку не суждено было выжить. То, что Шерил ему солгала… Эта боль его сжирала. Думаю, он всегда знал, что сын на самом деле не от него. Поэтому я следил за ними и терпеливо ждал.

— Ты убил другого ребенка.

— Нет, Рейчел.

— Той ночью погиб какой-то малыш.

— Он меня занял на время отсрочки плана. Пока я выжидал, он прожил незабываемую жизнь.

— Что ты такое говоришь?

— Это не важно.

— Мне важно!

— Нет, Рейчел, тебя волнует другой мальчик, тот, которого я спас в ту ночь. Мой сын.

— Ты повесил убийство на Дэвида.

— Ну, не совсем. Когда та пожилая леди заявила на суде, что видела его с бейсбольной битой, я был потрясен. Знаешь, что я тогда подумал?

— И что же?

— Что он сам поверил в то, что сделал это, и поэтому сам закопал бейсбольную биту. Лишь позже я узнал, что кто-то там точил зуб на его отца. Но нет, я не хотел, чтобы Дэвид сидел пожизненно, ведь он был ни в чем не виноват. Он, как мог, растил моего сына. Я не хотел причинять

ему больше боли, чем требовалось.

— Но зачем все эти крайности?

— А что мне оставалось, Рейчел? Не мог же я признаться, что заставил докторов подтасовать образцы спермы. — Он вскинул руку: — И прежде чем ты снова начнешь драматизировать, давай вспомним, кто все это затеял. Ты и твоя сестра. Во всем виновата твоя ложь.

Рейчел чувствовала, что он отчасти прав.

— Кто еще знает?

— Разумеется, Пикси. Стефано. Пожалуй, все. Я привез своего сына в дом сразу после подмены. Признаюсь, я был в панике, так боялся, что совершил страшную ошибку… Но Пикси инициировала тест на отцовство. Так выяснилось, что мальчик все-таки мой. Мы вместе прожили в поместье почти полгода, я вообще отсюда не выезжал. Мальчик вначале расстраивался, много плакал, не спал и скучал по матери и… и Дэвиду. Но дети легко адаптируются к новым условиям. Мы назвали его Тео, состряпали историю об итальянской актриске. В итоге я увез его за границу и поместил в самую престижную закрытую школу в Швейцарии. И знаешь, я все ждал, когда исчезнет эта чертова родинка. Врач сказал, что она постепенно сойдет, но ошибся. Родимое пятно

упрямо оставалось на месте. И да, Мэттью все равно никто не искал, ведь он числился мертвым, а не пропавшим. Однако сходство между Тео и Мэттью…

— Хейден?

— Что?

— Мы все еще можем все исправить.

— И как же?

— Верни Мэттью.

— Вот так просто?

— Верни его, и никто не узнает, где и с кем он был все эти годы.

— О, да брось! Разумеется, все об этом узнают. Но ты, Рейчел, не сумеешь ничего доказать. Ты это знаешь. Ты никогда не получишь моего мальчика, а если и да, неужели ты действительно рассчитываешь заставить меня, потомка Пейнов, сдать ДНК-тест? А вдобавок… что покажет этот тест? Я — отец. Шерил — мать. Вот я и скажу, что у нас с Шерил закрутилось…

И именно в этот момент из-за куста шагнул Дэвид. Мужчины просто взирали друг на друга, пока Дэвид не спросил:

— Где мой сын?

Глава 38

— Где мой сын? — весь дрожа, бросаю я в лицо человеку, который сломал мне жизнь.

— Дэвид… — шепчет Рейчел.

— Рейчел, звони в полицию.

— Не позвонит, — отвечает Хейден. — Ее телефон у меня. Но даже будь он у нее, полиция не сможет войти сюда без ордера. — Тут он делает шаг ко мне. — Да мы и без них разберемся, Дэвид.

Я гляжу на Рейчел, затем снова на него:

— Где Мэттью?!

— Его нет. Ты убил его. А если имеешь в виду Тео…

Не хочу больше слышать этот бред, поэтому направляюсь к дому. Я разорву этого подонка, если придется. Мне уже все равно. Главное — я снова увижу моего сына.

Рейчел и Хейден следуют за мной.

— Разве ты не желаешь услышать мое предложение? — спрашивает Хейден.

Я сжимаю кулак. Жаль, он слишком далеко, чтобы его ударить.

— Нет.

— Это не твой сын. Я уверен, ты уже знаешь. Но тебя оболгали, из-за чего я всегда искренне переживал: мне не хотелось, чтобы ты оказался в тюрьме. Так позволь мне тебе помочь. Послушай, Дэвид. У Пейнов есть деньги. Мы можем вывезти тебя из страны, сделать тебе новый паспорт…

— Псих ненормальный!

— Да нет же, послушай меня…

Все, хватит! Мы примерно в двадцати ярдах от входной двери, я поворачиваюсь, бросаюсь на него и хватаю за горло.

— Дэвид… — снова слышу я голос Рейчел, но не реагирую.

Я собираюсь швырнуть Хейдена Пейна на землю, как вдруг раздается другой голос, мужской и спокойный:

— Ну все, достаточно.

Перед нами появляется коренастый мужчина с темными волосами, одетый в черный костюм. А еще у него пистолет.

— Отпусти его, Дэвид, — произносит он буднично, даже мягко, но есть в его тоне что-то такое, что вынуждает остановиться и внимательно слушать.

Глаза у него холодные и мертвые. Слишком часто такие я видел у сидящих в тюрьме.

И тут меня осеняет.

Не знаю, правильно ли так говорить, однако менее чем за секунду меня посещает нечто вроде озарения. Мне знаком такой тип людей, мне знакома ситуация. Я знаю, что он вооружен и это частная территория. Я знаю, он здесь, чтобы убить меня. И еще я знаю, что обязан защитить Рейчел и Мэттью и что последствия для меня никогда не наступят.

Держа все это в голове, я действую очень быстро. Моя рука до сих пор на горле Хейдена, и я притягиваю его к себе, используя в качестве щита. Свободной рукой вынимаю пистолет.

Я не впервые держу его в руках: мой отец был полицейским. Он многое знал о том, как безопасно хранить оружие. По субботам после обеда мы с папой, Адамом и дядей Филиппом ездили в «Эверетт» — пострелять в тире. Так я и наловчился стрелять, причем не только по неподвижным мишеням, больше по движущимся, всем этим произвольно выскакивающим картонным фигуркам. Среди фигурок были и «плохие парни», и «гражданские»; черт возьми, я так часто их путал, а все же мне запомнилось, чему учил меня отец.

Без выстрелов в голову. Не целиться в ноги, не пытаться ранить. Стараться стрелять в центр тя-

жести посреди туловища и не бояться допустить ошибку.

Мужчина в костюме сразу меня раскусывает и поднимает оружие. Но моя смелость, эффект неожиданности и использование Хейдена Пейна в качестве щита дают мне преимущество.

Я стреляю в мужчину трижды.

И он валится.

Хейден с криками бежит к входной двери, и я уже хочу последовать за ним, однако вижу другого парня с пистолетом. Не колеблясь, стреляю еще три раза — и он тоже падает. Не знаю, ранены эти двое или мертвы, но мне все равно. Хейден тем временем уже за дверью.

Я подбегаю к первому упавшему, лежащему с закрытыми глазами. Кажется, все еще дышит, некогда проверять. Склонившись, я вырываю пистолет из его руки и кричу Рейчел:

— Ну же, идем!

Конечно, она идет, мы вместе спешим к входной двери. Как бы Хейден ее не запер… но нет: кому нужны замки, когда живешь буквально за кордоном охраны? Мы входим в фойе. Я закрываю за собой дверь и протягиваю Рейчел пушку.

— Дэвид?

— Для защиты. На случай, если кто-то попыта-

ется сюда войти.

— А ты куда?

Но ведь она и так знает. Я уже поднимаюсь по лестнице, когда слышу чей-то топот. Непонятно, сколько людей сюда бежит, однако я уже застрелил двоих и продолжу стрелять безо всяких угрызений совести. Меня волнует только, как бы пули не закончились.

Дом белоснежный, стерильный, почти казенный, внутри ни единого цветного пятна. Хотя у меня ведь и так проблемы со зрением. Звук чужих шагов порождает эхо, и я иду за ним.

— Тео! — слышу я голос Хейдена.

Я лишь крепче сжимаю пистолет и следую дальше по коридору, как вдруг передо мной появляется пожилая женщина, со словами:

— Хейден? Что происходит?

— Пикси, осторожно!

Когда та поворачивается, наши взгляды встречаются. Ее глаза расширяются, потому что она знает, кто я такой. Я быстро иду по направлению к ней, туда, где слышен голос Хейдена. Старуха не шевелится, стоит и смотрит на меня с вызовом. Я не готов сбить с ног старую женщину, хотя, безусловно, сделаю это, если придется. К счастью, мне не приходится: я обхожу ее и мчусь дальше

по коридору.

— Пикси? — вновь зовет Хейден из левой спальни, что расположена прямо впереди меня.

Я вбегаю в комнату и поднимаю пистолет: клянусь, он скажет, где мой сын, или…

Да вот же он.

Я застываю с оружием в руке. Мой сынок смотрит на меня. Я вижу все те же глаза, что и раньше, — глаза моего мальчика. Помню, на Таймс-сквер я испытал нервное потрясение, и сейчас со мной вновь творится нечто подобное — но внутри, в моей крови и венах, где-то там стучит гул, пронзающий меня насквозь. Не спастись, не спастись… Похоже, меня трясет.

Лишь теперь я вижу на плечах Мэттью чужие руки.

— Тео, — произносит Хейден, всеми силами стараясь, чтобы голос не дрожал, — это мой друг Дэвид. Мы играем в стрелялки, не так ли, Дэвид?

Первая моя мысль — немного странная: Мэттью восемь, а не три, и он не тупой. Он не верит в то, что говорит Хейден, это легко читается по его лицу. Часть меня просто хочет все прекратить, вскинуть оружие и разметать этого гада по стенам, а с последствиями разбираться позднее. Но здесь мой сын. Нравится мне это или нет, однако

он видит в Хейдене своего отца. Мой сын не его боится, я это вижу. Он, как ни больно это осознавать, боится меня.

Я не могу стрелять в Хейдена на глазах у Мэттью.

— Дэвид, это Тео. Мой сын.

Пальцем я чувствую спусковой крючок. В принципе, я уже застрелил двух человек, что мне еще один?

Вдалеке слышен шум. Эта комната, как и весь этот дом, — современная, с окнами от пола до потолка. Я подхожу к окну и выглядываю, тут же замечая вертолет, который как раз приземляется на открытой лужайке.

В спальню входит старуха, которую Хейден называл Пикси. Она встает рядом со мной и говорит:

— Идем, Тео. Пора отправляться.

— Он никуда не пойдет.

Вновь встречая мой взгляд, Пикси легко улыбается:

— Дэвид, что же ты намерен предпринять? Мы вызвали местную полицию. Фредди — это шеф полиции — уже в пути, а с ним и половина его отряда. Они знают, что ты вооружен и опасен, что уже застрелил двух человек. Полагаю, Стефано

не мог выжить. А Фредди уважает Стефано. Они еженедельно играли в покер. При большом везении — это если ты опустишь пистолет и выйдешь на лужайку с поднятыми руками — тебя, возможно, — возможно! — не пристрелят.

— Я знаю все, что вы оба натворили, — говорю я.

— Но ты никогда не сумеешь этого доказать. Какие улики ты предоставишь?

Я смотрю на Тео: он уже не так сильно напуган. Выражение его лица скорее озадаченное и заинтересованное, до душераздирающей боли напоминающее лицо его матери.

— Чего ты ждешь? — продолжает Пикси. — Нового ДНК-теста? Можешь сразу забыть. Для подобного нужен судебный приказ. Тебе придется убедить судью в вескости твоих подозрений — а Пейны знают каждого судью в США. У нас лучшие адвокаты. Мы жмем руки политикам, всем до единого. К тому времени как тебя снова отправят гнить в Бриггс, Тео уже будет за границей.

— А кроме того, — с ухмылкой добавляет Хейден, — я уже сказал Рейчел: что, по-вашему, покажет ДНК-тест? Ты рассчитываешь воспитывать мальчика, в жилах которого течет кровь Пейнов? Он мой сын.

На лице старухи я вижу странную гримасу.

И тут же говорю:

— Нет, Хейден, это не так.

Теперь и Хейден выглядит озадаченно, глядя на эту Пикси: у той глаза в пол.

— Я никогда не верил, что моя жена действительно отказалась от процедуры. Думаю, это было последней каплей, после которой мы развелись. Мэттью держал нас вместе, но как пара мы все равно бы не ужились.

— О чем он говорит? — спрашивает Хейден у Пикси.

Тогда я достаю свой телефон:

— Я смог войти в свой старый электронный ящик. Вот письма. Им уже восемь лет. Когда я узнал, что Шерил обратилась в Институт репродуктивной медицины, то немедленно сделал тест на отцовство. Нет, даже два. Они подтверждают, что именно я — отец Мэттью.

Глаза Хейдена почти выкатываются из орбит.

— Быть не может, — говорит он. — Пикси?

Но та его игнорирует.

— Пойдем, Тео.

— Не надо, — говорю я.

— Ты в меня не выстрелишь, — говорит она.

— А вот я — выстрелю. — Это Рейчел, она входит

в комнату с пистолетом в руке. — Хейден?

Он качает головой.

— Дай-ка я угадаю, — произносит Рейчел. — Ты привез сюда Мэттью, находясь в полной панике. Ты сомневался, правильно ли поступил. Помнится, так ты сказал?

Хейден все еще качает головой, а я слышу приближающиеся сирены.

— Если бы тест показал, что отец не ты, что бы ты сделал? Наверное, сказал бы правду. Признался. — Рейчел смотрит на Пикси. — Она не могла этого допустить. Она солгала, Хейден. Ты не его отец. Вообще-то, это и не важно, отец не тот, кто родил, а тот, кто вырастил. Но все-таки он сын Дэвида. Дэвида и Шерил.

— Пикси? — произносит Хейден совершенно мальчишеским голосом.

Снаружи завывают сирены.

На мгновение кажется, что Пикси собирается все отрицать… Но похоже, она устала сражаться.

— Ты бы вернул его. Или хуже. В любом случае ты бы разрушил семью. Поэтому да, я сказала тебе то, что ты хотел и должен был услышать.

По меньшей мере десяток полицейских машин выезжают на аллею у дома и выстраиваются в шеренгу.

— И это совершенно не важно, Хейден, — говорит Пикси. — Вы оба обязаны сесть в вертолет.

— Нет. — Это говорит Мэттью, мой сын. — Хочу знать, что тут происходит.

— Это просто такая игра, Тео, — отвечает Пикси.

— Я, по-вашему, глупый? — И он смотрит на меня: — Ты мой папа.

Я не понимаю, вопрос это или утверждение. Полицейские наводняют дом, бегут вверх по лестнице, кричат что-то там про поднятые руки, но я почти их не слышу. Мне вообще не до этого. Все, что я могу видеть, — это мой сын.

Мой мальчик.

Мне хочется встать на одно колено, но ведь Мэттью — восьмилетний ребенок, а не младенец. Я смотрю на него и отвечаю:

— Да. Я твой отец. Он похитил тебя, когда тебе было три года.

Мой сын смотрит на меня не отворачиваясь, не мигая. Я тоже. Это самый кристально чистый момент моей жизни. Мой сын и я. Мы снова вместе. И я знаю, что он это понимает. Он все понимает.

И как только это осознание окатывает меня с ног до головы, мое тело пробивает первая пуля.

Восемь месяцев спустя

Я стою слева от тети Софи, пока гроб моего отца — самый обычный сосновый ящик — опускают в землю. Сюда его несли Филипп и Адам Маккензи. На похороны пришла толпа полицейских, молодых, опытных и давно ушедших на пенсию. У папы была уйма друзей, и хотя с некоторыми из них он не виделся много лет, все они пришли проводить его в последний путь.

Я чувствую взгляд дяди Филиппа. Он только кивает, но это многое значит. Он был рядом со мной. Он останется рядом.

В поместье Пейнов в меня выстрелили трижды. И, как мне сказали, стреляли бы дальше, но Мэттью меня заслонил. Увидев его, полицейские прекратили огонь, а я уже был без сознания.

В мою правую ладонь скользит маленькая рука — в знак утешения. Я улыбаюсь Мэттью, затем перевожу взгляд на Рейчел, что держит моего сына за другую руку. От ее улыбки мое сердце бьется быстрее. Я взглядом даю ей понять, что все хорошо.

Мой отец так долго болел… Он был более чем

готов оставить этот мир. Но, видимо, держался достаточно долго, чтобы увидеть, как меня реабилитируют и как я вновь привезу к нему его внука. Мне не выразить то, насколько я ему благодарен.

Все мы склоняем голову, читая кадиш. Я первым бросаю горсть земли на могилу отца. Следом за мной это делает тетя Софи, и в это время я держу ее за руку. Нет-нет, не для нее, а для собственного равновесия. Я два месяца пролежал в больнице, перенес шесть операций. Врачи говорят, вряд ли я когда-нибудь отложу в сторону трость, хотя я собираюсь хорошенько вкалывать на физиотерапии.

Мизерными шансами меня больше на запугаешь. Уж превозмогать-то я точно умею.

После похорон мы едем в Ревир, начиная неделю шивы. В старом доме разгуливают свои призраки, однако сегодня они почтительно умолкают. Среди нас мало истово верующих, но траурный обряд все же унимает боль от потери. Друзья семьи принесли в дом столько еды, что ею можно было бы заполнить Фенуэй-парк. По традиции шивы, я сижу на низком стульчике и слушаю рассказы о моем отце.

И на душе так спокойно.

Тетя Софи теперь будет здесь одна. Она сказала:

«В этом районе вся моя жизнь». Я ее понимаю.

Как только стоящая ко мне очередь из рассказчиков ненадолго прерывается, тетя Софи хватает меня под руку и указывает на Рейчел: та как раз ищет на столе место для еще одной тарелки бургеров «Неряха Джо».

— Так у вас с Рейчел… — спрашивает моя тетя.

— Пока еще рано говорить, — отвечаю я.

— «Рано», тоже мне, — улыбается тетя Софи, она ничуть мне не верит. — Очень рада за вас. И твой отец тоже был бы рад.

Сглотнув, я смотрю на любимую женщину и признаюсь тете:

— Она делает меня таким счастливым.

Не знаю, говорил ли я когда-либо что-то правдивее этого.

Последними из очереди скорбящих ко мне подходят специальный агент Макс Бернстайн и его напарница Сара Яблонски. Они оба пожимают мне руки, одновременно выражая свои соболезнования. Бернстайн смотрит куда угодно, только не мне в глаза.

— Даже не знаю, подходящий ли это момент, — начинает он.

— Для чего?

— Для того, чтобы поделиться свежей инфор-

мацией.

— Самое время, — отвечаю я, поочередно глядя на напарников.

Яблонски берет это на себя:

— Мы, возможно, нашли зацепку… насчет личности жертвы.

Речь идет о маленьком мальчике в постели Мэттью.

— Семейство Пейн финансирует один детдом за границей, — произносит Бернстайн, когда я смотрю на него. — Пока это все, что мы знаем.

— Но мы обязательно выясним больше, — добавляет Яблонски.

Я им верю, однако не думаю, что этого хватит.

Моя реабилитация заняла целых три месяца. Филипп и Адам лишились работы, причем в органах до сих пор идут разговоры о том, чтобы завести уголовное дело о соучастии на них и даже на Рейчел. Очень много шума вызвало убийство «охранников», застреленных мною в поместье Пейнов. Но, похоже, наш адвокат Эстер Кримстайн намерена доказать: ничего-то у злых языков не выйдет. Очень надеюсь, что она это сделает.

Я встаю со стульчика, желая немного размять ноги, особенно ту, что приняла пулю. Но по пути

на кухню останавливаюсь, перехватив взгляд Ники Фишера — тот наблюдает за мной из угла, скрестив руки на груди. Он прилетел накануне вечером из своего общества во Флориде и первым делом пришел в этот дом, попросив меня выйти на улицу и поболтать наедине на крыльце. Двое уже знакомых мне громил, маясь у черного внедорожника, помахали мне рукой. Я помахал им в ответ.

Глядя в черное беззвездное небо, Ники Фишер сказал:

— Соболезную по поводу твоего старика.

— Спасибо.

— Расскажи мне все, как было, Дэвид. И смотри ничего не упусти.

И я послушался.

Вы, как и Ники Фишер, наверняка хотите услышать, что Гертруда и Хейден Пейн отбывают сейчас длительные сроки. Увы, нет. Сразу как меня подстрелили, в поместье приехал Макс, многое распутавший в этом деле благодаря показаниям дяди Филиппа. Несмотря на их помощь, я вновь оказался в лазарете тюрьмы Бриггс, едва мое состояние стабилизировалось. Колеса правосудия вращаются медленно, а против Пейнов, как те верно заметили, не так много свидетельств

каких-либо преступлений. На то, что Хейден причастен к убийству и похищению, не было и намека, если не считать того факта, что Мэттью все это время был у него. Гертруда Пейн, оказывается, тоже ничего не знала и искренне верила, что мальчик был сыном Хейдена. Откуда же Хейден его привез? Ну, вы знаете, итальянская актриса и все такое. Да, то была ложь, шитая белыми нитками, но команда крутых юристов, политиков и судей может заставить поверить в это кого угодно. Так, колеса правосудия и вовсе остановились. Деньгами их смазывают, деньгами и стопорят. Обо всем этом я и рассказывал Ники Фишеру вчера вечером на крыльце. Тот слушал не перебивая. А когда я закончил, он произнес:

— Я решительно этого не выношу.

— Чего именно?

— Не выношу, когда этим людям все сходит с рук.

Затем Ники Фишер сошел с крыльца, сел в свой внедорожник и уехал. И вот теперь он вернулся. Наши взгляды, мои и старика, встречают друг друга, и Ники кивает мне, прямо как Филипп. Только подразумевая совсем иное. От его кивка холод скатывается по позвоночнику, но сулить он может как что-то хорошее, так и что-то пло-

хое. Себе я возьму хорошее, а плохое, пожалуй, оставлю Пейнам.

Продвигаясь в толпе пришедших на похороны, я все время киваю, улыбаюсь, пожимаю руки. Дойдя все-таки до кухни, вижу Рональда Дрисона. Муж Шерил смотрит в кухонное окошко на старый задний двор.

Я пристраиваюсь рядом.

— Как ты? — спрашивает Рональд.

— Спасибо, что приехали.

— Не благодари.

Стоя бок о бок, мы оба смотрим на Шерил. Она сидит в саду с четырехмесячной дочкой Элли на руках. Украдкой гляжу на Рональда: настоящий гордый отец, улыбается жене. Он действительно любит Шерил, что не может не радовать.

— А дочка-то — красавица, — говорю я ему.

— Ага! — Рональд почти что вспыхивает от счастья. — Еще какая!

А рядом со своей матерью во дворе стоит Мэттью.

Нам все, конечно, в новинку, однако мы с Шерил успешно делим опеку над нашим сыном. Одну неделю он проводит с Шерил и Рональдом, а на другую — едет ко мне и Рейчел. Пока вроде все хорошо.

Вы спросите, как он себя чувствует?

Мэттью снятся кошмары, хотя их не так уж и много. Все дети стойки, а он — особенно. Проявятся ли его травмы когда-нибудь во взрослом возрасте? Все говорят, что такое возможно; я же настроен более оптимистично. В восемь лет многое хочется знать, и головой уже понимаешь большую часть из этого. Вот поэтому мне не хочется лгать ему о случившемся или пытаться как-нибудь сгладить углы. Хейден, слава богу, не третировал Мэттью, однако большую часть жизни этот мальчик провел в интернате, вдалеке от родителей, и по своим швейцарским товарищам и учителям он явно скучает больше, чем по так называемому отцу. Впрочем, о Хейдене у него остались хорошие воспоминания. Он спрашивает иногда, как человек мог сделать такое зло — и все же проявлять доброту. Хотел бы я объяснить ему, что люди сложнее, чем кажется… Но мне, конечно же, не найти подходящих слов.

Я смотрю, как Шерил передает малышку Элли ее старшему брату.

Мэттью обожает сестру. Держа ее бережно, боязливо, словно та сделана из стекла, он весь сияет. Глядя на своего замечательного сына, я чувствую руку Рейчел, обвивающую мою. Рейчел

тоже смотрит на него. Как и все, кто здесь, кто пытается начать жизнь с чистого листа…

И я знаю, что мой отец смотрит сейчас на нас.

Благодарности

Автор (которому постоянно хочется упоминать себя в третьем лице) хочет поблагодарить следующих людей, причем не в каком-то особом порядке: Бена Севьера, Майкла Питша, Уэса Миллера, Кирсию Депп, Бетт де Гузман, Карен Костольник, Лорен Белло, Джонатана Валукаса, Мэттью Бэлласта, Брайана Маклендона, Стейси Берт, Эндрю Данкана, Алексиса Гилберта, Дженин Перес, Джозефа Бенинкейса, Альберта Танга, Лиз Коннор, Рену Корнблу, Мэри Окуду, Рика Болла, Селину Уокер, Шарлотт Буш, Беки Паркер, Сару Ридли, Гленна О'Нила, Мэта Уоттерсона, Ричарда Роландса, Фреда Фридмана, Дайану Дисеполо, Шарлотту Кобен, Энн Армстронг-Кобен, Лизу Эрбах Вэнс, Коула Гэлвина и Робби Халла.

В «Благодарностях» автор обычно отмечает, что все допущенные ошибки — на его совести, но как быть с тем, что все эти люди — эксперты? Почему я один должен терпеть всю критику?

Также мне хочется по-быстрому поблагодарить Джорджа Белби, Кэти Кобреру, Тома Флорио, Лорен Форд, Ганса Лааспре, Барб Маттесон и Уэйна

Сэмси. Эти люди (или их близкие) внесли щедрый вклад в мои благотворительные акции — с условием, что их имена появятся в этом романе. А вы, если желаете в будущем поучаствовать, пишите мне: giving@harlancoben.com.